

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Демьянова Мария Владиславовна

**ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ
В КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ**

12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук
Шиткина И.С.

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ГЕНЕЗИС	15
§ 1. Принцип добросовестности и его историческое развитие	15
§ 2. Соотношение понятия «добросовестность» со смежными категориями	42
ГЛАВА II. ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ.....	67
§ 1. Особенности проявления принципа добросовестности в корпоративном праве	67
§ 2. Функции принципа добросовестности в корпоративном праве.....	82
§ 3. Правовые средства реализации принципа добросовестности в корпоративном праве.....	99
ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ОТДЕЛЬНЫМИ СУБЪЕКТАМИ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.....	112
§ 1. Реализация принципа добросовестности корпорацией.....	112
§ 2. Реализация принципа добросовестности участниками корпорации	139
§ 3. Реализация принципа добросовестности членами органов управления корпорации.....	170
§ 4. Реализация принципа добросовестности иными лицами, вовлеченными в корпоративные правоотношения	195
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	222
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	225

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Принцип добросовестности¹ в качестве принципа осуществления прав и исполнения обязанностей введен в российское гражданское законодательство в 2013 г. и получил распространение в том числе на корпоративные правоотношения². Развитие российского корпоративного законодательства на начальном этапе имело хаотичный характер, обусловленный потребностями резко изменившегося общественно-политического и экономического уклада. В условиях динамичного развития общественных отношений времени для глубокой теоретической проработки многих институтов корпоративного права, и тем более его общих принципов, не было. Между тем недобросовестность участников корпоративных правоотношений оказывала негативное влияние на широкий круг лиц. Рейдерские захваты, вытеснение миноритарных акционеров – бывших работников приватизированных советских предприятий, использование корпоративной формы ведения бизнеса для фактически полного исключения ответственности стоящих за корпорацией лиц, привлечение денежных средств и последующий вывод активов – это лишь неполный список недобросовестных действий субъектов корпоративных правоотношений. Таким образом, внедрение принципа добросовестности было вызвано реальными обстоятельствами; потребности в развитии теоретических начал корпоративного права во многом порождала практическая деятельность, в отличие, например, от Германии, где принцип добросовестности научно разрабатывался учеными-правоведами при принятии Германского гражданского уложения.

На наш взгляд, с 2013 г. исследованию принципа добросовестности в корпоративном праве уделялось недостаточно внимания. При этом принцип

¹ В настоящем исследовании принцип добросовестности понимается в объективном смысле, так как, по мнению автора, принцип добросовестности в субъективном смысле не может выступать ни принципом права, ни принципом осуществления права в связи с тем, что он отражает только факт знания или незнания субъектом права об определенных обстоятельствах (подробнее см.: Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1; первый параграф Главы 1 диссертации).

² Не исключая из предмета корпоративного права корпоративные правоотношения, возникающие из участия и управления корпоративными организациями различных организационно-правовых форм, основной упор в диссертации сделан на исследовании реализации принципа добросовестности применительно к хозяйственным обществам.

добросовестности играет в корпоративных правоотношениях ключевую роль в связи с их спецификой. Объединяя и персонифицируя имущество различных лиц, корпорация выступает важнейшим средством развития экономики. Корпоративное право обслуживает экономические отношения, скорость изменений которых не всегда позволяет осуществлять своевременное законодательное регулирование. Характер отношений между субъектами корпоративных правоотношений, как правило, длящийся и не всегда обусловлен достижением конкретной цели, что не позволяет участникам самостоятельно предусмотреть все возможные правила. Корпоративное устройство основано на принципе большинства, суть которого заключается в возможности мажоритарного участника оказывать существенное влияние на права и законные интересы корпорации, миноритарных участников, кредиторов и работников, что предопределяет особое значение добросовестной реализации прав и обязанностей мажоритарным участником. Не будучи объектом материального мира, корпорация представляет собой правовое явление, в котором аккумулируются интересы различных самостоятельных субъектов права, каждый из которых обладает собственным интересом, обусловленным правовым статусом или жизненными обстоятельствами конкретного субъекта корпоративных правоотношений.

В связи с этим может возникать проблема столкновения интересов субъектов корпоративных правоотношений и лиц, вовлекаемых в деятельность корпорации, для решения которой необходимо формирование баланса интересов указанных лиц как цели правового регулирования корпоративных отношений. Однако формируемый в законодательстве и судебной практике баланс интересов участников корпоративных правоотношений в отсутствие принципа добросовестности представляется недостаточно устойчивым, так как, во-первых, появляются новые, не охваченные правом отношения, во-вторых, недобросовестные участники для реализации собственных целей находят способы действовать в обход закона.

Принцип добросовестности в корпоративном праве призван обеспечивать устойчивый баланс интересов в целях защиты прав и законных интересов

различных субъектов, прямо или косвенно вовлеченных в корпоративные правоотношения. Реализация принципа добросовестности имеет свои особенности, предопределяемые статусом субъектов корпоративных правоотношений и вовлеченных в них лиц, а случаи недобросовестности напрямую зависят от объема прав и обязанностей субъектов. Так, распространенным примером недобросовестности участника является подача в суд требования об исключении другого участника из непубличного общества в случае корпоративного конфликта. Недобросовестное контролирующее лицо часто использует корпорацию для получения имущества от кредиторов и последующего ухода от ответственности. Члены органов управления могут осуществлять вывод активов из корпорации. Интересным представляется вопрос о реализации принципа добросовестности залогодержателем прав участника корпорации, который также не всегда добросовестно осуществляет свои права.

Практическое значение данного исследования обусловлено тем, что применение принципа добросовестности неизбежно связано с высокой степенью судебного усмотрения, так как разрешение вопроса о добросовестности лица входит в компетенцию суда при рассмотрении конкретного дела. Отсутствие единых подходов при применении принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях порождает нестабильность правоприменительной практики. В связи с этим особое значение в формировании единых подходов и критериев реализации принципа добросовестности в корпоративном праве приобретает правовая доктрина. Указанные обстоятельства обосновывают актуальность темы диссертационного исследования.

Степень разработанности темы диссертационного исследования. Принцип добросовестности и концепция злоупотребления правом вызывают значительный интерес у правоведов и получили широкое освещение в правовой литературе, в частности, в работах М.М. Агаркова, Е.Е. Богдановой, А.В. Волкова, В.П. Грибанова, А.В. Егорова, М.Ф. Лукьяненко, И.Б. Новицкого, Л.И. Петражицкого, А.М. Ширвиндта и других ученых.

К диссертационным исследованиям последних лет, посвященным принципу добросовестности в гражданском праве и в конкретных видах гражданских правоотношений, относятся работы К.В. Нама, А.В. Коновалова, А.А. Кравченко, О.В. Мазур, В.М. Сайфутдиновой. Различные аспекты корпоративного права были предметом значительного количества исследований. Однако непосредственно проблемам реализации принципа добросовестности в корпоративном праве посвящено лишь несколько научных статей, затрагивающих отдельные аспекты реализации принципа добросовестности в корпоративном праве, а также диссертационное исследование Я.А. Смирновой на тему «Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ».

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с осуществлением корпоративных прав и исполнением корпоративных обязанностей, а также реализация принципа добросовестности субъектами этих отношений.

Предмет диссертационной работы составляют нормы отечественного корпоративного права, рекомендательные акты, правоприменительная практика, научная доктрина по вопросу реализации принципа добросовестности при осуществлении прав и исполнении обязанностей в сфере корпоративного права.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является анализ специфики реализации принципа добросовестности в общественных отношениях, связанных с осуществлением корпоративных прав и исполнением корпоративных обязанностей, теоретическая разработка правовых средств, направленных на реализацию принципа добросовестности в корпоративном праве.

Достижение поставленной цели обусловило необходимость постановки и решения следующих задач:

- сформулировать категорию «добросовестность» и установить ее соотношение со смежными категориями;
- выявить особенности проявления принципа добросовестности в корпоративном праве;

- определить функции принципа добросовестности в корпоративном праве;
- проанализировать нормативные правовые акты и судебную практику на предмет возможности недобросовестного осуществления корпоративных прав и исполнения обязанностей;
- выявить отдельные правовые средства, направленные на реализацию принципа добросовестности в корпоративном праве;
- разработать рекомендации по совершенствованию корпоративного законодательства и правоприменительной практики.

Методологическая основа диссертации определяется целями и задачами исследования и представлена совокупностью общенаучных методов: сравнения, анализа и синтеза, системно-структурного, классификации, индукции и дедукции; и частнонаучных методов: формально-юридического, историко-правового, сравнительно-правового.

Теоретическая основа исследования. Анализ общих положений о принципах права, принципе добросовестности и его соотношении с иными категориями осуществлялся на основании изучения трудов отечественных ученых-правоведов: М.М. Агаркова, С.С. Алексеева, Г.Н. Амфитеатрова, В.К. Бабаева, В.А. Белова, Е.Е. Богдановой, С.Н. Братуся, В.А. Вайпана, В.В. Витрянского, А.В. Волкова, В.П. Грибанова, Е.П. Губина, Д.В. Дождева, А.В. Егорова, О.С. Иоффе, О.А. Кузнецовой, Р.З. Лившица, К.В. Нама, И.Б. Новицкого, Л.И. Петражицкого, И.А. Покровского, К.И. Скловского, Е.А. Суханова, А.М. Ширвиндта, В.Ф. Яковлева, а также работ зарубежных авторов: M.W. Hesselink, K.F. Nörr, F. Wieacker и других.

Вопросы корпоративного права автор изучал на основании исследований С.Н. Братуся, А.В. Габова, П.Н. Гуссаковского, О.В. Гутникова, А.И. Каминки, Н.В. Козловой, А.А. Кузнецова, Д.В. Ломакина, В.П. Мозолина, Л.И. Петражицкого, С.А. Сеницына, Е.А. Суханова, И.Т. Тарасова, С.Ю. Филипповой, П.П. Цитовича, Б.Б. Черепихина, Г.Ф. Шершеневича, И.С. Шиткиной и других.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что

автором впервые было проведено комплексное изучение норм корпоративного права через призму их направленности на реализацию принципа добросовестности. По результатам исследования было выявлено содержание принципа добросовестности и соотношение со смежными категориями, выработана система и классификации правовых средств реализации принципа добросовестности в корпоративном праве, решена проблема соотношения общей гражданско-правовой обязанности действовать добросовестно и обязанности действовать добросовестно, возлагаемой на отдельных субъектов корпоративных правоотношений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Добросовестность в корпоративном праве направлена на формирование баланса интересов участников корпоративных правоотношений и вовлеченных в них лиц и выступает как принцип осуществления прав и исполнения обязанностей субъектов корпоративных правоотношений; как ориентир для законодателя; как критерий для оценки правоприменителем поведения субъектов корпоративных правоотношений и иных вовлеченных в корпоративные правоотношения лиц. Добросовестность как принцип осуществления прав и исполнения обязанностей проявляется в том, что к субъектам корпоративных правоотношений предъявляется требование учитывать права и законные интересы иных лиц при осуществлении прав и исполнении обязанностей. В качестве ориентира для законодателя принцип добросовестности заключается в том, что правовые нормы должны быть нацелены на учет интересов субъектов корпоративных правоотношений и иных лиц, на содействие добросовестному поведению и недопущение искусственной постановки субъектов корпоративных правоотношений в условия, способствующие нарушению принципа добросовестности. Как критерий для оценки поведения субъектов принцип добросовестности означает, что правоприменитель при вынесении решения оценивает, насколько поведение лица соответствует принципу добросовестности.

2. Принцип добросовестности в корпоративном праве характеризуется объективностью. Из этого следует, что, во-первых, правовая оценка поведения

лица должна основываться на определенном стандарте поведения в диапазоне от поведения лица, учитывающего интересы иных участников гражданского оборота, до поведения, направленного на реализацию чужого интереса. Во-вторых, оценка поведения на соответствие принципу добросовестности должна осуществляться на основании фактических обстоятельств, вне зависимости от мотивов добросовестного или недобросовестного поведения субъекта.

3. Различия категорий «добросовестность» и «разумность» в корпоративном праве проявляются в следующем. Принцип добросовестности отражает этический элемент в корпоративном праве – запрет действовать во зло – и определяет границы допустимого эгоизма участников корпоративных правоотношений. Принцип разумности представляет рациональный элемент – необходимость анализировать последствия своего поведения, прогнозировать и оценивать риски. Нарушение лицом принципа добросовестности всегда умышленно: субъект либо намеренно реализует свои права и обязанности во зло в целях причинения вреда иным лицам, либо при реализации своих прав и обязанностей осознанно не учитывает права и интересы иных субъектов. Нарушение лицом принципа разумности характеризуется неосторожностью, при которой субъект не осознает вероятность наступления негативных последствий своего поведения, так как в конкретной ситуации не прилагает надлежащих умственных усилий для оценки своего поведения.

4. В российском корпоративном праве принцип добросовестности реализуется через систему правовых средств, включающую негативные, нейтральные и позитивные правовые средства, содержащиеся в законодательных, судебных, рекомендательных актах, уставах, внутренних документах и договорах.

Негативные правовые средства реализации принципа добросовестности представляют собой реакцию на недобросовестное поведение в целях защиты нарушенных прав и законных интересов или возможность такой реакции, которая оказывает превентивное воздействие и способствует добросовестности поведения субъектов корпоративных правоотношений. Негативные правовые средства подразделяются на меры ответственности и иные меры правоохранительного

характера. Нейтральные правовые средства направлены на минимизацию возможности недобросовестного поведения. Как правило, нейтральные правовые средства содержат требования к корпоративным процедурам и статусу вовлеченных в корпоративные правоотношения лиц. Позитивные правовые средства нацелены на обеспечение максимальной реализации принципа добросовестности, а также на сближение разнонаправленных интересов участников корпоративных правоотношений.

5. В корпоративном праве следует выделять обязанность действовать добросовестно активного характера и обязанность действовать добросовестно пассивного характера. Обязанность членов органов управления действовать добросовестно в интересах юридического лица (п. 3 ст. 53 ГК РФ) и тождественная обязанность контролирующих корпорацию лиц (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ) качественно отличаются от общей обязанности участников гражданских правоотношений действовать добросовестно, закрепленной в п. 3 ст. 1 ГК РФ. На членов органов управления и контролирующих лиц возлагается обязанность действовать в интересах юридического лица в отличие от общей гражданско-правовой обязанности – учитывать права и интересы другой стороны при реализации собственных интересов.

Теоретическим и практическим следствием данного тезиса является следующий вывод: обязанность членов органов управления и контролирующих лиц действовать в интересах юридического лица добросовестно по сравнению с общегражданской обязанностью действовать добросовестно предполагает активный характер – целевую деятельность, направленную на удовлетворение интересов юридического лица (активная добросовестность). Общегражданская обязанность добросовестного поведения обладает пассивным характером, так как субъект должен учитывать права и законные интересы иных лиц, но не обязан направлять на их реализацию собственные действия (пассивная добросовестность).

6. Суд должен устанавливать вину члена органа управления или контролирующего лица, даже если объективные обстоятельства свидетельствуют

о недобросовестности указанных лиц. Недобросовестность – это объективное обстоятельство, отражение поведения лица в фактах действительности. Вина представляет собой субъективную сторону и, по общему правилу, является необходимым условием ответственности. Отсутствие вины члена органа управления или контролирующего лица означает отсутствие состава гражданского правонарушения.

7. Единогласное решение участников (решение единственного участника) совершить сделку, как правило, должно освобождать директора от ответственности за убытки, причиненные в результате совершения им сделки. Это служит цели реализации принципа добросовестности участниками, выражающейся в недопустимости перекладывания ответственности за собственные решения на иных лиц. Однако в связи с возможностью вынесения директором на общее собрание вопроса о согласовании сделки, заведомо не отвечающей интересам общества, в своих личных целях при решении вопроса о привлечении директора к ответственности необходимо учитывать личную заинтересованность и степень влияния директора на совершение сделки.

8. Особенностью реализации принципа добросовестности залогодержателем прав участника юридического лица оказывается его вовлеченность в пересечение различных интересов: собственного интереса залогодержателя в сохранении предмета залога; интереса залогодателя; интереса общества, права из акций или доли в уставном капитале которого являются предметом залога. Доказано, что в первую очередь должен реализовываться интерес в сохранении предмета залога, представляющий суть и основной смысл существования правовой связи залогодержателя с залогодателем и обществом. При этом к решению вопроса о возлагаемом на залогодержателя требовании действовать добросовестно необходимо подходить дифференцированно. Если залогодержатель реализует корпоративные права только в целях контроля над стоимостью акций или доли, права из которых являются предметом залога, на такого залогодержателя возлагается требование пассивной добросовестности. Он должен намеренно не вредить залогодателю, содействовать последнему в осуществлении его

корпоративных прав. Залогодержатель должен учитывать интересы корпорации и не блокировать принятие решений. Однако если при реализации прав залогодержатель преследует в качестве основной цели осуществление корпоративного контроля и оказание определяющего влияния на деятельность корпорации, на него должно возлагаться требование активной добросовестности.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что научные выводы и предложения, сформулированные автором в диссертации, будут способствовать развитию науки корпоративного права, могут являться основой для дальнейших научных исследований, применяться в образовательной деятельности. Вынесенные на защиту положения целесообразно использовать в законотворческом процессе, правоприменении, а также будут востребованы участниками гражданского оборота при определении пределов реализации собственных корпоративных прав и обязанностей.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность выводов диссертационного исследования обосновывается использованием научных методов и подтверждается нормативными правовыми актами, судебной практикой и правовой доктриной.

Апробация результатов исследования осуществлялась в ходе практической и преподавательской деятельности автора на факультете Высшая школа государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова по курсу «Предпринимательское право».

Диссертация обсуждена на кафедре предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Основные положения и выводы, сформулированные в диссертационном исследовании, отражены в научных статьях:

а. Опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право:

1. Демьянова М.В. Принцип добросовестности в корпоративном праве: теоретический аспект // Законодательство. – 2021. – № 12. – С. 16–19.

2. Демьянова М.В. Реализация принципа добросовестности залогодержателем прав участника юридического лица // Хозяйство и право. – 2021. – № 12. – С. 83–89.

3. Демьянова М.В. Правовые средства реализации принципа добросовестности в корпоративном праве // Право и экономика. – 2021. – № 11. – С. 24–29.

4. Демьянова М.В. Функции принципа добросовестности в корпоративном праве // Право и экономика. – 2021. – № 9. – С. 54–59.

б. Опубликованных в иных изданиях:

1. Демьянова М.В., Знаменский В.В. Анализ императивных и диспозитивных начал в регулировании крупных сделок // Соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном праве : сборник статей, коллектив авторов / под ред. И.С. Шиткиной. – М.: Статут, 2017. – С. 173–182.

2. Демьянова М.В. Исследование эффективности корпоративного управления в компаниях с госучастием / Шиткина И., Буткова О., Мамагеишвили В. [и др.] // Национальный доклад по корпоративному управлению. 2018. – № 10. – С. 155–195.

3. Демьянова М.В. Практический курс «Корпоративное право» / М.В. Демьянова, М.Н. Жарикова, В.В. Знаменский [и др.]; отв. ред. И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2020. – С. 9–36; 265–282; 308–327; 342–365.

4. Демьянова М.В. Глава XV. Охрана и защита прав участников корпоративных правоотношений (Практический курс «Корпоративное право» под редакцией И.С. Шиткиной (фрагменты)) // Права гражданина и интересы публичной власти : монография (Труды Юридического факультета : кн. 16) / Е.Г. Афанасьева, Е.Ю. Забрамная, И.А. Игнатьева [и др.] ; отв. ред. Е.Б. Лаутс. – М.: Статут, 2021. – С. 239–262.

Структура и объем исследования. Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования, логикой внутреннего изложения проблемы.

Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка литературы, нормативных правовых и судебных актов.

Глава I. Принцип добросовестности: понятие, содержание и генезис

§ 1. Принцип добросовестности и его историческое развитие

Начать настоящее исследование представляется верным с цитаты И.А. Покровского: «Всякий образованный человек, а тем более юрист, должен иметь всегда ясное представление о краеугольных принципах своего права, об отношении этих принципов к прошлому человека и к идеалам его будущего»³.

Прежде чем перейти к исследованию принципа добросовестности, необходимо кратко обратиться к самой категории «принцип права».

Р.З. Лившиц определял принципы права как «сухой осадок богатейшей правовой материи, ее скелет, ее суть, освобожденная от конкретики и частных»⁴.

Г.А. Свердлык видит принципы права как отражение объективных закономерностей развития общественных отношений⁵.

С.Н. Братусь писал, что «принцип – это ведущее начало, закон данного движения материи или общества, а также явлений, включенных в ту или иную форму движения»⁶. Также С.Н. Братусь отмечал, что если принцип прямо не сформулирован в норме, то его можно определить из общего смысла правовых норм⁷.

Поддерживая точку зрения С.Н. Братуся о том, что принципы – это ведущие начала в праве, В.Ф. Яковлев также добавлял: «В гносеологическом аспекте принципы, методы правового регулирования, – система права – объективная реальность, как и само право. Иное означало бы, что каждый исследователь может по-своему конструировать систему права, привносить в него «свои» принципы и методы»⁸.

³ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. С. 7.

⁴ Лившиц Р.З. Теория права: Учебник. М.: БЕК, 1994. С. 195.

⁵ Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. С. 17.

⁶ Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. С. 135.

⁷ Там же. С. 137.

⁸ Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: Учеб. пособие. Свердловск: Полиграфист, 1972. С. 16, 56.

По мнению Л.И. Петражицкого, «Именно принципы гражданского права являются фундаментом современного строя общежития и определяют самые существенные и жизненные общественные интересы»⁹.

Следуя традиции, заложенной О.С. Иоффе и В.П. Грибановым¹⁰, наряду с принципами гражданского права Е.А. Суханов выделяет принципы осуществления права, которые относятся не к содержанию гражданско-правового регулирования, а к процессу реализации и защиты прав и обязанностей участников. Принципы добросовестности, разумности и справедливости относятся именно к принципам осуществления права¹¹.

Е.П. Губин и П.Г. Лахно видят необходимость в разграничении принципов права и правовых принципов. Под последними авторы понимают экономические, политические, социальные и другие начала, закрепленные правом. В свою очередь, принципы права представляют собой основные начала именно права и являются видом правовых принципов¹². Выделяя отдельно правовые принципы, авторы подчеркивают, что правовые нормы закрепляют не только принципы, на основании которых функционирует право, но и принципы иных сфер общественных отношений, регулируемых правом. Соответственно, правовые принципы и принципы права следует рассматривать как общее и частное.

Помимо принципов права и правовых принципов также выделяются принципы правового регулирования, суть которых состоит в выражении характера правового регулирования в зависимости от целей и особенностей общественных отношений¹³.

⁹ Петражицкий Л.И. Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве. СПб.: Изд-во Типографии Министерства финансов, 1898. С. 32.

¹⁰ Иоффе О.С. Грибанов В.П. Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 76 – 85.

¹¹ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2013. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. С. 78. (Автор главы – Е.А. Суханов).

¹² Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА. ИНФРА-М, 2011. С. 52 – 53. (Авторы главы – Е.П. Губин, П.Г. Лахно).

¹³ Карелина С.А. Принципы правового регулирования отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника // Предпринимательское право. 2008 № 2 // СПС КонсультантПлюс; Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ. 2019 // СПС КонсультантПлюс.

Таким образом, принципы права – это основные начала, базис, дух соответствующей отрасли права. Принципы права представляют собой своего рода скелет права, на основании которого строится соответствующая отрасль права или система права в целом. Из данного понимания принципов права можно сделать следующие выводы.

В правотворческом процессе следует исходить из того, что при подготовке и принятии того или иного нормативного правового акта необходимо анализировать его на предмет соответствия принципам соответствующей отрасли права.

Для правоприменения значение принципов проявляется в том, что при применении определенной нормы права к конкретным правоотношениям правоприменитель должен оценивать, насколько применение данной нормы в конкретном случае соответствует принципам права.

У правовых норм, содержащих принципы права, формально нет приоритета. Напротив, исходя из принципа приоритета специальной нормы над общей («*lex specialis derogat generali*») можно было бы признавать приоритет за конкретными нормами права, а не нормами-принципами. Однако на принципах права должны основываться все остальные правовые нормы, это исходит из самой сути принципов, без которой принципы приобретают исключительно декларативный характер.

Такой подход в наибольшей степени служит основному пониманию права как «искусства добра и справедливости» (*ius est ars boni et aequi*)¹⁴ и способствует установлению приоритета духа закона над буквой, когда при несовершенстве законодательной техники и неточности законодательных формулировок толкование нормы осуществляется на основании принципов права или к правоотношениям применяется норма, соответствующая принципам права.

¹⁴ Е.А. Суханов справедливо отмечал: «...право есть искусство доброго и справедливого», а не искусство снижения экономических издержек. Именно поэтому далеко не все положения даже современного англо-американского корпоративного права можно удовлетворительно объяснить с помощью теории «оптимизации издержек». Таким образом, расхождение между «экономистами» и «юристами» носит принципиальный характер, поскольку «право» (*ius*) означает «справедливость», будучи не экономической, а нравственной категорией, на которой должно основываться разрешение всякого, тем более судебного, спора» (Суханов Е.А. О юридических лицах в Гражданском кодексе РФ 1994 г. // Вестник гражданского права. 2019. № 6) // СПС КонсультантПлюс.

А.А. Кравченко выделяет следующие признаки принципов права: 1) нормативная закреплённость; 2) фундаментальный характер для области правового регулирования; 3) руководящее воздействие на совокупность норм права; 4) обоснованность в доктрине; 5) широкая применимость в судебной практике¹⁵.

По нашему мнению, к признакам принципов права также следует относить абстрактный характер, в соответствии с которым принцип права не содержит конкретного правила поведения о том, что в той или иной ситуации соответствующий субъект должен действовать каким-либо образом. Также признаком принципов права является общий характер. Это означает, что, являясь своего рода ядром права, принципы права распространяют свое действие на все правоотношения соответствующей отрасли права.

Принцип добросовестности закреплён в ст. 1 «Основные начала гражданского законодательства» Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁶ (далее – ГК РФ), в которой указано, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3), никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4).

Для более глубокого исследования содержания принципа добросовестности необходимо обратиться к самой категории «добросовестность». Употребление понятия добросовестность наиболее распространено в праве, но легального определения понятия «добросовестность» нет¹⁷. На наш взгляд, сама по себе категория «добросовестность» имеет свои корни в этике – философской

¹⁵ Кравченко А.А. Реализация принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства): правовые вопросы. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2020. С. 28.

¹⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁷ Однако в п. 9 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч). Ст. 3434) содержится определение антагонистического добросовестности понятия недобросовестной конкуренции, под которой понимаются любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации.

дисциплине. Однако в философии практически не встречается категория «добросовестность». В связи с этим для понимания содержания понятия «добросовестность» рассмотрим наиболее близкие по смыслу этические категории «добро» и «совесть» как составные части понятия добросовестность.

Философский словарь определяет добро «как ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо в его отношении к некоему стандарту или сам этот стандарт.... С развитием морального сознания и этики вырабатывается более строгое понятие собственно морального добра. Во-первых, оно осознается как особого рода ценность, не касающаяся природных или стихийных событий и явлений. Во-вторых, добро знаменует свободные и сознательно соотнесенные с высшими ценностями, в конечном счете с идеалом, поступки. С этим связано позитивное нормативно-ценностное содержание добра: оно заключается в преодолении обособленности, разобщенности и отчуждения между людьми, утверждении взаимопонимания, морального равенства и гуманности в отношениях между ними; оно характеризует действия человека с точки зрения его духовного возвышения и нравственного совершенства»¹⁸.

В Философском словаре под редакцией М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина добро понималось как «то, что общество (или данный прогрессивный класс) считает нравственным, достойным подражания. Противоположное значение имеет зло. Эксплуататоры свое представление о добре выдают за «вечное» и общечеловеческое, ссылаясь при этом на божественные предписания или «метафизические» принципы. <...> Марксистско-ленинская этика отрицает метафизическое истолкование представлений о добре и зле. Представления о добре и зле так менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому. Вместе с тем понятия добра и зла имеют объективный источник в развитии общества. Поступки людей могут быть оценены как добрые и злые соответственно тому, способствуют они или препятствуют удовлетворению исторических потребностей общества. Моральный

¹⁸ Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Под ред. В.С. Степина М., 2010 // Сайт «Электронная библиотека Института философии РАН». URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH010f9bc8de84b3c231713f0f> (дата обращения: 05.04.2019).

кодекс строителя коммунизма, сформулированный в Программе КПСС, является мерилom нравственного (доброго или злого) поведения советских людей»¹⁹. Именно такое понимание добра как критикуемое авторами метафизическое понимание, зависимое от конкретного народа и эпохи, так и имеющее, по мнению авторов, источник в виде потребностей общества, уже ни одно столетие создает почву для критики принципа добросовестности многими правоведами, которая будет рассмотрена далее.

И. Кант под добром подразумевал то, что является универсально истинным без каких-либо исключений, подобно закону природы²⁰.

В.С. Соловьев писал, что вне зависимости от того, какое значение придают добру различные народы и социальные группы, оно приобретает значение постоянной и всеобщей нормы и идеала²¹.

Таким образом, единства в понимании добра нет. Оно рассматривается и как идеал, и как закон природы, и как средство достижения потребностей общества. Однако во всех указанных определениях добро представляет собой максимально одобряемое конкретным обществом в определенный исторический период поведение отдельного субъекта.

Категория «совесть» определяется в Философском словаре как «...этическая категория, выражающая высшую форму способности личности к моральному самоконтролю, сторону ее самосознания. <...> ...Совесть включает и самооценку уже совершенных действий на основе понимания человеком своей ответственности перед обществом»²².

П. Гольбах считал, что совесть – это оценка человеком своего поведения, проводимая в собственной душе²³.

¹⁹ Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М., 1963 // Сайт «Большая советская энциклопедия». URL: <http://bse.uaio.ru/FIL1963/fsl1963.htm#s110> (дата обращения: 15.04.2019).

²⁰ Кант И. Критика практического разума // Сайт «Библиотека Гумер». URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant_pr/index.php (дата обращения: 15.04.2019).

²¹ Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сайт «Библиотека «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/soloviev/oprav/00.html> (дата обращения: 15.04.2019).

²² Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Издательство политической литературы, 1981. С. 445.

²³ Гольбах П.А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. М.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1940. С. 140.

В марксизме совесть приобретает неоднородный дифференцированный в зависимости от принадлежности к тому или иному сословию характер: «У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего – иная, чем у неимущего, у мыслящего иная, чем у того, кто неспособен мыслить»²⁴.

И.А. Ильин придает совести значение важнейшего социального регулятора, обеспечивающего мирное существование человечества: «Там, где совесть вытравливается из жизни, ослабевает чувство долга, расшатывается дисциплина, гаснет чувство верности, исчезает из жизни начало служения; повсюду воцаряется продажность, взяточничество, измена и дезертирство; все превращается в бесстыдное торжище, жизнь становится невозможной»²⁵.

Советская наука философии отдавала должное место изучению категории совести. З.А. Бербешкина определяла совесть как «способность личности осуществлять самоконтроль, осознавать нравственные общественные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков»²⁶. О.Г. Дробницкий рассматривал совесть как «вторичную рефлексию по поводу своих поступков, побуждений и мотивов, возникающая, когда человек бывает способен судить себя с моральной точки зрения, которую он может отличить от своей собственной, частной и субъективной»²⁷.

Анализируя и обобщая указанные определения категорий «добро» и «совесть», можно заключить, что добросовестность в философском понимании представляет собой оценку субъектом своего поведения с точки зрения стремления к идеалу поведения.

Рассмотрев этимологию понятия добросовестность и его философское понимание, необходимо перейти к историческому экскурсу определения понятия добросовестность в отечественной правовой науке.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 6. С. 140.

²⁵ Ильин И.А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл.; Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 152.

²⁶ Бербешкина З.А. Совесть как этическая категория. М.: Высш. шк., 1986. С. 44.

²⁷ Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М.: Наука, 1977. С. 177.

В дореволюционную эпоху принцип добросовестности не был закреплен в российском законодательстве, но разрабатывался в ст. 65 книги 5, посвященной обязательственным отношениям, проекта Гражданского уложения Российской империи, работа над которым началась в 1882 года. Так, согласно названной статье договоры должны быть исполняемы по точному их смыслу, по доброй совести и намерению сторон.

Несмотря на то, что принцип добросовестности восходит к римскому принципу *bona fides*, а изучение гражданского права вплоть до XIX века фактически сводилось к изучению римского права, до нас не дошли труды российских правоведов, посвященных данному принципу. О принципе добросовестности заговорили к концу XIX века в связи с разработкой упомянутой нормы Гражданского уложения Российской империи и закрепления аналогичного принципа *Treu und Glauben* в Германском Гражданском уложении в 1896 году.

Уже тогда разграничивали добросовестность в субъективном и объективном смыслах. В субъективном смысле добросовестность рассматривалась как защита против требования, о котором ответчик не осведомлен (извинительное незнание). В объективном смысле под добросовестностью подразумевали стандарт честного поведения, ожидаемого от участника гражданского оборота²⁸.

Л.И. Петражицкий отмечал, что добросовестность (*bona fides*) владения (добросовестность в субъективном смысле) нельзя отождествлять с честностью или какими-либо нравственными заслугами, а выражение недобросовестность (*mala fides*) владения не является синонимом слова «безнравственность». Он считал, что *bona fides* владельца – незнание (извинительное заблуждение), а *mala fides* – знание, то есть обе категории этически безразличные, бесцветные²⁹. Они отражают лишь факт знания или незнания, а не соответствующие этические качества того или иного субъекта гражданских правоотношений. Похожее мнение высказывал и И.Б. Новицкий со ссылкой на зарубежных авторов:

²⁸ Новицкий И.Б. Указ. соч. // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. М.: Статут, 2002. С. 126.

«Добросовестность как известное субъективное состояние лица определяется не честным образом мыслей как таковым, а знанием или незнанием фактов»³⁰.

Рассмотрение добросовестности в объективном и субъективном смыслах присуще не только российской правовой доктрине. Как отмечает профессор М.В. Хесселинк, многие правовые системы выделяют добросовестность в субъективном и объективном смыслах. Субъективная добросовестность определяется как состояние разума: знание или незнание о каком-либо факте. Объективная добросовестность есть норма поведения субъекта. В некоторых странах для разделения объективной добросовестности существуют особые понятия (например, *Treu und Glauben* в Германии, *correttezza* в Италии). Во Франции, как и в России, используется общая терминология для добросовестности в объективном и субъективном смыслах³¹.

Однако настоящая работа, как было сказано, посвящена принципу добросовестности в объективном смысле, так как факт незнания субъекта о каком-либо обстоятельстве не может квалифицироваться как добросовестность этого субъекта.

И.Б. Новицкий раскрывал содержание добросовестности следующим образом: «Добрая совесть (*bona fides*, *Treu und Glauben*, etc.), по этимологическому смыслу, таит в себе такие элементы, как: знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении. Вместе с тем принципом доброй совести выражаются связанность, согласованность отдельных частных интересов, а также частного интереса с интересом целого; подчинение каждого равномерно идее общего блага, поскольку она проявляется или отражается на отношении между данными лицами. <...> ...Принцип доброй совести является известным сдерживанием эгоизма в юридических отношениях, но выражение этой мысли недостаточно определено и, кроме того,

³⁰ Новицкий И.Б. Указ. соч. // СПС «КонсультантПлюс».

³¹ Towards a European Civil Code. Fourth Revised and Expanded Edition / Arthur S. Hartkamp, Martijn W. Hesselink, Ewoud H. Hondius, Chantal Mak & C. Edgar du Perron, eds., Alphen aan de Rijn: Kluwer Law International, 2010. P. 619-620. Chapter 27. The Concept of Good Faith (Author – M.W. Hesselink).

преувеличенно: все идеалы, как известно, имеют ту особенность, что они далеки от осуществления, они, как маяки, указывают нам надлежащую дорогу, но сами пока недостижимы»³². И.Б. Новицкий также высказывал опасения, связанные с тем, что принцип добросовестности при применении может приобрести исключительно субъективный характер и даже стать инструментом для проведения чьих-либо интересов³³.

Одним из наиболее ярким противников внедрения в законодательную материю принципа добросовестности являлся И.А. Покровский. Он писал, что одним из основных свойств права является его определенность, а «каучуковые» нормы, к числу которых относится принцип добросовестности, фактически уничтожают данное свойство права: «Право на определенность правовых норм есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности, какое только можно представить, без него, в сущности, вообще ни о каком «праве» не может быть речи. Поэтому расширение сферы «судейского правотворения» включает в себе органическую и неустранимую опасность судейского произвола и, очевидно, идет вразрез с интересами развивающейся человеческой личности»³⁴.

Однако не все дореволюционные ученые-правоведы были столь категоричны и все-таки отмечали значение в праве какого-либо инструмента, который склонял бы субъектов к учету не только своего личного, но и общественного интереса. Так, Л.И. Петражицкий отмечал: «Было бы весьма желательно, чтобы частные хозяйства направляли свое поведение непосредственно к общему благу и, в случае коллизии частнохозяйственного и народнохозяйственного интереса, отдавали предпочтение последнему. Но, поскольку этот идеальный постулат в действительности не осуществляется, необходимо, чтобы частные хозяйства действовали по крайней мере сообразно с разумным частнохозяйственным интересом»³⁵. По мнению Н.М. Коркунова,

³² Новицкий И.Б. Указ. соч. // СПС «КонсультантПлюс».

³³ Там же // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 89, 105.

³⁵ Петражицкий Л.И. Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве. С. 33.

приведение в гармонию сталкивающихся индивидуальных и общественных интересов является одной из главных задач права»³⁶.

Советское законодательство не содержало принцип добросовестности, но был закреплён принцип осуществления прав в соответствии с их назначением в социалистическом обществе (ст. 1 ГК РСФСР 1922 г. и ст. 5 Основ гражданского законодательства СССР 1961 г.). По мнению М.М. Агаркова, введение этой нормы было вызвано злоупотреблениями времен новой экономической политики и изначально носило временный характер³⁷, однако принцип сохранился, и в ст. 5 Основ гражданского законодательства СССР 1961 г. появилось положение, согласно которому при осуществлении прав граждане и юридические лица должны уважать моральные принципы общества и правила деловой этики.

Несмотря на отсутствие принципа добросовестности в буквальном смысле в законодательстве, советские правоведы обращались к принципу добросовестности в научных трудах.

В.П. Грибанов подчеркивал значение принципа добросовестности в качестве одного из основных принципов осуществления гражданских прав³⁸. Он писал, что принцип добросовестности «повышает роль моральных начал в жизни общества; строгое соблюдение правил и моральных принципов общества становится одним из важнейших начал социалистического общества»³⁹.

М.М. Агарков отмечал: «Начало доброй совести, введенное в надлежащие рамки, означает не что иное, как честность в отношениях между людьми. Оно означает, что каждый должен оправдать то доверие, без которого невозможно совершение гражданских сделок...»⁴⁰.

Похожее мнение высказывал В.К. Бабаев: «добросовестность следует понимать как честное, со всей тщательностью и аккуратностью выполнение обязанностей, старательность, исполнительность»⁴¹.

³⁶ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 294.

³⁷ Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. 1946. № 6. С. 445.

³⁸ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. С. 226.

³⁹ Там же. С. 226-227.

⁴⁰ Агарков М.М. Указ. соч. С. 375.

⁴¹ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Учебное пособие. Горький: Изд-во ГВШ МВД, 1974. С. 87.

Г.Н. Амфитеатров рассматривал добросовестность в субъективном смысле, под которой понимал извинительное заблуждение о правомерности собственного поведения, которое, тем не менее, нарушает права иных лиц. Именно поэтому, такое заблуждение не должно оцениваться позитивно⁴².

В современное российское законодательство принцип добросовестности введен в 2013 году в ст. 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства».

Обосновывая важность внедрения принципа добросовестности в ГК РФ, В.Ф. Яковлев писал: «Стремление к наживе любым способом в условиях закрытости, утаивания информации, отсутствия должного контроля, мер предупреждения, пресечения и ответственности множит экономическую недобросовестность, которая принимает столь значительные масштабы, что ее разрушительное воздействие ощущает мировая экономика. Но начинается все с малого – с недобросовестности в конкретных отношениях, опосредуемых гражданским правом. <...> Принципы гражданского права эффективны постольку, поскольку они реализуются системно. Если не реализуется принцип добросовестности, то невозможно и полноценное действие принципов равенства участников отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, эффективной защиты прав. Принцип добросовестности поведения участников гражданских отношений должен быть сквозным. Он необходим во всех основных институтах гражданского права. <...> Он должен присутствовать во всех сферах, охватываемых гражданским правом... но особенно – в сфере предпринимательской деятельности, направленной на извлечение прибыли и связанной с повышенным риском. Особенно тщательно должна быть отработана система обеспечения правовой безопасности участников отношений там, где они подвергаются повышенным рискам, в частности в сфере оборота недвижимости, финансового рынка и вообще там, где предпринимательская деятельность

⁴² Амфитеатров Г. Н. Вопросы виндикации в советском праве // Советское государство и право. 1941. № 2. С. 38-47.

принимает крупные масштабы, затрагивает интересы огромного числа граждан, становится публичной»⁴³.

К.И. Скловский отмечает, что содержание *bona fides* (добросовестности) составляет ожидаемое, стандартное поведение, которое представляет собой разумное осмотнительное поведение рачительного хозяина⁴⁴. К.И. Скловский также добавляет, что добросовестность «будучи продуктом правового принципа формального равенства и соразмерности в отношениях обмена, отражает необходимое соучастие субъекта правового общения в формировании и поддержании правовых установок и принципов»⁴⁵.

По мнению Р.С. Бевзенко, добросовестность – это стандарт честного поведения, но в его основе заложена конструкция судебного усмотрения, так как «каждый судья имеет сформированный стандарт того, что честно, а что нет»⁴⁶. Из этого следует, что Р.С. Бевзенко рассматривает принцип добросовестности и в качестве требования к субъекту гражданского оборота, и в качестве критерия для судей, подчеркивая при этом так называемый «каучуковый» характер принципа добросовестности.

К.В. Нам считает, что стандарт добросовестного поведения является элементом принципа добросовестности, но принцип добросовестности этим не ограничивается и включает в себя не только должное в силу сложившегося в течение длительного времени представления о стандарте, но и должное в конкретных обстоятельствах⁴⁷.

А.А. Чукреев рассматривает принцип добросовестности как обязанность участника гражданских правоотношений при использовании своих прав и исполнении своих обязанностей заботиться о соблюдении прав и законных интересов других участников имущественного оборота. Под заботливостью

⁴³ Яковлев В.Ф. О кодификации гражданского законодательства современной России // Основные проблемы частного права: Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского / Отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 392.

⁴⁴ Скловский К.И. Проблемы собственности и владения в гражданском праве России. М.: Дело, 1999. С. 205.

⁴⁵ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2008. С. 768.

⁴⁶ Интернет-интервью с Р. С. Бевзенко начальником Управления частного права ВАС РФ: «Модернизация гражданского права: нормы 302-ФЗ на практике» // Сайт «ИРСОТ». URL: <http://www.ruseminar.ru/> (дата обращения: 15.04.2019).

⁴⁷ Нам К.В. Принцип добросовестности как норма-правило // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

понимается желание лица предвидеть и предотвращать негативные последствия его деятельности, нарушающие права и законные интересы других лиц⁴⁸.

Похожее мнение о содержании принципа добросовестности высказывает М.Ф. Лукьяненко: «Содержанием принципа добросовестности при осуществлении субъектом усмотрения в процессе применения гражданско-правовых норм с оценочными понятиями является обязанность проявлять должную заботливость о правах и интересах других участников гражданского оборота, тем самым соучаствовать в поддержании основополагающего принципа гражданского права – принципа равенства участников»⁴⁹. Необходимость обеспечения каждой стороной гражданско-правового правоотношения баланса интересов является объективным элементом принципа добросовестности. К субъективному элементу относятся: честность, искренность, старательность, состязательность, аккуратность в исполнении обязательств⁵⁰.

Применительно к корпоративному управлению Ю.С. Харитонов определяет добросовестность следующим образом: «...добросовестное управление строится на признании воли другого, уважении к автономии контрагента, выступает одной из форм выражения собственной автономии. Соблюдая установленные правила поведения, субъект (управляющий или управляемый) обеспечивает действенность своего волеизъявления, защиту и прочность той или иной созданной им социальной связи»⁵¹.

Под добросовестным поведением В.А. Белов понимает такое поведение, при котором не причиняется вред и не возникает угроза его причинения. А в случае необходимости помощи третьего лица при реализации прав или исполнении

⁴⁸ Чукреев А.А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 102-103.

⁴⁹ Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010 // СПС КонсультантПлюс.

⁵⁰ Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика применения. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 20.

⁵¹ Харитонов Ю.С. Добросовестность как принцип управления в частном праве // Гражданское право. 2010. № 3 // СПС КонсультантПлюс.

обязанностей добросовестное поведение предполагает, что затраты на такую помощь будут минимизированы⁵².

По мнению Т.Ю. Дроздовой, добросовестность выступает в качестве принципа гражданского права, действие которого направлено на достижение равновесия интересов между субъектами отношений⁵³. Она также считает, что принцип добросовестности следует рассматривать в качестве одного из источников права, необходимого для определения содержания гражданских правоотношений⁵⁴. Принципы как источник права рассматривал и Е.В. Васьковский, который писал, что принцип «служит и целью, ради достижения которой создана норма, и мотивом, побудившим законодателя создать ее, и наконец, источником, из которого почерпнуто ее содержание»⁵⁵.

В.Л. Вольфсон высказывает убеждение, что «...гражданско-правовой принцип добросовестности – т.е. то правило, которому подчиняется бытие в юридической гражданско-правовой реальности явления, выраженного в категории добросовестности, – относится к состоянию интереса обладателя субъективного права и представляет собой требование непротиворечивости его намерений»⁵⁶.

Многие авторы подчеркивает тесную связь принципа добросовестности и морали. Так, Е.Е. Богданова понимает добросовестность как: «сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаем, судебной практикой систему представлений о нравственности поведения сторон договора при приобретении, осуществлении и защите субъективных гражданских прав, а также при исполнении обязанностей. Нравственность поведения оценивается на противопоставлении категорий добра и зла. Поведение, отражающее представление общества о добре, следует считать добросовестным. Поведение,

⁵² Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 49-52.

⁵³ Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: Дис.на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук.. М., 2005. С. 9.

⁵⁴ Там же. С. 107.

⁵⁵ Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 224.

⁵⁶ Вольфсон В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. Монография. М.: Проспект, 2019 // СПС «Гарант».

отражающее представление о зле, – недобросовестным»⁵⁷. По мнению Н.Г. Елисеева, лицо добросовестно только тогда, когда оно стремится к добру и любви, важнейшее значение также имеют мотивы поведения⁵⁸. С.Л. Будылин отстаивает позицию, согласно которой добросовестность относится к числу этических, а не правовых категорий: «...Добросовестность – это чисто моральная категория. Несколько парадоксальным может показаться то, что она вообще используется в законодательстве и судебных актах. Ведь право и мораль – это два существенно различающихся способа регулирования человеческого поведения»⁵⁹.

В.С. Нерсесянцем высказывал следующую точку зрения: «Нам представляется, что право в целом полностью подлежит моральным оценкам (позитивным либо негативным, одобряющим либо осуждающим). Природа права как явления, возникающего и функционирующего в процессе социального взаимодействия людей, в реальных общественных отношениях, определяет его нравственное содержание, поскольку практически не существует социальных связей, которые в конечном счете не подлежали бы моральным оценкам, а стало быть, и моральному регулированию»⁶⁰.

Однако не все авторы поддерживают подход, согласно которому принцип добросовестности рассматривается как синтез права и морали. Многие правоведы подчеркивают, что добросовестность в праве должна представлять собой нейтральную с точки зрения морали категорию⁶¹. По мнению В.С. Ема: «Иногда добросовестность рассматривается как объективная категория, как сложившийся в обществе господствующий идеал честного поведения, какого можно требовать от каждого члена общества и которым должен руководствоваться суд при оценке его поведения. Однако никто не сумел до сих пор показать, как обнаружить этот

⁵⁷ Богданова Е.Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях: монография. М.: Юстицинформ, 2014. С. 20.

⁵⁸ Елисеев Н.Г. Добросовестность и разумность в правовом поведении // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 10 - 14.

⁵⁹ Будылин С.Л. Что такое добросовестность, или Дело о тесной камере. На базе Определения Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 14.11.2017 N 84-КГ17-6 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

⁶⁰ Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов. М.: Норма, 2004. С. 209.

⁶¹ См. напр.: Самойлов Е.Ю. Добросовестность как предпосылка защиты приобретателя в гражданском обороте // Вестник гражданского права. 2009. № 3; Российское гражданское право. Т. 1. С. 401; Новак Д.В. Добросовестность в корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2017. № 2.

идеал, как избежать личных пристрастий суда при применении такого весьма «каучукового» критерия»⁶².

Действительно, концепции позитивизма и утилитаризма стоят на том, что нельзя оценивать существующий порядок с точки зрения идеала, которому он никогда не будет соответствовать, нужно иметь дело с сущим. Для морали характерно понятие долга, а для права – обязанности. Долг представляет собой ожидание возможного поведения, а обязанность – требование возможного поведения. Основная задача состоит в том, чтобы освободить право от морали. Смысл права в создании лучших условий для человеческой деятельности, в то время как мораль оторвана от человеческой деятельности, человеческая деятельность не может быть идеальна, чего требует мораль⁶³.

На противоположной точке зрения стоит социологическая школа права – мораль не должна противопоставляться праву, она мостик между общественной жизнью и правовыми ценностями. Чтобы судебное решение обладало авторитетом, оно должно базироваться на нормах морали⁶⁴.

По нашему мнению, право не может быть абстрагировано от морали только потому, что право как социальное явление в демократическом обществе отражает существующую в обществе мораль. Так, если в обществе морально одобрялась кровная месть, то и правовые нормы содержали соответствующие положения⁶⁵. С изменением общественной морали меняется и право. Право есть минимум морали⁶⁶. В связи с этим мы не можем считать, что право и мораль – это совершенно независимые друг от друга категории.

Однако, на наш взгляд, принцип добросовестности все-таки должен оставаться нейтральной категорией. И с точки зрения права, никакой идеал не должен становиться критерием для оценки поведения субъектов. К тому же мы не имеем возможности оценивать поведение правовых субъектов как нравственное с

⁶² Российское гражданское право. Т. 1. С. 401. (Автор главы – В.С. Ем).

⁶³ Бентам И. Принципы законодательства // Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. Т. I. М.: Мысль, 1997. С. 557-560.

⁶⁴ Pound R. Mechanical Jurisprudence // Columbia Law Review (1908) 8 (605 - 623). P. 622.

⁶⁵ Например, кровная месть являлось мерой наказания по Русской правде // Сайт «Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова». URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm> (дата обращения: 20.06.2021).

⁶⁶ Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сайт «Библиотека «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/soloviev/oprav/00.html> (дата обращения: 15.04.2019).

точки зрения этики, если их добросовестное поведение вызвано исключительно требованиями законодательства, которое устанавливает средства для минимизации недобросовестного поведения. Но было бы несправедливым нивелировать и истинно нравственное поведение субъектов, которые, не имея представления о законодательных нормах, действуют добросовестно исходя из собственных этических соображений. Как верно пишет Е.А. Суханов, для констатации наличия или отсутствия добросовестности участника гражданского оборота не нужно заглядывать в духовный мир лица, достаточно исследовать фактические обстоятельства, в которых лицо совершило фактические действия⁶⁷.

Соответственно, не следует рассматривать добросовестность как нравственный идеал, добросовестность следует представлять как стандарт поведения, имеющий некие пороги от нормального поведения субъекта права, учитывающего не только собственный интерес, но и интересы иных лиц, до высшей степени добросовестности, преследующей чужой интерес. Приведем пример из сферы корпоративного права. Нормальным поведением является поведение продавца доли в размере 100 процентов от уставного капитала в обществе с ограниченной ответственностью, который отказал фирме-конкуренту продать клиентскую базу. Так, продавец мог бы получить деньги и за продажу доли, и за продажу клиентской базы фирме-конкуренту, так как для него самого данная база уже не представляет ценности. Однако, учитывая интерес покупателя доли, который при покупке бизнеса рассчитывает приобрести не только помещение и оборудование, но и пул клиентов, он добросовестно отказывается фирме-конкуренту. Такое поведение следует рассматривать как нормальное поведение продавца – стандарт поведения. Примером высшей степени добросовестности могла бы стать ситуация, когда продавец доли, продав долю, тратит свое время и продолжает помогать покупателю в развитии бизнеса: учит работе с оборудованием, объясняет принципы взаимодействия с клиентом, привлекает новых клиентов.

⁶⁷ Российское гражданское право. С. 401.

Если же рассматривать добросовестность только как идеал – заведомо недостижимое поведение, к которому можно только стремиться, тогда недобросовестным будет считаться любое поведение субъектов. В связи с чем В.А. Микрюков высказывал опасение об уничтожении принципом добросовестности свободы договора и угрозе коммерческой уверенности предпринимателей⁶⁸.

Помимо аргумента смещения права и морали, негативные оценки принципа добросовестности связаны, как уже говорилось, с его оценочным и неопределенным характером. Однако и такой противник оценочных категорий в праве как И.А. Покровский отмечал: «Закон, даже самый обширный, даже представляющий весьма полную кодификацию, неизбежно имеет пробелы, так как, несмотря на все свое старание, он не может охватить всего бесконечного разнообразия житейских отношений. Закон даже самый совершенный, неизбежно отстает от жизни: раз изданный, он остается неподвижным, меж тем как жизнь идет непрерывно вперед, творя новые потребности и новые отношения. Искать для этих новых явлений решения в старом законе, даже в общем его духе – значит либо насиловать жизнь, либо создавать из этих ссылок на закон очевидную фикцию, недостойную высокого положения суда»⁶⁹.

Оценивая проблемы, связанные с отсутствием правовой определенности и субъективным характером категории «добросовестность», В.В. Витрянский отмечал: «...проблема может быть решена путем формирования единообразной судебной практики, связанной с применением, в частности, принципа добросовестности к различным гражданским правоотношениям»⁷⁰. Он также приводил примеры удачного толкования судами норм права при использовании категории «добросовестность»⁷¹.

М.Ф. Лукьяненко выделяет следующие преимущества оценочных категорий в гражданском праве: динамичность правового регулирования при лаконичности

⁶⁸ Микрюков В.А. Принцип добросовестности - новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6 // СПС КонсультантПлюс.

⁶⁹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 96.

⁷⁰ Витрянский. В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016 // СПС КонсультантПлюс.

⁷¹ Там же.

текстов законов, отображение в праве элементов морали и нравственности, а также сохранение свободы выбора и инициативы за субъектами в конкретных ситуациях, что особенно важно для основанного на автономии воли частного права⁷².

К.В. Нам видит принцип добросовестности как инструмент обеспечения соблюдения духа закона: «Если целью применения принципа добросовестности является необходимость соблюдения/достижения справедливости в отношениях участников гражданско-правовых отношений с точки зрения права, соблюдения баланса их интересов, прав и обязанностей и тем самым установления эффективного гражданско-правового оборота, то добросовестность является не чем иным, как одним из правовых инструментов по обеспечению соблюдения духа закона, духа права. Дух закона – это цели, им преследуемые, а буква закона – это формальные нормы, правила, принимаемые для достижения этой цели»⁷³.

Полагаем, что невозможно создать законодательную модель, которая охватывала бы все жизненные ситуации. Для разрешения конкретной ситуации в отсутствие правовой нормы правоприменителю необходимо опираться на некое понимание права, логику правоотношений, общие принципы.

По мнению А.М. Ширвиндта, «Противостояние общей правовой формы и всегда уникального конкретного случая естественно для правового метода. Столь же естественны ситуации, когда это противостояние переходит в нормативную плоскость – когда конкретный случай требует справедливого решения, отличного от того, которое вытекает из общего правила. В этом конфликте *ius strictum* и *aequitas*, по определению свойственном любому праву, вновь проявляется все та же фундаментальная проблема юридического метода – требования равной, то есть общей, меры для подобных ситуаций социального взаимодействия, обращенного к фактически неповторимому и уникальному. <...> В неустранимом напряжении между строгим правом и справедливостью проявляется обращенное к юристу

⁷² Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика применения. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 12.

⁷³ Нам К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. 2017. № 6 // СПС КонсультантПлюс.

требование постоянно переводить взгляд с найденной правовой формы на социальную реальность и поддерживать соответствие между ними»⁷⁴.

С.С. Алексеев писал, что существуют две модели правового регулирования: нормативная, в которой общие нормы права применяются к конкретным правоотношениям; и индивидуальная – решения выносятся применительно к каждому случаю индивидуально⁷⁵. Для англосаксонской правовой системы характерна индивидуальная модель, соответственно необходимость закрепления принципа добросовестности на уровне законодательных актов отсутствует, он имманентно присущ англосаксонской правовой системе. В континентальной системе права дух и буква закона в силу многообразия жизненных ситуаций не всегда соответствует друг другу, сближению духа и буквы закона призван служить нормативно закрепленный принцип добросовестности⁷⁶.

Действительно, как утверждает М.В. Хесселинк, принцип добросовестности, которому достаточно много внимания уделяется в континентальной правовой системе, мало чем отличается от англосаксонского права справедливости⁷⁷.

Несмотря на это, принцип добросовестности (Good Faith) все-таки находит свое отражение в работах английских и американских правоведов. На основе анализа американской доктрины принципа добросовестности А. Глушков выделяет следующие теории добросовестности: теория «исключителя», «теория упущенных возможностей», теория коммутативной справедливости⁷⁸.

Теория «исключителя» разработана Р.С. Саммерсом. Суть этой теории заключается в том, что у понятия доброй совести нет какого-либо определенного смысла, но она служит для исключения различных форм недобросовестного

⁷⁴ Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / отв. ред. А.М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014 // СПС КонсультантПлюс

⁷⁵ Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 34.

⁷⁶ Нам К.В. Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2 // СПС КонсультантПлюс.

⁷⁷ Towards a European Civil Code. P. 648-649.

⁷⁸ Глушков К. Как юристы С.Ш.А. понимают значение принципа «добросовестности» в договорном праве // Сайт «ООО Издательская группа «Закон». URL: https://zakon.ru/blog/2015/7/18/kak_yuristy_ssha_ponimayut_znachenie_principa_dobrosovestnosti_v_dogovornom_prave (дата обращения: 27.04.2020).

поведения⁷⁹. Здесь добросовестность определяется от обратного – от недопустимости недобросовестного поведения. Данная концепция базируется на широком судебском усмотрении, судья в конкретном случае на основании анализа различных факторов определяет соответствие поведения доброй совести.

Согласно «теории упущенных возможностей», автором которой является С. Бартон, добросовестность проявляется в трех аспектах. Первое – в отказе от поведения на основании экономической эффективности в случае, если лицо связано контрактом. Например, в ситуациях, когда стороне выгоднее заплатить штрафные санкции контрагенту, нежели исполнять взятые договорные обязательства («эффективное нарушение»), сторона, однако, исполняет взятые на себя обязательства вопреки экономической выгоде. Вторым аспектом проявления принципа добросовестности является отказ от попытки вернуть упущенные возможности (альтернативные издержки) посредством толкования контракта вопреки его первоначальному смыслу. Третьим проявлением принципа добросовестности является отказ экономически более сильной стороны пользоваться своими преимуществами (знанием определенной информации, возможностью навязывать условия) в противоречие интересам контрагента⁸⁰.

В основе теории коммутативной справедливости заложена идея всеобщего равенства, вне зависимости от положения субъектов, а главным критерием для судей становится добрая совесть как разумные и справедливые ожидания сторон, которые обеспечиваются для равенства возможностей субъектов⁸¹.

Как пишет М.В. Хесселинк, во многих правовых системах принцип добросовестности также рассматривается как моральный стандарт, необходимость учета интересов другой стороны и является высшей нормой договорного права. По этой причине норма, содержащая принцип

⁷⁹ Summers R.S. «Good Faith» in General Contract Law and Sales Provisions of the Uniform Commercial Code // Virginia Law Review. Volume 54. N 2. 1968. P. 201.

⁸⁰ Burton S.J. Breach of contract and the common law duty to perform in good faith // Harvard Law Review. 1980-1981. P. 369-377.

⁸¹ Miller A.D., Perry R. Good faith in performance // Iowa Law Review. 2012. Volume 98. P. 712.

добросовестности, не всегда содержится в кодексе, однако остальные нормы базируются на принципе добросовестности⁸².

В немецкой правовой доктрине принцип добросовестности также вызывает многочисленные споры. Данный принцип был включен в текст Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) с самого момента его принятия в 1896 году. Ему посвящен параграф 242 ГГУ, согласно которому должник должен добросовестно исполнять обязанности с учетом требований делового оборота.

Выделяются следующие аспекты применения параграфа 242 на практике:

Аспект 1. При осуществлении предписанного законом порядка судья становится активным, где он обязан конкретизировать законодательное регулирование (*officium iudicis*).

Аспект 2. Судья уполномочен требовать от сторон вести себя справедливо и законно при защите своих прав (*exceptio doli*).

Аспект 3. Действие вопреки закону при толковании со ссылкой на параграф 242 ведет к появлению нового судейского права для защиты прав и справедливости в частных отношениях (*contra legem*)⁸³.

Иными словами, можно выделить три аспекта применения параграфа 242: обоснование применения законодательной нормы в соответствии с принципом добросовестности; отказ в защите прав недобросовестных лиц (стороны правоотношения должны руководствоваться не только законом, но и принципом справедливости); игнорирование закона и применение исключительно параграфа 242 в целях обеспечения справедливости и принципа добросовестности. Последний аспект позволяет говорить о сверхимперативности параграфа 242, за ним фактически признается приоритет по отношению к иным правовым нормам.

В доктрине рассматривается проблема соотношения *Treu und Glauben* (добросовестность) и *Verkehrssitte* (обычай делового оборота). В немецкой правовой литературе отмечается, что *Verkehrssitte* выполняет для *Treu und Glauben* функцию фактических жизненных обстоятельств. Иными словами, *Treu*

⁸² Towards a European Civil Code. P. 620-621.

⁸³ Wieacker F. Zur rechtstheoretischen Präzisierung des § 242 BGB. Tübingen: Mohr, 1956. S. 20-44.

und Glauben – это идеал (должное), а Verkerssitten – то, как обычно происходит в данном обществе в данное время (сущее). Приводится также сравнение Treu und Glauben с водой, а Verkehrssitten с сосудом, в котором эта вода находится⁸⁴. Получается, что характер добросовестности зависит от фактических обстоятельств – исторического периода, экономического состояния, менталитета. Например, расторжение договора поставки зерна по инициативе поставщика в урожайный год не противоречит принципу добросовестности, так как покупатель без затруднений купит зерно у иных поставщиков. Расторжение договора в период засухи не соответствует принципу добросовестности, так как покупатель не сможет найти нового поставщика и останется без зерна.

В процессе исследования научных работ мы выделили несколько этапов в развитии принципа добросовестности в немецком праве: эпоха, предшествующая принятию ГГУ; период с момента принятия ГГУ до начала Первой мировой войны; экономический кризис; национал-социалистическая диктатура; послевоенное время⁸⁵.

Первый этап. До принятия ГГУ и объединения Германии принцип добросовестности (*bona fides*), имеющий истоки в римском праве, в отсутствие единого централизованного законодательства являлся одним из немногих ориентиров для судей, помимо практики и обычаев, складывающихся в деловом обороте. Фактически на этом этапе происходила разработка принципа добросовестности до закрепления в законодательстве.

Второй этап. Первые годы после вступления ГГУ в силу практика применения параграфа 242 была не столь многочисленна. Суды отдавали приоритет формальному толкованию договорных отношений, неохотно ссылаясь на принцип добросовестности. Приоритет имел договор, несмотря на несправедливые в некоторых случаях условия.

Третий этап. Затягивание Первой мировой войны и желание любым путем победить привели немецкое правительство к отказу от золотого обеспечения

⁸⁴ Al-Shamari N. Die Verkehrssitten im § 242: Konzeption und Anwendung seit 1900. Tübingen, 2006. S. 70.

⁸⁵ Nörr K.F. Der Richter zwischen Gesetz und Wirklichkeit. Heidelberg: C.F. Müller, 1996; Wieacker F. Указ соч..

валюты и неконтролируемому печатанию денег для обеспечения военных нужд. Следствием этого стала гиперинфляция к концу 1910-х гг. Кредиторы получали суммы по договорам фактически в несколько раз меньшие, чем до кризиса. Народ нищал, а суды были завалены исковыми заявлениями с требованиями о расторжении договоров со ссылками на параграф 242. В этот момент случился перелом в судебной практике, заключающийся в отклонении от позитивизма в сторону юриспруденции интересов, которая во главу угла ставит интерес того или иного субъекта права в зависимости от обстоятельств конкретного дела.

Краеугольным на данном этапе стало решение Имперского суда от 18.11.1923 года. Решался вопрос, может ли кредитор при инфляции потребовать в судебном порядке индексацию своих требований. Валютное законодательство того времени устанавливало, что марка равна марке без учета инфляционных процессов. При разрешении данного дела Имперский суд отдал приоритет ГГУ, а именно параграфу 242, указав тем самым на необходимость учитывать фактические обстоятельства и добросовестность при разрешении споров и не допускать случаев злоупотребления правом и извлечения преимущества из своего положения во вред интересам контрагента. С экономической точки зрения Имперский суд установил некий баланс между сторонами в условиях тяжелого экономического кризиса.

К.В. Нёр так прокомментировал эту ситуацию: «В своем решении суд признал переоценку требований по ипотечным кредитам приемлемой, что фактически нарушило валютный закон, основанный на принципе номинализма («марка за марку»). В обосновании суд сослался на положение ГГУ о том, что следует поддерживать добросовестность в долговых отношениях (параграф 242), а рост необоснованного капитала одних при обнищании других этому принципу не соответствует»⁸⁶.

Четвертый этап. Приход к власти национал-социалистов стал новым этапом применения параграфа 242. Он стал важным правовым инструментом для осуществления политики нацистов. Судья отныне был связан

⁸⁶ Nörr K.F. Указ. соч. S. 16-17.

националистической идеологией при разрешении конкретной ситуации, которая удачно подпадала под генеральную оговорку (параграф 242) в силу абстрактности. Программа Национал-социалистической немецкой рабочей партии содержала такое положение: «Партия, как таковая, стоит на позициях позитивного христианства, но при этом не связана убеждениями с какой-либо определённой конфессией. Она борется с еврейско-материалистическим духом внутри и вне нас и убеждена, что дальнейшее выздоровление нашего народа может быть достигнуто путём постоянного оздоровления внутри себя с учетом основополагающего приоритета общественного над частным»⁸⁷.

Таким образом, была не только установлена необходимость учета общественного интереса при реализации частного, был провозглашен приоритет общественного над частным. В таких условиях частное право, как правило, фактически упраздняется.

Пятый этап. Послевоенная эпоха ознаменовалась жесточайшей критикой параграфа 242, связанной с использованием нормы в качестве правового обоснования преступлений нацистского правительства. При этом была очевидна и значимость параграфа, не позволявшая просто так от него отказаться.

Критика принципа добросовестности имеет не только исторические предпосылки, связанные с широким применением параграфа 242 в нацистской Германии. Высказываются опасения и чрезмерного смягчения права. При таком положении, по мнению Ф. Виакера, стоит опасаться демагогической справедливости, генеральная оговорка становится шлюзом для произвола, в особенности реализации политического интереса и политического давления. «Разрыхление» структуры нормы, по его мнению, носит определенно негативный характер. С другой стороны, двойственность параграфа 242 вытекает из неизбежных антиномий самой концепции права: целесообразность и определенность, а точнее: справедливость по делу и одинаковое действие на всех, являются необходимыми элементами права, но на деле противоречат друг другу⁸⁸.

⁸⁷ Das 25-Punkte-Programm der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei // Сайт «DocumentArchiv.de». URL: <http://www.documentarchiv.de/wr/1920/nsdap-programm.html> (дата обращения: 05.04.2019).

⁸⁸ Wieacker F. Указ. соч. С. 9-10.

Проведенное исследование подходов к пониманию принципа добросовестности на различных исторических этапах, а также на примере отдельных правовых систем позволяет дать авторское определение.

Принцип добросовестности – это основное начало гражданского права, которое одновременно является ориентиром для законодателя, критерием для правоприменителя, требованием к субъектам гражданских правоотношений при осуществлении прав и исполнении обязанностей, заключающимся в зависимости от правового статуса субъекта в необходимости учитывать права и законные интересы иных лиц или действовать в интересах иного лица.

Обобщая работу над настоящим разделом исследования, необходимо сделать следующие выводы: а) принцип добросовестности в российском гражданском праве проявляется и как принцип осуществления права, и как ориентир для законодателя и правоприменителя, что в широком смысле позволяет рассматривать его как принцип права; б) принцип добросовестности является средством приведения в соответствие буквы закона его духу; в) исторический опыт показывает, что применение принципа добросовестности должно сопровождаться формированием работающих и независимых институтов правового государства, в особенности – судебной системы; г) принцип добросовестности является инструментом гибкого регулирования, особенно актуального в условиях стремительно развивающихся общественных отношений; д) содержание принципа добросовестности является объективным, из чего следует, что правовая оценка поведения лица должна проводиться с учетом стандарта поведения на основании фактических обстоятельств вне зависимости от мотивов его добросовестного или недобросовестного поведения.

§ 2. Соотношение понятия «добросовестность» со смежными категориями

Добросовестность и норма права

Как было сказано, принцип добросовестности закреплён в ст. 1 ГК РФ. Однако можем ли мы считать принцип добросовестности нормой права? В литературе существуют различные подходы по вопросу о том, можно ли рассматривать принцип права в качестве нормы права.

По мнению М.А. Гурвича, принципы – это нормы права, содержание которых является общим и принципиальным⁸⁹.

О.А. Кузнецова использует категорию «норма-принцип», которая представляет собой «специализированные императивные предельно общие нормы, определяющие содержание всех других гражданско-правовых норм и обладающие по отношению к ним высшей юридической силой, имеющие нетипичную структуру и выполняющие специфические функции в гражданско-правовом регулировании»⁹⁰.

В.П. Грибанов высказывал противоположное мнение: «Отождествление правового принципа с нормой права практически равнозначно отрицанию правовых принципов вообще, признанию того, что принципов этих как таковых не существует, а есть только правовые нормы, различающиеся между собой более общим или более конкретным содержанием. Однако между правовыми нормами и правовыми принципами есть существенное различие... нормы права (определённые правила поведения) составляют содержание определённой системы, отрасли или института права, тогда как правовые принципы выражают сущность права... регулирующее значение норм права состоит в предписании определённого поведения участникам регулируемого отношения, тогда как регулирующая роль правовых принципов состоит в том, что они определяют основное содержание, характер толкования и применения норм данной системы, отрасли или института права»⁹¹.

⁸⁹ Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М.: ВЮЗИ, 1950. С. 25.

⁹⁰ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 47.

⁹¹ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. С. 216-217.

К.В. Нам считает, что сравнение нормы и принципа в целом некорректно на том основании, что как закрепленный, так и не закрепленный в норме права принцип в любом случае является нормой права, так как устанавливает определенное регулирование. В связи с этим автору видится более верным принципу противопоставлять правило, а не норму. Отличие между правилом и принципом заключается в том, что правило конкретно, а принцип абстрактен. Однако принцип добросовестности может выступать и как норма-принцип, и как норма-правило. Как норма-правило содержание принципа добросовестности имеет специфику, связанную с тем, что, устанавливая общеобязательные для неопределенного круга лиц правила в виде запрета, предписания или разрешения, эти правила не обладают конкретным содержанием и требуют конкретизации. Это определяет двухуровневое содержание нормы о принципе добросовестности. В пассивном же состоянии (вне применения) норма о принципе добросовестности содержит три правила: предписание, запрет и разрешение, однако активным становится в конкретной ситуации только одно из правил⁹². В другой работе К.В. Нам подчеркивает, что принцип добросовестности не является обычной правовой нормой, так как он не регулирует конкретную группу отношений, его применение всегда связано с корректировкой иных правовых норм применительно к конкретному случаю. В связи с этим ссылка на принцип добросовестности всегда должна сопровождаться ссылками на конкретные правовые нормы⁹³.

Ф. Виакер отмечал следующее: «В проблематике генеральной оговорки (принцип добросовестности – прим. авт.) имеются давние философско-правовые и теоретико-правовые идеи. Эти идеи когда-то касались границ нормативной материальной этики, а также традиционных представлений о позитивизме и применении норм. Вопрос о возможности материальной нормативной этики еще не поставлен перед позитивизмом как таковым. <...> С другой стороны, позитивная правовая норма нередко ссылается на социально-этические нормы поведения: как на иные общие оговорки (§§ 138, 826, 157, 626 BGB), так и на сам

⁹² Нам К.В. Принцип добросовестности как норма-правило // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

⁹³ Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

параграф 242. Общая оговорка является нормой позитивного права, то есть обычным законным требованием к судье, и, следовательно, при ссылке на «добросовестность» и «обычай делового оборота» судьей путем квалификации осуществляются логичные решения. Эта норма отличается от других законодательных правовых предписаний только на основании двух признаков: во-первых, неопределенная формулировка (как раз характерно для генеральных оговорок) и, во-вторых, – ссылка не на законодательные, а на «сверхзаконные» социальные принципы («добросовестность») или масштаб («обычай делового оборота»)⁹⁴.

По мнению М.В. Хесселинка, принцип добросовестности не похож ни на одну норму, если и считать его нормой права, то это норма совершенно особенная – открытая норма, содержание которой определяется в каждом конкретном случае⁹⁵.

К.И. Скловский утверждает, что принцип добросовестности вообще нельзя относить ни к императивным, ни к диспозитивным нормам, так как он не закрепляет конкретное правило, не содержит диспозицию. При этом, принцип добросовестности обладает признаком общеобязательности⁹⁶.

После краткого экскурса в правовую доктрину постараемся дать собственный ответ на вопрос, является ли принцип добросовестности нормой права. Согласно устоявшемуся подходу в теории государства и права норма права состоит трех элементов: гипотезы, диспозиции и санкции. В некоторых случаях какого-то элемента в самой норме права может не быть⁹⁷. С.Н. Братусь отмечал, что «существуют правоположения-дефиниции, правоположения-принципы, правоположения, которые лишь через посредство других правовых норм и лишь в сочетании с ними определяют поведение участников общественных отношений,

⁹⁴ Wieacker F. Указ. соч. S. 10-12.

⁹⁵ Towards a European Civil Code. P. 622.

⁹⁶ Скловский К.И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2 // СПС КонсультантПлюс.

⁹⁷ Н.П. Томашевский писал, что правовая норма имеет только два элемента: гипотезу и диспозицию. (См.: Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права. М.: Госюриздат, 1960. С. 203). По мнению О.Э. Лейста, любая норма права имеет санкцию, но не всегда санкция включается в саму норму, для обнаружения санкции необходимо системное толкование права (См.: Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М.: Госюриздат, 1962. С. 21).

нормы, определяющие структуру и задачи государственных органов, иных организаций и т.д. В особенности такие черты характерны для некоторых конституционных норм, норм общих частей кодексов и т.д.»⁹⁸.

Норма п. 3 ст. 1 ГК РФ, закрепляющая принцип добросовестности, содержит только гипотезу и диспозицию. В п. 4 той же статьи указано, что никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного и недобросовестного поведения. Таким образом, действия в нарушение принципа добросовестности являются неправомерными. Однако «обязанность без ответственности — юридическое ничто, лишь благое пожелание»⁹⁹.

В качестве санкции за недобросовестное поведение законодатель в частных случаях проявления недобросовестности предусматривает различные меры, о чем будет сказано далее. В качестве общей санкции за недобросовестное поведение в п. 2 и 4 ст. 10 ГК РФ предусмотрены отказ в защите права, возмещение причиненных злоупотреблением правом убытков, а также применение судом иных мер.

Однако, несмотря на установление санкции за недобросовестное поведение, законодатель на настоящий момент не раскрыл понятие «добросовестность» как конкретного требования к субъектам права. Мы поддерживаем позицию О.А. Кузнецовой о том, что отсутствие раскрытия содержания принципа, а особенно принципа осуществления права как требования к субъектам, порождает трудности их правореализации. В качестве примера раскрытия содержания принципа права автор приводит ст. 421 ГК РФ, наполняющую содержанием принцип свободы договора (п. 1 ст. 1 ГК РФ), согласно которой граждане и юридические лица свободны в заключении договора и определении его условий, можно заключить как предусмотренный ГК РФ договор, так и не предусмотренный, понуждение к заключению договора не допускается¹⁰⁰. В связи с этим в целях совершенствования законодательства и наполнения категории «добросовестность» конкретным содержанием предлагаем раскрыть

⁹⁸ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. С. 67.

⁹⁹ Там же. С. 75.

¹⁰⁰ Кузнецова О.А. Принципы гражданского права: современное состояние вопроса // Власть Закона. 2011. № 4. С. 91.

добросовестность как общее требование к субъектам по аналогии с определением добросовестности как требования к стороне обязательства (п. 3 ст. 307 ГК РФ) и изложить п. 3 ст. 1 ГК РФ в следующей редакции «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, то есть учитывать права и законные интересы друг друга».

Подводя итог, считаем, что принцип добросовестности следует рассматривать в качестве нормы-принципа и нормы-правила. Принцип добросовестности как норма-принцип предполагает его распространение на всю группу правоотношений, регулируемых гражданским правом. В связи с этим, поддерживаем упомянутую выше точку зрения С.Н. Братуся о существовании правоположений-принципов и считаем, что принцип добросовестности с точки зрения структуры права является нормой-принципом, распространяющим свое действие на всю правовую материю соответствующей отрасли права. Как норма-правило принцип добросовестности проявляется в том, что нарушение участником гражданского оборота требования осуществлять свои права и исполнять обязанности добросовестно влечет применение санкций, однако в законодательстве необходимо раскрыть содержание требования добросовестности.

Добросовестность и судебское усмотрение

По мнению Д.В. Дождева, добросовестность – это метод, целью которого становится судебное правотворчество, в прецедентной системе права он утрачивает свое значение¹⁰¹.

О принципе добросовестности как о критерии для судов пишет и судья Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиев: «принцип добросовестности – это не только метод обеспечения гармонии частных и публичных интересов, но и объективное мерило, которое должно использоваться

¹⁰¹ Запись круглого стола Юридического института «М-Логос» от 01.07.2019 «Добросовестность как принцип гражданского права в практике разрешения споров». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-pax9JD47Ls> / (дата обращения: 27.04.2020).

в качестве критерия при принятии решения судьей...»¹⁰². Г.А. Гаджиев также отмечает, что в условиях технологической революции и стремительно меняющихся экономических отношений происходит разрыв между реальностью и правовым регулированием, что в лучшем случае приводит к отказу в применении устаревших правовых норм, а в худшем – становится препятствием общественному развитию. Недопущению искусственной стагнации общественных отношений с одной стороны, и предотвращению анархии и полной правовой неопределенности с другой стороны могут служить принципы права и судебское усмотрение¹⁰³.

М.В. Хесселинк считает, что принципом добросовестности подменяются задачи судей, принцип добросовестности является прикрытием для чуждого континентальному праву судебного правотворчества. Если же закрепить за судами полномочия по толкованию, дополнению и исправлению закона, то необходимость в принципе добросовестности отпадет. Это показывает и опыт прецедентной системы права. Целесообразнее при этом было бы вместо добросовестности для обоснования судом решений использовать категорию «справедливость», это сближает континентальную и прецедентную системы права¹⁰⁴.

По мнению К.И. Скловского: «то широкое применение принципа добросовестности, которое сегодня стало очевидным, не может не привести и к расширению начал прецедентного применения гражданского закона судами. Это совершенно неизбежное следствие введения принципа в судебную практику. Практика ЕСПЧ является в высшей степени прецедентной именно потому, что суд применяет конвенцию, которая содержит преимущественно принципы, а отнюдь не потому, что ЕСПЧ якобы примыкает к англосаксонской традиции. Этот суд вполне континентальный, конечно»¹⁰⁵.

¹⁰² Гаджиев Г.А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2002. № 7. С. 54-62.

¹⁰³ Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Pacing problem и возрождение судебного нормотворчества // Закон. 2021. № 6. С. 124-130.

¹⁰⁴ Towards a European Civil Code. P. 645-649.

¹⁰⁵ Скловский К.И. Применение права и принцип добросовестности // СПС КонсультантПлюс.

В.В. Кулаков пишет, что применение принципов добросовестности и справедливости является своего рода компромиссом между континентальным и англо-американским типами правопонимания, направленным на установление баланса интересов¹⁰⁶.

И.А. Покровский выступал с критикой широкой судебной дискреции: «Мы менее всего станем отрицать существование объективных начал справедливости, культуры, природы вещей; восстановление веры в существование абсолютных начал добра и права мы считаем важнейшим приобретением нашего времени. Но в то же время нельзя отрицать и того, что содержание этих начал, даже среди признающих их, остается еще чрезвычайно спорным. Давать это спорное в руки многих тысяч отдельных судей – это значит не только вносить величайшую неопределенность в практическое дело правосудия, но и рисковать самой верой в эти абсолютные начала добра»¹⁰⁷.

С.Л. Будылин утверждает, что принцип добросовестности нарушает принцип разделения властей, «наделяя суды дополнительными дискреционными полномочиями по регулированию отношений участников оборота. Причем регулирование осуществляется в процессе рассмотрения последующего спора, то есть уже после того, как участники вступили в эти отношения (ex post)»¹⁰⁸. По его мнению, это обоснованно только при соблюдении одновременно двух условий. «Во-первых, предполагается, что принцип добросовестности вступает в действие лишь в исключительных случаях: когда моральное чувство судьи восстает против вынесения решения, соответствующего букве закона, но при этом явно несправедливого... ...Во-вторых, если суды качественно мотивируют свои решения и разрешают сходные дела сходным образом, то участникам оборота по мере накопления судебной практики становятся ясны те моральные принципы, на основании которых суды принимают решения»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Кулаков В.В. Разумный баланс интересов как цель гражданско-правового регулирования // Российское правосудие. 2016. Специальный выпуск. С. 181.

¹⁰⁷ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 104.

¹⁰⁸ Будылин С.Л. Указ. соч. // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰⁹ Там же // СПС КонсультантПлюс.

По мнению Д.И. Степанова, с использованием оценочных понятий и без того на крайне загруженный суд перекладывается ответственность решать то, что не смогло определить научное и деловое сообщество при формулировании законодательных норм¹¹⁰.

Критика принципа добросовестности вызвана помимо прочего угрозой смешения отдельных ветвей власти, так как на правоприменителя – судейский корпус – перекладывается своего рода правотворческая роль. Присущая принципу добросовестности абстрактность вынуждает судей фактически творить право. В каждом конкретном случае любую группу правоотношений оценивать сквозь призму добросовестности и определять, соответствует ему или нет то или иное поведение субъектов права.

По нашему мнению, данная критика не имеет ни теоретического, ни прагматического смысла. Во-первых, с точки зрения теоретической, разрешение конкретного казуса нельзя отнести к правотворческой деятельности по той простой причине, что российская правовая система не признает прецедент источником права. Следовательно, применение судом принципа добросовестности нельзя расценивать как правотворческую деятельность, а является ничем иным как толкованием правовых норм. По этой причине нельзя не согласиться с Р.Д. Гребневым, который отмечает: «С точки зрения континентального права суд – это не первоисточник права, но завершающая стадия в применении права. Законодатель сформулировал норму, а потом правило нужно применить в бесконечно разнообразных человеческих отношениях и каждый раз ответить на вопрос: а это отношение регулируется данной конкретной нормой или нет? Если да, то значит надо раскрыть и истолковать эту норму, потому что именно она должна послужить основой для разрешения данного конфликта, для вынесения судебного решения. Поэтому задача суда не в том, чтобы создавать право, а в том, чтобы внедрять право в реальную жизнь, по

¹¹⁰ Степанов Д.И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 9; № 10 // СПС КонсультантПлюс

возможности следуя точно духу и букве закона. Суд не свободен в выборе при толковании права, он связан духом и буквой закона»¹¹¹.

Во-вторых, с прагматической точки зрения, законодатель не может заранее предусмотреть все возможные аспекты правоотношений, подлежащих регулированию, а громоздкий законотворческий процесс не всегда позволяет оперативно реагировать на быстро меняющиеся общественные отношения. По мнению С.В. Сарбаша, при неясности, неточности и устаревании закона единственным доктором для него является судья¹¹².

Ко всему прочему, мы не можем и не должны рассматривать судей как ремесленников, определяющих, насколько тот или иной случай вписывается в определенную норму. Судьи в идеале – это высококвалифицированное сообщество, обладающее высокими личностными и интеллектуальными качествами. Рассматривать их функцию исключительно как техническую – надеть правовую норму на конкретное правоотношение – было бы неправильным и фактически сводило бы на нет судебную систему, а развитие технологий и все более актуальный вопрос цифровой революции и появления роботов, готовых на основании заданных алгоритмов принимать решения, сделало бы судебскую профессию атавизмом. Между тем, ни один робот пока не способен воспринимать широкий спектр эмоциональных состояний и переживаний субъектов права, многообразие жизненных обстоятельств, что крайне важно для вынесения справедливых решений. Как писал И.А. Покровский, критикующий и оценочные понятие в праве, и широкое судебское усмотрение: «...несмотря на всякие учения о безусловном главенстве закона, в действительности судья никогда не был и никогда не сможет стать простым механическим применителем закона, логической машиной, автоматически выбрасывающей свои решения. Его деятельность всегда есть творческий элемент, и игнорировать этот последний значит также создавать себе вредную фикцию, закрывать глаза перед неустранимой реальностью. Закон и суд не две враждебные силы, а два

¹¹¹ Гребнев Р.Д. Роль и место судебных актов в правотворческом процессе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 2 // СПС КонсультантПлюс.

¹¹² Багаев В. Единственный доктор для закона - это судья [Интервью с С.В. Сарбашем] // Закон. 2017. № 4. С. 6.

необходимых фактора юрисдикции. Оба они имеют одну и ту же цель – достижение материально справедливого; закон для достижения этой цели нуждается в живом дополнении и сотрудничестве в лице судьи. И нечего бояться этой творческой деятельности судьи: судья в неменьшей степени, чем законодатель, сын своего народа и своего времени и в неменьшей степени носитель того же народного правосознания»¹¹³.

С учетом особенностей корпоративных отношений следует поддержать А.А. Кузнецова, по мнению которого, «суд в современных правовых порядках становится ключевым игроком в решении проблем неполноты контракта в корпоративном праве, именно он призван восполнять просчеты частных лиц (из-за их ограниченной рациональности, усиливающейся бессрочностью отношения) и законодателя (из-за его неповоротливости в изменении регулирования или же неспособности сформулировать сколько-нибудь определенное правило), а при необходимости защищая слабую сторону в отношениях»¹¹⁴.

Таким образом, считаем, что принцип добросовестности действительно позволяет расширить возможности судебного усмотрения, однако, с нашей точки зрения, при функционировании судебной системы должным образом такое положение является скорее преимуществом использования принципа добросовестности, позволяющем быстро реагировать на изменение общественных отношений и в наибольшей степени способствовать достижению цели справедливости правового регулирования. Задача же высших судебных инстанций – в выработке критериев применения принципа добросовестности для устранения риска правовой неопределенности.

Добросовестность и автономия воли в корпоративном праве

Как пишет А.А. Кузнецов, «Корпоративное право, будучи частью гражданского права, основано на принципе автономии воли и вытекающей из него презумпции свободы, которые, в свою очередь, базируются на важных философско-правовых (свобода как естественное состояние человека) и

¹¹³ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 96.

¹¹⁴ Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017 // СПС КонсультантПлюс.

утилитарных (свободно выстраиваемые частными лицами отношения ведут к наиболее выгодному для них, а значит, для общества и государства в целом результату) доводах»¹¹⁵.

Согласно пп. А п. 1.3 Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации: «Судебная практика признает, что эффективное развитие рынка невозможно без укрепления начал автономии воли и свободы договора участников оборота. Однако неограниченная свобода в достижении эгоистических интересов таит в себе способность дестабилизации оборота, так как привносит в него элементы, на которые не рассчитывает добропорядочное большинство. Предсказуемость поведения основана на удовлетворении ожиданий, а они базируются на представлении о добросовестном поведении. Правила о добросовестности являются естественным противовесом правилам, утверждающим свободу договора и автономию воли сторон»¹¹⁶.

О том, что свобода договора не может быть безграничной, писал и И.О. Покровский¹¹⁷, однако, по его мнению, концепция «добрых нравов» при соответствующем применении может задавить любую гражданскую свободу¹¹⁸.

М.И. Брагинский и В.В. Витрянский выделяют следующие цели ограничения свободы договора: 1) защита слабой стороны; 2) защита интересов кредиторов, угроза которым может оказать разрушительное влияние на гражданский оборот; 3) защита интересов государства, в концентрированном виде выражающего интересы общества¹¹⁹.

Диспозитивные нормы призваны служить свободе договора и автономии воли, а императивные устанавливают границы свободы и возможности усмотрения субъектов.

На наш взгляд, свобода в обществе, где господствует право, так или иначе в большей или меньшей степени, в зависимости от отрасли регулирования,

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 3 // СПС КонсультантПлюс.

¹¹⁷ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 249.

¹¹⁸ Там же. С. 256.

¹¹⁹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1 // СПС КонсультантПлюс.

исторических условий, предполагает несвободу, некие границы и ограничения свободы и усмотрения сторон. Свобода – это некое пространство для субъекта права, в рамках которого он может осуществлять свои субъективные права, не причиняя вред другим субъектам права. Это идея компромисса между интересами различных субъектов. Каждый должен осуществлять свои права так, чтобы не причинять вреда другим, это пространство и есть свобода.

Автономия воли является определяющим понятием частного права и зиждется в первую очередь на невмешательстве в частные дела воли публичной. Принцип добросовестности же предполагает, что частная воля имеет границы, выражающиеся в запрете частной волей устанавливать и реализовывать права и обязанности таким способом, который может приводить к нарушению прав и законных интересов участников гражданского оборота. Соответственно, следует рассматривать принцип добросовестности как императивную норму-принцип, призванную в некоторых случаях ограничивать автономию воли в том или ином объеме в целях защиты прав и законных интересов иных лиц.

Добросовестность и справедливость

В.В. Кулаков считает, что справедливость – это характеристика поведения субъекта гражданских правоотношений, «свидетельствующая о его стремлении соблюдать разумный баланс прав и обязанностей его и других лиц, а также общественные интересы, то есть соблюдать равенство в положении участников отношений»¹²⁰.

В.А. Вайпан понимает принцип справедливости как «выраженное в теоретической и обобщенной форме адекватное общественной объективной реальности научно обоснованное представление о том, какими должны быть на данной ступени исторического развития конкретного общества в его специфических социально-экономических условиях и с учетом национальных особенностей право, его отдельные нормы и в целом механизм правового регулирования, чтобы они органично соответствовали существующему способу

¹²⁰ Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 188.

производства (экономическим отношениям), а значит, отвечали коренным социальным интересам как компромиссу общих, групповых и индивидуальных интересов»¹²¹. Недобросовестность, при этом, выступает как один из вспомогательных критериев для юридической оценки поведения субъектов права как несправедливых¹²².

По мнению Д.В. Дождева, справедливость может пониматься в двух значениях: «Одно из них, научное, отождествляет справедливость с правом (подлинным правом), признавая невозможность (несправедливость) иной справедливости, кроме равной для всех. Другое – произвольное (в конечном счете всегда – властное) – наделяет справедливость ситуативным смыслом и противопоставляет ей право как бездушный порядок, черпая оправдание ненормативного и случайного усмотрения властей в уничижительном отношении к праву (правовом нигилизме). Если первое понимание становится знаменем либеральных учений и общественных движений, отстаивающих свободу индивида, то второе востребуется правоотрицающими деспотическими силами»¹²³. Иными словами, Д.В. Дождев выступает с критикой справедливости, базирующейся на учете конкретных обстоятельств и применении оценочных категорий.

С.А. Иванова рассматривает добросовестность в качестве одного из элементов справедливости: «Добросовестность» означает фактическую честность субъектов в их поведении, «разумность» – осознание правомерности своего поведения, «справедливость» – соответствие поведения субъектов господствующим в обществе морально-этическим и нравственным нормам, а значит, осознание честности и правомерности поведения являются составными частями осознания справедливости своих действий (поведения).

¹²¹ Вайпан В.А.. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра юр. наук. М., 2019. С. 14.

¹²² Там же. С. 24.

¹²³ Дождев Д.В. Понятие справедливости в римской правовой традиции // Журнал Московской Патриархии. 2011. № 11. С. 64-65.

Добросовестность и разумность – это составляющие (границы) принципа социальной справедливости»¹²⁴.

С.В. Сарбаш определяет принцип добросовестности как инструмент в достижении справедливости¹²⁵. Похожее мнение высказывает К.В. Нам, который пишет, что целью применения принципа добросовестности является соблюдение и достижение справедливости¹²⁶.

Во многих правовых порядках добросовестность и справедливость рассматриваются в качестве единого объективного стандарта¹²⁷.

По нашему мнению, категория «добросовестность» в отличие от справедливости может применяться только при оценке поведения лица. Правовые нормы при этом должны способствовать реализации принципа добросовестности субъектами права, а, значит, законодатель в правотворческом процессе основывается на добросовестности как на ориентире, которому должно служить применение правовой нормы. Сама же правовая норма не может быть добросовестной, однако правовая норма может и должна быть справедливой.

Таким образом, на основании исследования правовой доктрины считаем, что реализация принципа добросовестности является средством достижения принципа справедливости.

Добросовестность и разумность

В ст. 662 ГК РФ прямо именуется разумность, наряду с добросовестностью, принципом осуществления права, соответственно разумность является требованием к субъекту гражданского права.

А.В. Волков рассматривает разумность как «структурную сторону добросовестности, а добросовестность – собирательную форму здравого, адекватного, честного поведения»¹²⁸.

¹²⁴ Иванова С.А. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в обязательственном праве // Законодательство и экономика. 2005. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

¹²⁵ Багаев В. Единственный доктор для закона - это судья [Интервью с С.В. Сарбашем] // СПС КонсультантПлюс.

¹²⁶ Нам К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. 2017. № 6 // СПС КонсультантПлюс.

¹²⁷ Towards a European Civil Code. P. 621.

¹²⁸ Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 18.

По мнению О.В. Мазур, требование добросовестности предполагает оценку поведения лица с точки зрения субъективной добросовестности – фактической честности субъекта, его убежденности в правомерности собственных действий, а также с позиции объективной добросовестности, которая предполагает соответствие поведения лица разумным ожиданиям иных субъектов. Условием оценки поведения лица как добросовестного является разумность его поведения, в связи с чем, по мнению автора, разумность является синонимом объективной добросовестности¹²⁹.

В качестве одной из задач принципа разумности А.В. Коновалов видит стимулирование участников гражданского оборота к ответственному и добросовестному поведению и считает, что «в добросовестности сочетаются и стыкуются этическая и рациональная (прагматичная) составляющие гражданского права. Прагматичная составляющая смысловым образом преимущественно реализуется через принцип разумности, этическая – через принцип справедливости... В нашем понимании скорее оценка разумности действий субъектов имеет более объективный характер, поскольку может использовать общепринятые образцы поведения в конкретных типичных условиях, в том числе закрепленные нормативно»¹³⁰. Из этого следует, что принцип справедливости и принцип разумности являются, как считает автор, элементами принципа добросовестности.

Принцип разумности и принцип добросовестности в качестве составных однопорядковых элементов принципа справедливости, как упоминалось, рассматривает С.А. Иванова¹³¹.

По мнению В.И. Емельянова, если добросовестность является характеристикой совести, то разумность представляет собой объективную сторону действий лица, то есть критерием оценки является не поведение конкретного лица, а поведение среднего человека. Юридическое значение

¹²⁹ Мазур О.В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук. СПб., 2012. С. 7.

¹³⁰ Коновалов А.В. Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 // СПС КонсультантПлюс.

¹³¹ Иванова С.А. Указ. соч. // СПС КонсультантПлюс.

приобретает оценка поведения субъекта на соответствие общепринятому пониманию разумного человека в сходных обстоятельствах¹³². Также В.И. Емельянов пишет, что лицо является добросовестным, когда оно действует без умысла причинить вред другому лицу и не допускает самонадеянности при возможности причинить вред другому лицу, а разумными действиями признает такие действия, которые бы совершил человек со средними интеллектуальными способностями¹³³.

Похожее мнение высказывает А.В. Татарников, который отмечает, что добросовестность заключается в необходимости действовать без намерения причинить вред иным субъектам, не допускать легкомыслия и небрежности, соотносить свое поведение с правами и интересами иных лиц. Разумность представляет собой выбор наиболее оптимальных вариантов достижения целей при сбалансированном учете прав и законных интересов иных лиц¹³⁴.

В.В. Кулаков пишет, что разумность участника гражданского оборота выражается в стремлении соизмерять свое поведение со здравым смыслом, общими представлениями о предусмотрительности и экономической целесообразности, правами и охраняемыми интересами других субъектов. Добросовестность проявляется в стремлении субъекта исключать возможность нарушения прав и законных интересов других лиц¹³⁵.

Е.Е. Богданова утверждает, что под разумностью понимается наличие опыта субъекта права по участию в гражданском обороте, соответствующего опыту среднего участника оборота¹³⁶. При этом автор подчеркивает необходимость в разграничении добросовестности и разумности, так как поведение лица может быть добросовестным, но неразумным или разумным, но недобросовестным¹³⁷.

¹³² Емельянов В.И. Понятие «разумность» в гражданском праве России // Вестник ВАС РФ. 2002. № 10 // СПС КонсультантПлюс.

¹³³ Емельянов В. Пределы осуществления гражданских прав // Российская юстиция. 1999. № 6. С. 16-17.

¹³⁴ Татарников А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук. М., 2010. С. 8-9.

¹³⁵ Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права. С. 188. Похожее мнение высказывает Коновалов А.В. (См.: Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 23).

¹³⁶ Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблема защиты субъективных гражданских прав. Дис. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 59.

¹³⁷ Там же. С. 58-59.

О.А. Кузнецова высказывает следующую позицию о соотношении добросовестности и разумности: «Разумность, так же как добросовестность, есть определенная способность личности, но если добросовестность - это способность к самооценке, самоконтролю, то разумность - это способность к пониманию целесообразности действий, причинно-следственных связей, к предвидению последствий своих действий. <...> ...в основании разумности лежит понятие «ум», а в основе добросовестности – «честность». А это далеко не одно и то же»¹³⁸.

По нашему мнению, категория «добросовестность» не тождественна категории «разумность». Принцип добросовестности отражает этический элемент в частном праве – запрет действовать во зло, границы эгоизма участников гражданского оборота, необходимость при реализации собственного интереса учитывать права и законные интересы иных лиц. Принцип разумности является проявлением рационального элемента – необходимость анализировать последствия своего поведения, прогнозировать и оценивать риски.

Критерием для разграничения требования добросовестности и требования разумности в случае несоблюдения указанных требований является форма вины.

В целом мы поддерживаем позицию А.В. Егорова, который считает, что о недобросовестности речь идет, когда поведение лица основывалось и на прямом, и на косвенном умысле, то есть тогда, когда лицо осознавало неблагоприятные последствия своих действий для иных лиц и желало их наступления либо относилось к ним безразлично¹³⁹.

Таким образом, нарушение лицом принципа добросовестности всегда умышленно: субъект либо намеренно реализует свои и права и обязанности во зло, либо при реализации своих прав и обязанностей не учитывает права и интересы иных субъектов. Примером недобросовестности, выражающейся в действии во зло, может являться ситуация, когда акционер в отсутствие законного

¹³⁸ Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 266.

¹³⁹ Егоров А.В. Злоупотребления корпоративными правами: виды и способы защиты // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / Отв. ред. Е.А. Суханов., А.Е. Шерстобитов. М.: Статут, 2021. С. 236, 251-253.

интереса в получении информации запрашивает большой объем информации о деятельности общества, а затем направляет жалобу в уполномоченный орган в связи непредоставлением какого-либо документа из запроса. Ситуация, в которой акционерное общество в течение нескольких лет при благоприятных финансовых показателях инвестирует всю прибыль и не выплачивает акционерам дивиденды, является примером недобросовестности в форме неучета прав и законных интересов иных лиц.

Нарушение лицом принципа разумности характеризуется неосторожностью, при которой субъект не осознает вероятность наступления негативных последствий своего поведения, так как в конкретной ситуации не прилагает надлежащих умственных усилий для оценки своего поведения. Неразумным является нарушение обществом сроков подачи в уполномоченный орган заявления о смене генерального директора из-за незнания законодательства. Неразумно голосование участника за согласие на заключение очевидно невыгодной для общества сделки ввиду непонимания бизнес-процессов.

Добросовестность и эстоппель

Эстоппель принято рассматривать как недопустимость противоречивого поведения (*venire contra factum proprium*)¹⁴⁰. Согласно ст. 1.8 Принципов УНИДРУА «сторона не может поступать несовместимо с определенным пониманием, которое возникло по зависящим от нее причинам у другой стороны и имея в виду которое эта другая сторона, разумно на него полагаясь, совершила действие в ущерб себе».

Предсказуемость и прогнозирование последствий являются одними из основных назначений права. Н. Луман видел «стабилизацию ожиданий», в качестве основной цели такой социальной системы как право¹⁴¹. Так, субъекты права заключают между собой соглашения для того, чтобы рассчитывать на те обстоятельства, которые являются предметом договора; лицо не может быть

¹⁴⁰ Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. Москва: Статут, 2019; Новак Д.В. Социальная функция ограничений кондиционного иска. Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020.

¹⁴¹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 401 - 406, 489 - 492.

привлечено к ответственности без указания на то в законе, с которым заранее можно ознакомиться до совершения правонарушения.

Соответственно, требования учета разумных ожиданий адресованы как иным участникам правоотношений, так и законодателю при формировании правовых норм.

Ю.Б. Фогельсон пишет: «...для полного определения социального эффекта действия правовых норм необходимо проверить, формируют ли они стабильные разумные ожидания добросовестных участников оборота и обеспечивают ли разумные предсказуемые последствия их применения. Отсутствие предсказуемости либо ее наличие, но при явной неразумности предсказуемых последствий расценивается как асоциальность, отсутствие внимания авторов нормы к социальному эффекту ее действия»¹⁴².

Таким образом, разумные ожидания представляют собой определенную ценность для правового субъекта и субъекта конкретного правоотношения, а действия, направленные на подрыв этих ожиданий добросовестного субъекта, должны пресекаться.

К.В. Нам пишет, что существует два подхода: согласно первому подходу эстоппель выводится из принципа добросовестности и должен толковаться в соответствии с ним, второй подход исходит из критики оценочности принципа добросовестности и необходимости ограничения его применения, поэтому эстоппель должен быть самостоятельной конструкцией¹⁴³. Нам же представляется, что второй подход не отражает сущности эстоппеля и вызван исключительно негативной оценкой последствий широкого применения принципа добросовестности. Однако основным смыслом принципа добросовестности является учет интересов другой стороны, а эстоппель, как запрет противоречивого поведения, подрывающего доверие другой стороны, берет свои корни из негативной оценки недобросовестного поведения и направленности на недопущение такого поведения. Таким образом, эстоппель является одним из

¹⁴² Фогельсон Ю.Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции // Закон. 2019. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴³ Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики // СПС КонсультантПлюс.

средств, целью которого является недопущение одной из форм недобросовестного поведения – противоречивого поведения, подрывающего доверие другой стороны.

В ГК РФ эстоппель находит свое воплощение в абз. 4 п. 2 ст. 166 и п. 5 ст. 166, п. 3 ст. 432 и в п. 5 ст. 450.1 ГК РФ. Например, в соответствии с п. 5 ст. 166 ГК РФ заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

Обязательными условиями применения эстоппеля являются: возникновение доверия у добросовестной стороны; возникшее доверие как результат поведения лица, которому противопоставляется эстоппель; несправедливость подрыва доверия¹⁴⁴. Эстоппель не влечет негативные последствия за одну лишь противоречивость поведения. Действительным объектом защиты является доверие положившегося на предшествующее поведение лица и осуществленные им действия или бездействия, которые были совершены в связи с возникшим доверием¹⁴⁵.

В одном из дел, рассмотренных Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации (далее – ВАС РФ), стороны заключили договор купли-продажи акций, который не исполнялся ими 6 лет. Спустя этот срок покупатель отдал передаточное распоряжение реестродержателю, в результате чего акции были зачислены на его счет. Президиум ВАС РФ обратил внимание на то, что за 6 лет акции выросли в стоимости в 13 раз, и что покупатель не имел разумных экономических мотивов для того, чтобы ждать столько времени для обращения с требованием об исполнении договора. Суд оценил поведение покупателя как злоупотребление правом¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Карапетов А.Г., Федоров Д.В. Эстоппель: Извлечение из готовящейся к публикации 5 тома Серии комментариев к гражданскому законодательству #Глосса. URL: <https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/10/tezisy-k-kruglomu-stolu-po-estoppelyu-d.-fedorov-a.-karapetov.pdf> (дата обращения: 15.04.2020). С. 2.

¹⁴⁵ Федоров Д.В. Соотношение эстоппеля и сделки. URL: https://www.m-logos.ru/img/Fedorov_M-Logos_01072019.pdf (дата обращения: 15.04.2020). С. 7.

¹⁴⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 N 12913/12 по делу N A27-15517/2011 // СПС КонсультантПлюс.

Нельзя не согласиться с Д.Ф. Федоровым, который отмечает следующее: «...при применении эстоппеля важно оценить значение законодательной цели при конкретных обстоятельствах. В остальных случаях нарушается автономия воли стороны, против которой применяется эстоппель. В этих случаях важно различать доверие относительно высокой вероятности последовательного поведения и доверие относительно текущего правового положения. В первой ситуации ключевое значение имеет степень недобросовестности поведения первой стороны и несправедливость для должника, а во второй – распределение информационных обязанностей в совокупности с обстоятельствами, учитываемыми и при первой ситуации (степень недобросовестности, несправедливость)»¹⁴⁷.

Подводя итог, следует подчеркнуть – применение эстоппеля следует рассматривать как частный случай реализации принципа добросовестности, а противоречивое поведение, подрывающее доверие другой стороны, как недобросовестное поведение участника гражданского оборота.

Добросовестность и злоупотребление правом

В п. 1 ст. 10 ГК РФ установлено, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Так, законодатель установил границы субъективного права, которые определяются правами и интересами других правовых субъектов. В.П. Грибанов писал: «Границы есть неотъемлемое свойство всякого субъективного права, ибо при отсутствии таких границ право превращается в свою противоположность – в произвол и тем самым вообще перестает быть правом»¹⁴⁸. Законодательное закрепление границ осуществления субъективных прав является формой обеспечения прав и интересов других правовых субъектов¹⁴⁹.

В.П. Грибанов приводил очень точное понимание: «О злоупотреблении правом речь может идти лишь в случае, когда управомоченный субъект, действуя

¹⁴⁷ Федоров Д.В. Указ. соч. С. 9-10.

¹⁴⁸ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. С. 22.

¹⁴⁹ Там же. С. 24.

в границах принадлежащего ему субъективного права, в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права»¹⁵⁰. Приводя пример с отсутствием злоупотребления правом в случае подачи иска за пределами срока исковой давности, В.П. Грибанов пишет, что злоупотребление правом имеет место только тогда, когда субъективное право используется «во зло»¹⁵¹. С нашей точки зрения, необходимым условием для квалификации деяния в качестве «злоупотребления правом» являются также законные интересы иных субъектов и публичный интерес, которые затрагиваются таким деянием.

А.Е. Шерстобитов дает следующую характеристику злоупотребления правом: несоответствие формы осуществления права цели предоставления субъективного права участникам гражданских правоотношений; наличие вины; обладание лицом субъективным правом; причинение вредных последствий; причинно-следственная связь¹⁵².

По мнению В.П. Грибанова, злоупотребление правом – это особый тип правонарушения¹⁵³, противоправность которого состоит в использовании управомоченным лицом недозволенных конкретных форм поведения в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения»¹⁵⁴.

Подчеркивая условность термина «злоупотребление правом», М.М. Агарков писал: «те действия, которые называют злоупотреблением правом, на самом деле совершены за пределами права»¹⁵⁵.

И.В. Сазонова под злоупотреблением права напротив предлагает понимать поведение субъекта в пределах предоставленного ему субъективного права, однако направленное на реализацию неправомерного интереса, заключающегося в

¹⁵⁰ Там же. С. 46.

¹⁵¹ Там же. С. 50.

¹⁵² Шерстобитов А.Е. Злоупотребление правом (доктрина и практика) // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею В.С. Ема / Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. С. 460 - 461.

¹⁵³ Такой же позиции придерживался В.А. Рясенцев (Рясенцев В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция. 1962. № 9. С. 9).

¹⁵⁴ Там же. С. 211, 55.

¹⁵⁵ Агарков М.М. Указ. соч. С. 427.

намерении достижения целей в противоречие с принципами соразмерности, добросовестности и разумности¹⁵⁶.

Выступая с критикой оценочности принципа добросовестности, И.А. Покровский тем не менее допускал существование в праве запрета злоупотребления правом. Так, он писал: «Не впадая в крайность, не берясь за неосуществимую задачу насаждения морали принудительным путем, запрещение осуществлять право с исключительной целью причинить зло будет иметь само по себе огромное морализующее значение. Если гражданское право является по преимуществу областью частного самоопределения, то есть областью дозволенного эгоизма, то запрещение шиканы устраняет крайние антисоциальные шипы этого эгоизма <...> И только в этих пределах запрещение шиканы не будет противоречить необходимому для всякого правопорядка принципу прочности права»¹⁵⁷.

По нашему мнению, нельзя не согласиться с Д.В. Новаком, который отмечает, что случаи классического злоупотребления правом исключительно с намерением причинить вред другому лицу – шиканы – встречаются достаточно редко, так как главной целью при злоупотреблении правом все-таки является, как правило, реализация своего интереса¹⁵⁸.

Как было сказано, принцип добросовестности был введен в ст. 1 ГК РФ в 2013 г., однако запрет злоупотребления правом был закреплен в ст. 10 ГК РФ еще в первой редакции ГК РФ 1994 г. Анализируя законодательство и судебную практику до закрепления принципа добросовестности в ст. 1 ГК РФ, Ю.Б. Фогельсон пишет, что отсутствие инструмента борьбы с недобросовестностью приводило к нарушению интересов субъектов права и ухудшению их отношения к праву. В связи с этим, «суды попытались найти выход из положения. Иногда они стали прямо ссылаться на обязанность добросовестности так, как будто бы в ГК РФ того времени она существовала, и в результате получались справедливые, но очевидно незаконные решения. Однако в 2008 г. ВАС РФ предложил выход из

¹⁵⁶ Сазонова И.В. Квалификация поведения субъектов как злоупотребление гражданским правом. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук. СПб., 2010. С. 8.

¹⁵⁷ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 120.

¹⁵⁸ Новак Д.В. Действия, направленные на неосновательное обогащение как форма злоупотребления. С. 183.

положения – рассматривать недобросовестное поведение как один из вариантов злоупотребления правом; тогда возникала возможность сослаться на ст. 10 ГК РФ»¹⁵⁹. Хотя романо-германские правовые порядки рассматривают злоупотребление правом как крайнее проявление недобросовестного поведения, то есть недобросовестность, является понятием более широким, чем злоупотребление правом¹⁶⁰, это был единственный выход каким-то образом препятствовать недобросовестным действиям, что доказывало потребность в закреплении общего принципа добросовестности.

Позиции, согласно которой злоупотребление правом является частным случаем недобросовестности, придерживался и В.П. Грибанов¹⁶¹.

Подводя итог, мы считаем, что злоупотребление правом является разновидностью более широкого понятия недобросовестность. Злоупотребление правом всегда связано с осуществлением лицом принадлежащего ему субъективного права. Более широкая категория недобросовестность не всегда основывается на осуществлении права, недобросовестным может быть и исполнение обязанности¹⁶². В связи с этим в настоящем исследовании злоупотребление правом рассматривается как частный случай недобросовестного поведения, не соответствующего принципу добросовестности.

Завершая работу над данным разделом исследования, приведем следующие выводы: а) принцип добросовестности следует рассматривать в качестве нормы-принципа, которая предполагает распространение принципа добросовестности на всю группу правоотношений, регулируемых гражданским правом; и нормы-правила, проявляющейся в том, что нарушение участником гражданского оборота требования осуществлять свои права и исполнять обязанности добросовестно влечет применение санкций; б) расширение принципом добросовестности

¹⁵⁹ Фогельсон Ю.Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 9. С. 105.

¹⁶⁰ Фогельсон Ю.Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции (верховенство ГК, добросовестность) // Закон. 2019. № 6 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁶¹ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 209. Такое же мнение высказывает А.Г. Карапетов (Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1 - 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2020. С. 531 (Автор комментария - А.Г. Карапетов).

¹⁶² По мнению А.Е. Наумова, разновидностью злоупотребления правом является злоупотребление обязанностью (Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук. М., 2010. С. 9).

возможности судейского усмотрения при надлежащем функционировании судебной системы является скорее преимуществом, позволяющим быстро реагировать на изменение общественных отношений и в наибольшей степени способствовать достижению справедливости правового регулирования; в) принцип добросовестности является императивной нормой, призванной в некоторых случаях ограничивать автономию воли в целях защиты прав и законных интересов иных лиц; г) реализация принципа добросовестности является средством достижения принципа справедливости; д) категория «добросовестность», отражающая этический элемент в частном праве, не тождественна категории «разумность», являющейся проявлением рационального элемента; е) применение эстоппеля следует рассматривать как частный случай реализации принципа добросовестности, а противоречивое поведение, подрывающее доверие другой стороны, как недобросовестное поведение участника гражданского оборота; ж) злоупотребление правом является разновидностью более широкого понятия недобросовестность.

Глава II. Значение принципа добросовестности в корпоративном праве

§ 1. Особенности проявления принципа добросовестности в корпоративном праве

Возникновению, изменению и прекращению правоотношения (движение¹⁶³ или динамика¹⁶⁴ правоотношения) предшествуют определенные предпосылки. К числу таких предпосылок относится интерес¹⁶⁵.

Прежде, чем перейти к определению интересов различных субъектов корпоративных правоотношений, необходимо пояснить, почему это важно для настоящего исследования.

Статус субъекта и выявление его интереса в корпоративных правоотношениях отражает перспективу столкновения с интересами иных субъектов, а следовательно позволяет внедрять правовые средства для минимизации недобросовестного поведения и стимуляции добросовестного. Также выявление законного интереса в зависимости от статуса субъекта определяет характер вменяемого субъекту требования добросовестности, которое в корпоративном праве следует подразделять на активное и пассивное.

Установленная обязанность действовать добросовестно, возлагаемая на членов органов управления и контролирующих лиц, отличается от общей обязанности участников гражданских правоотношений действовать добросовестно. Так, в п. 3 ст. 53 и п. 3 ст. 53.1 ГК РФ закреплена обязанность членов органов управления и контролирующих лиц действовать добросовестно именно в интересах юридического лица. Соответственно, обязанность членов органов управления и контролирующих лиц действовать в интересах юридического лица добросовестно по сравнению с общегражданской обязанностью действовать добросовестно предполагает активный характер.

¹⁶³ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. С. 50 - 51.

¹⁶⁴ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юриздат, 1940. С. 180.

¹⁶⁵ В.П. Грибанов под интересом понимал осознанную потребность, необходимость, прошедшую через сознание людей и принявшую форму сознательного побуждения. (Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. С. 239). С.Н. Братусь, считая, что интерес не входит в содержание субъективного права, писал: «что интерес – это только цель, а не сущность права, что право - лишь средство обеспечения или охраны интересов» (Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. С. 24).

Общегражданская обязанность добросовестного поведения, согласно которой при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК РФ), является пассивной, так как выступает в качестве дополнительной обязанности при осуществлении иного субъективного права или исполнении иной субъективной обязанности: субъект должен учитывать права и законные интересы иных лиц, но не обязан направлять на их реализацию собственные действия.

Так, добросовестность продавца доли, связанного только обязанностью действовать добросовестно из п. 3 ст. 1 ГК РФ, предполагает, что он, во-первых, не скроет от покупателя дефекты (притязания третьих лиц на существенный актив общества и иные), а также окажет содействие покупателю в реализации последним своих прав из доли (например, даст контакт бывшего главного бухгалтера, если покупатель не обнаружит бухгалтерские документы за определенный период). Содействие в таком случае не предполагает активных действий – инициативы, прямой направленности действий продавца на реализацию интересов покупателя. Это следует из самого определения слова «содействие», под которым подразумевается помощь, поддержка в каком-нибудь деле, в какой-нибудь деятельности¹⁶⁶, но не сама деятельность. Под деятельностью же понимается целеустремленная активность, реализующая потребности субъекта¹⁶⁷. Всякая деятельность включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности, и, следовательно, неотъемлемой характеристикой деятельности является её осознанность¹⁶⁸. Осуществление обязанности действовать добросовестно членами органов управления и

¹⁶⁶ Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940 // Сайт «Академик». URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1033742> (дата обращения: 18.06.2021).

¹⁶⁷ Краткий психологический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс. Л.А.Карпенко, А.В.Петровский, М. Г. Ярошевский. 1998 // Сайт «Академик». URL: <https://psychology.academic.ru/554/%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 18.06.2021).

¹⁶⁸ Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983 // Сайт «Академик». URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4276/%D0%94%D0%95%D0%AF%D0%A2%D0%95%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC (дата обращения: 18.06.2021).

контролирующими корпорацию лицами предполагает именно целевую деятельность, направленную на удовлетворение интересов юридического лица.

Таким образом, применительно к различным субъектам следует выделять добросовестность в корпоративном праве активного и пассивного характера. На членов органов управления и контролирующих корпорацию лиц возлагается обязанность действовать добросовестно активного характера. На остальных участников корпоративных правоотношений, не являющихся контролирующими лицами, возлагается требование добросовестности пассивного характера – они должны действовать добросовестно при реализации собственного интереса, учитывая интересы иных лиц. Выявление активной и пассивной добросовестности является особенностью реализации принципа добросовестности в корпоративном праве.

Обратимся к определению интересов субъектов корпоративных правоотношений для выявления потенциальных конфликтов интересов. Специфика реализации принципа добросовестности в корпоративном праве¹⁶⁹ проявляется прежде всего в том, что корпорация, являясь самостоятельным субъектом права, наделенным собственным интересом, в то же время объединяет других самостоятельных субъектов права – участников, членов органов управления, иных лиц, каждый из которых обладает собственным интересом. Как отмечал Г.Ф. Шершеневич: «...юридическое лицо играет роль «скобок», в которые заключаются однородные интересы известной группы лиц для более упрощенного определения отношений этой коллективной личности к другим»¹⁷⁰.

Совпадающий интерес нескольких лиц является предпосылкой создания корпорации как юридического факта. Исключением в данном случае являются так называемые «компании одного лица», в которых есть только один участник: разумеется, никакого объединения интересов в таких корпорациях не происходит.

¹⁶⁹ В узком смысле рассматривает добросовестность в корпоративных отношениях М.Ф. Лукьяненко, которая считает, что добросовестность в корпоративных отношениях проявляется только в обязанностях руководителя действовать от имени юридического лица в интересах последнего (Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика применения. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 21).

¹⁷⁰ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / вступ. ст. Е.А. Суханова. М.: СПАРК, 1995. С. 92.

Как правило, на основании объединенных интересов создается новый субъект права – юридическое лицо. В свою очередь, юридическое лицо является самостоятельным субъектом права, и нет никаких оснований не признавать за ним собственный интерес.

Интересы каких субъектов помимо корпорации играют ключевые роли в корпоративных правоотношениях?

Прежде всего это интересы самих участников, которые, внося свое имущество в формируемый капитал корпорации, как правило, действуют не в альтруистических целях, а намерены получить прибыль от вложенных средств.

Для выражения воли юридического лица формируются органы управления, члены которых также имеют свой интерес, направленный на получение вознаграждения за свою работу.

Помимо интересов названных категорий, являющихся субъектами корпоративных правоотношений, можно выделить интересы кредиторов и работников корпорации. Строго говоря, данные субъекты не относятся к субъектам корпоративных правоотношений, однако нормы корпоративного права, регулирующие управление в корпорации, направлены также на охрану и защиту отдельных прав и интересов указанных лиц.

Итак, начнем определение интересов отдельных субъектов с корпорации. Что представляет собой интерес корпорации: синтез интересов всех участников, интерес отдельных участников или собственный интерес корпорации?

По мнению Д.И. Степанова: «...юридическое лицо как правовая абстракция, смысловая фикция, лишенная физического существования, никаких собственных интересов – так, как они понимаются применительно к субъектам, имеющим собственную волю, – не имеет и иметь не может. Любое указание на интересы юридического лица есть не более чем вмененный интерес, присвоенный фиктивному субъекту права, каковым является юридическое лицо. В таком случае интересы юридического лица по факту просто отождествляются с интересами

того, кто стоит за таким лицом, то есть с интересами его участников или учредителей»¹⁷¹.

Другие же авторы считают, что корпорация обладает собственным интересом, который заключается в реализации целей деятельности корпорации, отраженных в учредительных документах¹⁷². Такой же подход можно обнаружить в позициях высших судебных инстанций. Так, согласно п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее – Постановление № 62) при определении интересов юридического лица следует, в частности, учитывать, что основной целью деятельности коммерческой организации является извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ); также необходимо принимать во внимание соответствующие положения учредительных документов и решений органов юридического лица (например об определении приоритетных направлений его деятельности, об утверждении стратегий и бизнес-планов и т.п.). Директор не может быть признан действовавшим в интересах юридического лица, если он действовал в интересах одного или нескольких его участников, но в ущерб юридическому лицу.

С нашей точки зрения, корпорация определенно обладает собственным интересом. Об этом также свидетельствуют и нормы законодательства. Категория «интерес корпорации» находит отражение, например, в нормах: п. 3 ст. 53, п. 4 ст. 62, п. 2 ст. 174 ГК РФ, п. 6 ст. 68, п. 1 ст. 71, п. 1 ст. 84 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»¹⁷³ (далее – Закон об АО); п. 1 ст. 34, п. 1 ст. 44, п. 6 ст. 45 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹⁷⁴ (далее – Закон об ООО). Ущерб интересам общества является необходимым условием оспаривания сделки, в совершении которой имеется заинтересованность (п. 1 ст. 84 Закона об АО).

¹⁷¹ Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁷² Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 1. // СПС КонсультантПлюс. (Автор главы – Д.В. Ломакин); Смирнова Я.А. Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук. М., 2019. С.11.

¹⁷³ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

¹⁷⁴ СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

Действия в интересах общества добросовестно и разумно являются и основанием для освобождения от субсидиарной ответственности при банкротстве общества контролирующего лица, которым обычно и является мажоритарный участник (п. 10 ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁷⁵ (далее – Закон о банкротстве)). То есть мажоритарный участник не может принимать решения исключительно из своих интересов, которые могут принести вред обществу. Соответственно, мы не можем считать, что интерес общества представляет собой интерес мажоритарного участника. То же самое можно сказать и применительно к компании одного лица, интерес которой не должен отождествляться с интересом единственного участника. Обратное приводило бы к выводу о том, что корпорация может являться лишь средством реализации недобросовестными лицами своих интересов и устранения риска ответственности. Такой подход способствует недобросовестному поведению и вредит интересам кредиторов и работников общества.

Также считаем, что интерес корпорации не является синтезом интересов всех его участников. Такой вывод следует из законов логики. Если мажоритарный участник голосует против выплаты дивидендов, а миноритарный участник за выплату, то общество не выплачивает дивиденды. Никакого промежуточного или объединенного варианта нет. Эфемерно можно предположить, что после такого решения миноритарный участник прекратит свое участие в обществе, в чем не заинтересован мажоритарный участник, поэтому мажоритарный участник будет принимать решение с учетом интересов миноритарного. Однако так происходит не всегда. Кроме того, действия мажоритарного участника в угоду интересам миноритарного – тот самый синтез интересов, может не соответствовать интересам общества. Например, выплата дивидендов может привести к сокращению производства и увольнению работников.

Об интересе участников речь идет, например, в нормах п. 1 ст. 1, п. 7 ст. 49, п. 6 ст. 68, п. 7 ст. 91 Закона об АО, п. 1 ст. 34, п. 1 ст. 42 Закона об ООО. Признание за участниками корпорации интереса не вызывает споров. Создание

¹⁷⁵ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

корпорации или вступление и участие в корпорации всегда обусловлено интересом его участников, а ликвидация корпорации – следствие потери интереса участников в ее существовании. Разумеется, содержание интересов участников нетождественно и разнообразно. Так, интерес может состоять в инвестировании свободных денежных средств, реализации какого-либо бизнес-проекта, диверсификации уже имеющегося бизнеса путем создания холдинговой структуры и так далее.

Однако наибольший интерес в корпоративном праве вызывает противопоставление интересов мажоритарных и миноритарных участников. Обычно предполагается, что интерес мажоритарных участников направлен на долгосрочное развитие и реализацию проектов, которые в долгосрочной перспективе могут принести значительную прибыль. Мажоритарные участники, концентрируя в своих руках возможность определять действия корпорации путем принятия решений на общих собраниях, несут риск за собственные решения. Миноритарии же оказываются в подчиненном воле мажоритария положении, их интерес, как правило, заключается в получении гарантированных доходов, что не всегда соотносится с рисковыми долгосрочными проектами. При осуществлении корпоративных прав и исполнении обязанностей на участников, являющихся контролирующими лицами корпорации, как было сказано, в силу п. 3 ст. 53.1 ГК РФ возлагается обязанность не только учитывать права и законные интересы корпорации, но и действовать в ее интересах (активная добросовестность).

Об интересе членов органов управления упоминается в п. 5 ст. 68 Закона об АО, согласно которому член совета директоров общества, не участвовавший в голосовании или голосовавший против решения, принятого советом директоров общества в нарушение порядка, установленного законодательством, уставом общества, вправе обжаловать в суд указанное решение в случае, если этим решением нарушены его права и законные интересы. В данном случае законодатель, вероятно, под интересом подразумевает интерес члена совета директоров в управлении обществом, так как, во-первых, деятельность общества, реализуемая посредством корпоративного управления, оказывает

непосредственное влияние на его репутацию, во-вторых, на члене совета директоров лежит риск привлечения к гражданско-правовой, административной и даже уголовной ответственности, вызванной ненадлежащим управлением обществом.

Т.С. Бойко применительно к публичным обществам пишет: «Наемные менеджеры публичной корпорации, осуществляя функции по ее управлению, нередко преследуют собственные интересы (увеличение собственного вознаграждения, сохранение высокооплачиваемой должности при смене контроля над компанией, совершение выгодной для себя сделки за счет ресурсов компании и т.п.), а не интересы акционеров и компании в целом. То есть акционеры публичной корпорации и наемные менеджеры, управляющие этой компанией, как бы противопоставлены друг другу и являются разными, независимыми друг от друга группами лиц с разнонаправленными интересами»¹⁷⁶.

Соответственно, законный интерес членов органов управления может заключаться в увеличении вознаграждения, а также в укреплении собственной репутации посредством эффективного управления корпорацией. Однако на членов органов управления, как и на контролирующих лиц, в силу п. 3 ст. 53 ГК РФ возлагается обязанность не только учитывать права и законные интересы корпорации, но и действовать в ее интересах (активная добросовестность).

Помимо рассмотренных интересов субъектов корпоративных правоотношений, нормы корпоративного права направлены на охрану интересов широкого круга третьих лиц, на которых может оказать непосредственное влияние недобросовестность субъектов корпоративных правоотношений. К числу таких лиц, прежде всего, относятся кредиторы и работники корпорации.

Интерес кредиторов корпорации состоит в полном и добросовестном исполнении обязательств корпорацией. В случае недобросовестности лиц, определяющих действия корпорации, и неудовлетворительного финансового состояния корпорации права кредиторов могут быть нарушены. На защиту

¹⁷⁶ Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. М.: Статут, 2019 // СПС КонсультантПлюс.

интересов данной категории субъектов направлены, например, нормы об уменьшении уставного капитала корпорации (ст. 20 Закона об ООО ст. 30 Закона об АО), о реорганизации (ст. 60 ГК РФ), а также законодательство о несостоятельности (банкротстве).

Работники корпорации заинтересованы в стабильности корпорации, учете их прав и интересов и достойном вознаграждении. Для реализации этого интереса в некоторых зарубежных странах работники уже давно входят в состав органов управления юридических лиц¹⁷⁷. В российском праве возможность участия работников в органах управления появилась относительно недавно. Так, в 2018 году в ТК РФ была введена ст. 53.1, согласно которой у работников появилось право выбирать своих представителей для участия в заседаниях коллегиального органа управления с правом совещательного голоса, если такое право установлено федеральными законами, учредительным документом организации, внутренним регламентом, иным внутренним документом организации, коллективным договором, соглашениями. В пояснительной записке к проекту данного закона отмечено следующее: «В настоящее время в обществе достаточно остро стоит вопрос социальной справедливости. В связи с необоснованно высокой дифференциацией доходов между топ-менеджментом предприятий и организаций и основной массой работников возрастает социальное отчуждение. В условиях кризиса решения, принимаемые руководством предприятий, зачастую бывают недостаточно социально ответственными или остаются недостаточно поняты работниками»¹⁷⁸.

В рамках настоящего исследования необходимо также рассмотреть интерес группы компаний. Хотя группа компаний и не является субъектом права, а представляет собой объединение самостоятельных субъектов права, основанное на организационном единстве и экономическом контроле, за ней признается

¹⁷⁷ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014 // СПС КонсультантПлюс. Молотников А.Е. Участие трудовых коллективов в корпоративном управлении: российский и иностранный опыт // Предпринимательское право. 2010. № 2 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁷⁸ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в целях обеспечения участия представителей работников в коллегиальных органах управления организаций» // СПС КонсультантПлюс.

собственный интерес¹⁷⁹. Существование интереса группы компаний может служить причиной злоупотреблений и иного недобросовестного поведения, а в некоторых случаях – напротив – при внешних признаках недобросовестности свидетельствовать о добросовестности, направленной на реализацию общего интереса группы компаний.

Оценка и учет группового интереса проявились в судебной практике в 2012 г. с позиции Президиума ВАС РФ, в которой суд пришел к выводу, что безвозмездная передача имущества внутри группы возможна. Суд указал, что отсутствие прямого встречного предоставления является особенностью взаимоотношений основного и дочернего обществ, представляющих собой с экономической точки зрения единый хозяйствующий субъект и, учитывая подконтрольность общества концерну и общие цели их экономической деятельности, для реализации которых может возникать необходимость в перераспределении имущества (ресурсов). Также суд сделал следующий вывод: при передаче имущества от дочернего общества основному (и наоборот) интересы миноритарных участников обществ, которые могут быть ущемлены такими сделками, защищаются специальными положениями законодательства о хозяйственных обществах (например, о праве требовать выкупа акций или приобретения обществом доли или части доли в уставном капитале, об одобрении сделок, в совершении которых имеется заинтересованность участников хозяйственного общества)¹⁸⁰.

Верховный Суд РФ в одном из дел пришел к выводу, что при кредитовании одного из участников группы лиц предполагается, что, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает¹⁸¹.

Однако необходимо понимать, что передача имущества компаниям внутри группы может свидетельствовать о недобросовестности. Во-первых, это может

¹⁷⁹ Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. Т. 1. // СПС КонсультантПлюс. (Автор главы – И.С. Шиткина).

¹⁸⁰ Постановление Президиума ВАС РФ от 04.12.2012 N 8989/12 по делу N A28-5775/2011-223/12 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.05.2018 N 301-ЭС17-22652(2) по делу N A43-10686/2016 // СПС КонсультантПлюс.

приводить к устранению акционеров, особенно миноритарных, от управления имуществом. Безвозмездная передача имущества компаниям внутри группы может и не вызывать рисков в тех случаях, когда вся группа контролируется единственным лицом. Однако и в этом случае не исключена недобросовестность менеджмента, который выводит активы на иные общества группы для захвата управления над ними и использования в своих интересах. Для предотвращения таких недобросовестных действий обычно в уставы включаются положения, по которым любое отчуждение актива проходит предварительное согласование контролирующим лицом, которое нередко входит в состав органов управления общества.

И.С. Шиткина пишет, что в судебной практике выработан тест, позволяющий определить, нарушены ли права миноритариев¹⁸². О причинении вреда имущественным правам и интересам миноритарных акционеров свидетельствует отчуждение имущества, целью которого является лишение акционеров возможности принимать управленческие решения в отношении указанного имущества и получать преимущества от его использования¹⁸³.

Во-вторых, отчуждение активов в пользу иной компании группы может ущемлять интересы кредиторов, а в некоторых случаях быть намеренно направленным на причинение вреда кредитором. Как указала в одном из дел Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – СКЭС ВС РФ): «Фактически в корпоративной группе Рудгормаш была реализована бизнес-модель, предполагающая получение должником выручки от осуществляемой им деятельности значительно ниже того, на что он вправе был бы рассчитывать в рамках рыночных отношений. Несмотря на то, что получение дохода ниже объективного потенциала прибыли от производственной деятельности само по себе не является незаконным и находится в сфере ведения органов управления корпорации, с точки зрения законодательства о банкротстве такая деятельность приобретает недобросовестный характер в

¹⁸² Шиткина И.С. Выявление и учет общих экономических интересов группы компаний (участников холдинга) при совершении крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность // Закон. 2019. № 6 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸³ Постановление Седьмого ААС от 02.11.2017 по делу N А45-12405/2017 // СПС КонсультантПлюс.

момент, когда она начинает приносить вред кредиторам, то есть когда поступления в имущественную массу должника становятся ниже его кредиторской нагрузки»¹⁸⁴. Также было отмечено, что разделение активов на убыточные и прибыльные без обоснования разумных и законных целей выходит за пределы предпринимательского риска и является злоупотреблением правом, заключающимся в недобросовестном использовании привилегий, предоставляемых возможностью ведения бизнеса через юридическое лицо и причинении вреда независимым участникам оборота. Такие действия необходимо рассматривать как соучастие и, соответственно, следует привлекать к ответственности нескольких субъектов группы компаний, вовлеченных в вывод активов¹⁸⁵.

В качестве вывода по вопросу признания группового интереса и возможных злоупотреблений следует процитировать И.С. Шиткину, которая пишет: «...по общему правилу если группа компаний привлекает средства сторонних акционеров, то при организации финансовых потоков и договорных обязательств следует учитывать интересы всех участников, включая миноритарных. Иначе основное общество холдинга, возможно, будет по своему усмотрению перераспределять финансовые потоки и предоставлять займы под произвольные проценты участникам группы, а миноритарные акционеры дочерних обществ рискуют никогда не получить дивиденды на принадлежащие им акции. Такие внутрихолдинговые сделки могут нарушать и публичные интересы, например в случае манипулирования процентной ставкой по займам для целей минимизации налогообложения»¹⁸⁶.

Таким образом, корпорация представляет собой явление, в котором в идеальной целевой модели сосредоточены общие интересы, направленные на реализацию целей деятельности корпорации и получение связанных с этим

¹⁸⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2020 N 310-ЭС20-6760 по делу N A14-7544/2014 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸⁵ Там же // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸⁶ Шиткина И.С. Выявление и учет общих экономических интересов группы компаний (участников холдинга) при совершении крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность // Закон. 2019. № 6 // СПС КонсультантПлюс.

выгод¹⁸⁷. С другой стороны, интересы могут быть разнонаправлены, а иногда и направлены на реализацию незаконных интересов. В этом определяется одна из специфических черт корпоративного права. При этом осуществление прав одними субъектами зачастую оказывает существенное влияние на интересы других субъектов корпоративных правоотношений, что также является специфической чертой корпоративного права.

В связи с этим, основной упор при регулировании корпоративных отношений должен делаться на создание баланса интересов субъектов корпоративных отношений и лиц, вовлекаемых в оборот с корпорацией. Е.А. Суханов отмечает: «Практическое применение института юридического лица должно опираться на выверенный законодателем баланс интересов предпринимателей и других лиц, участвующих в экономической деятельности под маской юридического лица, и всех остальных участников этой деятельности, в том числе граждан-потребителей»¹⁸⁸. В правовой литературе, посвященной различным институтам корпоративного права, практически всегда подчеркивается необходимость соблюдения баланса интересов¹⁸⁹.

Однако формируемый в законодательстве, судебной практике и обычае баланс интересов участников корпоративных отношений в отсутствие принципа добросовестности быстро бы нарушался, так как, во-первых, появляются новые, неохваченные правом отношения, а, во-вторых, недобросовестные участники находят способы действовать в обход закона для реализации собственных целей. Поэтому принцип добросовестности в корпоративном праве служит, в том числе, цели выявления и соблюдения баланса интересов различных субъектов.

¹⁸⁷ По мнению С.А. Карелиной, собственный интерес субъектов не исключает возможность существования их общего интереса. (См.: Карелина С.А. К вопросу о пределах вмешательства государства в процесс несостоятельности (банкротства) (на примере банковского сектора) // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2. С. 3 – 9).

¹⁸⁸ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸⁹ См. напр.: Шиткина И.С. Особенности развития современного корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. Левушкин А.Н. Совершенствование правового регулирования государственной регистрации юридических лиц: проблемы обеспечения баланса публичного и частного интереса // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 3. Кузнецов А.А. Содержание особых прав кредиторов на случай реорганизации // Гражданское право. 2021. № 1. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. М.: Статут, 2019.

Еще одной специфической чертой корпоративного права является возможность ограничения и исключения ответственности. Как писал Л.И. Петражицкий: «Акционеры оказываются «привилегированными» предпринимателями. Привилегия их состоит в принципе ограниченной ответственности. Всякий обыкновенный предприниматель пользуется выгодами и полной свободой, но он несет и полную ответственность. Привилегии разрушают государства и общественный порядок, и поэтому следует требовать их устранения. Говорят, что недопущение акционерных компаний противоречило бы принципу свободы. Но что это за свобода, для которой нет эквивалента в ответственности? В экономической жизни именно полная ответственность предпринимателя служит гарантией для общества против злоупотреблений свободой, является основным стимулом для экономического успеха предпринимательства и той почвой, на которой только и возможно создание и признание свободы»¹⁹⁰.

Е.А. Суханов считает, что ограничение ответственности должно балансироваться преобладанием императивных норм в корпоративном праве¹⁹¹. Такого же мнения придерживается и Д.В. Ломакин¹⁹².

По мнению А.А. Кузнецова, причинами императивности норм корпоративного права являются: длящийся характер корпоративных правоотношений и невозможность предугадать последствия участия; чрезмерная интеллектуальная нагрузка на судей и нехватка кадров, из-за чего эффективнее применять императивные нормы; снижение транзакционных издержек из-за предсказуемости правоприменения; неквалифицированность и отстраненность от участия акционеров публичных компаний, и, как следствие, подчинение императивным правилам лучшим образом защищает их интересы; необходимость

¹⁹⁰ Петражицкий Л.И. Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве. С. 48.

¹⁹¹ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право // СПС КонсультантПлюс.

¹⁹² Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 8. С. 25.

защиты третьих лиц; потенциально большое количество участников и невозможность договориться¹⁹³.

Соответственно, корпоративное право обладает и такой специфической особенностью как бессрочный характер корпоративных правоотношений, следствием которого является потенциальная неопределенность развития событий и невозможность прогнозировать долгосрочные последствия принимаемых решений, в частности решения о вступлении в корпорацию.

Не отрицая позиции авторов о целесообразности преобладания императивных норм в корпоративном праве, все-таки считаем, что императивные нормы не всегда могут противостоять недобросовестному поведению, так, во-первых, недобросовестные участники нередко находят способ обойти закон; а, во-вторых, законодательство не всегда поспевает за темпом развития общественных отношений. В связи с этим с учетом обозначенной специфики корпоративного права принцип добросовестности, направленный на формирование баланса интересов и устанавливающий повышенный стандарт добросовестности (активная добросовестность) для определяющих деятельность корпорации лиц, приобретает в корпоративном праве особенно существенное значение.

Таким образом, специфика корпоративного права заключается в объединении различных однонаправленных и разнонаправленных интересов, быстро меняющихся обслуживаемых корпоративным правом экономических отношениях, возможности ограничения ответственности при ведении предпринимательской деятельности посредством использования корпоративной формы, зачастую длящемся характере отношений и невозможности заранее установить все правила взаимодействия между субъектами. Эта специфика предопределяет особенности проявления принципа добросовестности в корпоративном праве, к числу которых относятся: направленность на формирование баланса интересов участников корпоративных правоотношений, а в некоторых случаях – и иных лиц; выявление активной и пассивной добросовестности.

¹⁹³ Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк // СПС КонсультантПлюс.

§ 2. Функции принципа добросовестности в корпоративном праве

Право является одним из регуляторов общественных отношений, который обусловлен определенными целями, направленными на регуляцию поведения людей. Из этого следует, что ни один правовой институт не возникает просто так, каждый из них направлен на достижение какой-либо цели. Основной целью права является регулирование поведения людей, соответственно принципы права выполняют те или иные функции, так или иначе направленные на регуляцию поведения людей.

Исследуя принцип добросовестности, необходимо рассмотреть его функции с учетом особенностей проявления в корпоративном праве.

По мнению И.А. Покровского, принцип добросовестности выполняет функцию уяснения смысла договоров и «корректив с точки зрения справедливости»¹⁹⁴.

Показывая некоторое сходство принципа добросовестности с римским преторским правом, немецкий правовед Ф. Виакер на основании отмеченных Папинианом функций преторского права выделял следующие функции принципа добросовестности: толкование (*adiuvandi*), дополнение (*supplendi*), исправление (*corrigendi*)¹⁹⁵.

К.В. Нам выделяет следующие функции принципа добросовестности: конкретизирующая, дополняющая, ограничительная, корректирующая¹⁹⁶. Именно эти функции мы и возьмем за основу в настоящем исследовании.

Конкретизирующая функция принципа добросовестности в корпоративном праве

Конкретизирующая функция направлена на регулирование уже возникших прав и обязанностей. Проявление конкретизирующей функции, по сравнению с некоторыми иными функциями принципа добросовестности, не связано с возникновением новых прав и обязанностей. Суть конкретизирующей функции

¹⁹⁴ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 258.

¹⁹⁵ Towards a European Civil Code. P. 626.

¹⁹⁶ Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. С. 278.

состоит в уточнении существующих прав и обязанностей, направленных на добросовестную реализацию прав и обязанностей.

Согласно п. 4 ст. 65.2 ГК РФ установлена обязанность участника корпорации участвовать в принятии корпоративных решений, без которых корпорация не может продолжать свою деятельность в соответствии с законом, если его участие необходимо для принятия таких решений.

В одном из дел судом было установлено, что участник недобросовестно реализует свои корпоративные права и обязанности, так как не предпринимает необходимых действий для получения информации о проведении общего собрания акционеров. Так, уставом общества было установлено, что информация о собраниях публикуется в местной газете, соответственно добросовестный участник должен был оформить подписку на газету или иным образом отслеживать публикации в газете¹⁹⁷. Фактически основная существующая у лица в силу его участия в корпорации обязанность участвовать в принятии корпоративных решений конкретизируется. У участника не появляется новая обязанность, а в рамках имеющейся уточняется, каким образом добросовестный участник должен ее реализовывать.

В то же время публикация об общем собрании акционеров в рекламном разделе об изготовлении пластиковых окон квалифицируется судом как недобросовестное поведение общества¹⁹⁸. Формально в данном случае общество исполнило обязанность по уведомлению о проведении общего собрания акционеров, однако сделало это недобросовестным способом. Общество, действуя добросовестно, должно быть нацелено на доведение информации до всех акционеров, публикация же информации в разделе о пластиковых окнах не могла служить такой цели.

Дополняющая функция принципа добросовестности в корпоративном праве

Дополняющая функция принципа добросовестности заключается в возложении на субъектов правоотношения дополнительных обязанностей. Такие

¹⁹⁷ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 13.01.2012 по делу N А32-3418/2011 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁹⁸ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.05.2012 по делу N А32-22145/2011 // СПС КонсультантПлюс.

обязанности должны служить добросовестному осуществлению основных прав и обязанностей. Дополняющая функция служит цели приведения в соответствие поведения стороны смыслу существования правоотношения. Для достижения цели правоотношения не всегда достаточно исполнить основные обязанности, зачастую необходимо проявить добросовестность и осуществить дополнительные действия. Суть дополняющей функции в ожидании активных действий от субъекта правоотношения. Именно в активном характере и возложении дополнительных обязанностей состоит основное отличие дополняющей функции от похожей на нее на первый взгляд конкретизирующей функции.

Согласно п. 3. ст. 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию. К корпоративным правоотношениям в силу п. 3 ст. 307.1 ГК РФ применяются общие положения об обязательствах, если иное не установлено законодательством или не вытекает из существа отношений.

Так, по предварительному договору купли-продажи доли в обществе с ограниченной ответственностью на продавца доли не возложена обязанность голосовать тем или иным образом на общих собраниях участников. Но неучастие продавца в общем собрании участников, на котором принимаются решения, влекущие уменьшение действительной стоимости доли в будущем, является недобросовестным поведением.

Особенно ярко дополняющая функция проявляется в корпоративном праве при залоге прав участника юридического лица (ст. 358.15 ГК РФ) и залоге ценных бумаг (ст. 358.16 ГК РФ).

По общему правилу до момента прекращения залога права участника общества с ограниченной ответственностью осуществляются залогодержателем (п. 2 ст. 358.15 ГК РФ). Встает закономерный вопрос, каким образом залогодержатель будет осуществлять права участника. Как справедливо пишет С.Ю. Филиппова: «Трудно надеяться на лояльное отношение к обществу со

стороны залогодержателя, чей имущественный интерес состоит только в том, чтобы получить как можно более точное надлежащее исполнение основного обязательства должника (участника)»¹⁹⁹. Представляется, что в данном случае и должна проявляться дополняющая функция принципа добросовестности. Добросовестный залогодержатель обязан проявлять бережное отношение к заложенным правам, в том числе посредством взятия на себя дополнительных обязанностей по участию в управлении в необходимом объеме, даже если договором залога не предусмотрены такие обязанности. Например, на основании принципа добросовестности залогодержателю необходимо участвовать в общих собраниях, чтобы не допустить приостановку деятельности общества. Также залогодержателю следует принимать участие в общих собраниях, чтобы максимально способствовать сохранению не меньшего объема прав, которым обладал залогодатель на момент передачи прав в залог.

Интересным видится вопрос о принципе добросовестности в аспекте дополняющей функции и обязанностей членов органов управления. Представляется, что обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах представляемого юридического лица, предусмотренная п. 3 ст. 53 ГК РФ, в наибольшей степени отражает дополняющую функцию принципа добросовестности. Так, устав, внутренние документы, трудовой договор с директором не могут предусмотреть все аспекты деятельности директора и связанные с ними обязанности, соответственно то, что не нашло отражения в указанных документах, может включаться в обязанности директора на основании принципа добросовестности в аспекте дополняющей функции.

Например, при выборе авиабилетов и гостиничных номеров добросовестный директор должен учитывать финансовое состояние общества, не использовать возможность во вред корпорации, выбирая наиболее дорогостоящие услуги. Нарушение данной обязанности может стать одним из оснований для привлечения директора к ответственности за убытки перед обществом (п. 1 ст.

¹⁹⁹ Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. Т. 2. С. 990. (Автор главы – С.Ю. Филиппова).

53.1 ГК РФ) или к субсидиарной ответственности при банкротстве общества (п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Дополнительные обязанности зачастую связаны с основным предметом обязательства. К ним относятся обязательства по содействию, информированию, консультированию, получению и содействию в получении необходимых согласований государственных органов.

Так, добросовестная сторона по договору купли-продажи доли в обществе с ограниченной ответственностью должна содействовать покупателю, например в поиске контактов бывшего главного бухгалтера, который владеет информацией, необходимой для подготовки отчетности.

Недобросовестным поведением должно считаться заключение договора купли-продажи акций под условием получения требуемого в силу закона согласия государственного органа, если покупатель, утратив интерес к покупке акций или заведомо не имея такого интереса, уклоняется от подачи документов в государственный орган или готовит заведомо несоответствующий требованиям законодательства пакет документов. Такое поведение может быть вызвано намерением навредить продавцу-конкуренту или сговором с агентом продавца, который осуществляет поиск покупателя акций за вознаграждение, и является недобросовестным. Как пишет К.В. Нам со ссылкой на позицию Верховного суда Германии: «Ни одна из сторон не может использовать такую ситуацию, когда действительность соглашения зависит от третьей стороны, для того чтобы освободиться от преследуемого подписанием соглашения обязательства»²⁰⁰.

К дополняющей функции принципа добросовестности К.В. Нам также относит охранительные обязанности, что особенно актуально для корпоративного права.

²⁰⁰ Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики // СПС КонсультантПлюс.

Д.В. Мазаев под охраной права подразумевает комплекс взаимосвязанных и последовательных мер по обеспечению беспрепятственного доступа субъектов к своим правам и свободам²⁰¹.

По мнению А.С. Мордовца, охрана прав – это состояние правомерной реализации прав и свобод под контролем социальных институтов, но без их вмешательства²⁰².

Соответственно, охрана прав и направленные на нее охранительные обязанности существуют для предотвращения нарушения субъективных прав и содействия наиболее полной реализации субъективных прав.

Важнейшее место среди охранительных обязанностей занимает разработка внутренних документов, направленных на наиболее полную охрану прав участников. К числу таких внутренних документов можно отнести положение о предоставлении информации акционерам. Для того чтобы такое положение действительно отвечало принципу добросовестности, оно должно быть не декларативным, а устанавливать работающую, удобную и прозрачную систему, которая обеспечивала бы реализацию прав акционеров на информацию о деятельности общества. Таким же требованиям должна соответствовать и дивидендная политика общества.

Внедрению мер охраны в корпорациях во многом способствует Кодекс корпоративного управления²⁰³ (далее – ККУ), один из главных акцентов в котором сделан на обеспечении прав акционеров. ККУ является рекомендательным актом (актом «мягкого права»²⁰⁴), основанным на лучших практиках корпоративного управления. Рекомендательный характер не позволяет вменять положения ККУ в обязанность корпорации, однако в некоторых случаях следует рассматривать положения ККУ через призму дополняющей функции

²⁰¹ Мазаев Д.В. Соотношение категорий «правовая охрана» и «правовая защита» в контексте отраслей российского права и законодательства // Общество и право. 2013. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

²⁰² Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов: Сарат. ВШ МВД РФ, 1996. С. 154.

²⁰³ <Письмо> Банка России от 10.04.2014 N 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // СПС КонсультантПлюс.

²⁰⁴ Мягкое право» (soft law) - акты, имеющие рекомендательный характер (См.: Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Т. 1 // СПС КонсультантПлюс).

принципа добросовестности и в ряде ситуаций презюмировать соответствие принципу добросовестности действия корпорации при их соответствии ККУ.

Так, направление акционерным обществом информации о проведении собрания и на иностранном языке, если среди акционеров есть иностранцы, является хорошим примером добросовестности корпорации, соответствующей п. 7 ККУ.

А указание в адресе места проведения общего собрания акционеров только номера улицы и здания без уточнения номера кабинета и этажа в одной из башен Москва-Сити является иллюстрацией недобросовестного поведения корпорации и не соответствует п. 5 ККУ, в котором сказано:

«Дополнительно к сведениям, которые в соответствии с законодательством должны содержаться в сообщении о проведении общего собрания, в нем рекомендуется указать точное место проведения общего собрания, включая сведения о помещении, в котором оно будет проводиться».

Значительную роль в содействии добросовестному поведению корпорации играет корпоративный секретарь. Согласно п. 3.1 ККУ корпоративным секретарем обеспечиваются эффективное текущее взаимодействие с акционерами, координация действий общества по защите прав и интересов акционеров²⁰⁵. К функциям корпоративного секретаря, содействующим реализации принципа добросовестности корпорации в аспекте дополняющей функции, относятся:

- участие в организации подготовки и проведения общих собраний;
- участие в реализации политики общества по раскрытию информации, а также обеспечение хранения корпоративных документов общества;
- обеспечение взаимодействия общества с его акционерами и участие в предупреждении корпоративных конфликтов;
- обеспечение реализации установленных законодательством и внутренними документами общества процедур, обеспечивающих реализацию прав и законных интересов акционеров, и контроль за их исполнением (п. 218 ККУ).

²⁰⁵ В данном случае под защитой все-таки понимается охрана прав в указанном выше смысле, предполагающем предотвращение нарушения прав.

Надлежащая реализация функций корпоративного секретаря обеспечивается предъявляемыми к нему требованиями независимости. Согласно п. 212 ККУ не рекомендуется назначать корпоративным секретарем общества лицо, являющееся аффилированным лицом общества, связанное с контролирующим обществом лицом либо с исполнительным руководством общества, поскольку это может привести к возникновению конфликта интересов и ненадлежащему выполнению корпоративным секретарем своих задач.

Так, корпоративный секретарь, формально не являющийся самостоятельным субъектом корпоративных правоотношений, обеспечивает реализацию принципа добросовестности корпорацией по отношению к акционерам.

Возникает вопрос о соотношении дополняющей функции принципа добросовестности и ведении учета прав субъектов корпоративных правоотношений. Надлежащее ведение учета прав субъектов корпоративных правоотношений безусловно относится к числу важнейших мер охраны прав. Однако, как представляется, не является проявлением дополняющей функции принципа добросовестности, так как учет прав участников хозяйственных обществ является основной обязанностью общества, хотя и направлен на охрану прав акционеров.

Так, п. 1 ст. 44 Закона об АО предусмотрено, что общество обязано обеспечить ведение и хранение реестра акционеров общества. При этом, п. 4 ст. 149 ГК РФ установлена солидарная ответственность эмитента и реестродержателя за ненадлежащий учет прав владельцев ценных бумаг.

Такой подход законодателя вызывал и продолжает вызывать вопросы в части возложения ответственности и на эмитента. Основным аргументом звучит то обстоятельство, что по закону ведение реестра осуществляет профессиональный участник ценных бумаг – реестродержатель, деятельность которого подлежит лицензированию Банком России (ст. 8 Закона о рынке ценных бумаг), и если государство допускает лицо к такому виду деятельности, то возникает вопрос, почему частное лицо – хозяйствующий субъект – должно

нести ответственность за действия профессионального субъекта. Несмотря на аргументы, конституционность такой законодательной позиции была подтверждена Конституционным Судом Российской Федерации²⁰⁶.

Также, как было сказано, в силу п. 3 ст. 307 ГК РФ обязанность действовать добросовестно сохраняется и после прекращения правоотношений. Примером проявления дополняющей функции после прекращения корпоративного правоотношения может стать обязанность бывшего участника общества с ограниченной ответственностью в силу принципа добросовестности не разглашать конфиденциальную информацию об обществе, ставшую ему известной в связи с обладанием статусом участника. Однако, надо признать, что согласно действующему законодательству привлечь к ответственности за разглашение конфиденциальной информации крайне сложно, так как необходимо доказать и факт разглашения информации, и возникшие в результате этого убытки. А ввиду специфики самой информации, ее нематериальный характер, различные способы передачи, представляется почти невозможным, как и доказать, что именно разглашение информации конкретным лицом стало причиной, например, оттока клиентов к конкуренту или падения стоимости акций компании на бирже. В связи с указанными обстоятельствами, судебной практики о привлечении участников к ответственности в виде убытков за разглашение конфиденциальной информации почти нет. Однако это не препятствует распространению обязанности не разглашать информацию о деятельности общества на бывших участников в силу принципа добросовестности.

Ограничительная функция принципа добросовестности в корпоративном праве

Ограничительная функция принципа добросовестности направлена на борьбу со злоупотреблением правом. Наделенные правами субъекты правоотношений не могут при реализации своих субъективных прав действовать безгранично. Нередки случаи, когда лицо, реализуя свое право, действует в

²⁰⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2010 N 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобами открытых акционерных обществ «Газпром», «Газпром нефть», «Оренбургнефть» и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)» // СПС КонсультантПлюс.

соответствии с формальными правилами, однако его поведение не соответствует принципу добросовестности. У субъективных прав есть границы, выражающиеся в необходимости учета прав и интересов иных лиц. Ограничительную функцию можно охарактеризовать как пассивную, так как в соответствии с ней предполагается, что субъект должен в ряде случаев воздерживаться от осуществления принадлежащего ему права определенным образом.

Примером применения ограничительной функции в корпоративном праве может стать признание недействительным дарения части доли в обществе с ограниченной ответственности третьему лицу и дальнейшая продажа такому лицу всей доли в обход правил о преимущественном праве других участников²⁰⁷.

Также ограничительная функция принципа добросовестности срабатывает в некоторых случаях при обращении участником в суд с требованием об исключении другого участника для разрешения корпоративного конфликта²⁰⁸.

К ограничительной функции принципа добросовестности можно отнести и доктрину «снятия корпоративной вуали».

Доктрина «снятия корпоративной вуали» (*piercing the corporate veil*), по сути, и родилась как ответ на злоупотребление другой правовой концепцией – «самостоятельная ответственность юридического лица по своим обязательствам». В деле «Валковский против Карлтона» (*Walkovszky v. Carlton*) гражданин, сбитый машиной такси фирмы, принадлежащей гражданину Карлтону, доказал, что последний использовал конструкцию юридического лица в целях реализации исключительно собственного интереса, поэтому он и должен нести ответственность²⁰⁹. Считается, что данное дело положило начало развитию доктрины «снятия корпоративной вуали». Конечно, формально мы не можем считать, что в основе данной правовой доктрины лежит принцип добросовестности, так как, как писалось ранее, англо-саксонская правовая семья

²⁰⁷ П. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

²⁰⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.10.2014 по делу N 306-ЭС14-14, А06-2044/2013 // СПС КонсультантПлюс; Постановление ФАС МО от 3 апреля 2014 г. N Ф05-2375/2014 // СПС КонсультантПлюс; Постановление ФАС ЗСО от 5 апреля 2013 г. N А45-12984/2012 // СПС КонсультантПлюс.

²⁰⁹ Bainbridge S.M. *Corporate Law*. 2nd ed. Foundation Press. N.Y.: Thomson West, 2009. P. 53-54.

формально не признает такой принцип. Функцию принципа добросовестности в прецедентной правовой системе, как говорилось, выполняет широкая дискреция суда и выходящая из этого возможность судей творить право. Тем не менее, и суть принципа добросовестности, и доктрина «снятия корпоративной вуали» заключаются в необходимости учета прав и интересов иных лиц и запрете использования субъективных прав во вред иным лицам.

В российском сравнительно молодом корпоративном праве доктрина «снятия корпоративной вуали» нашла отражение в положениях законодательства, а именно в п. 2 ст. 67.3 ГК РФ, ст. 6 Закона об АО, ст. 6 Закона об ООО, закрепляющих солидарную ответственность основного общества по сделкам дочернего общества, заключенных последним во исполнение указаний или с согласия основного общества, а также в положениях абз. 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ и гл. III.2 Закона о банкротстве, устанавливающих субсидиарную ответственность основного общества при банкротстве дочернего и субсидиарную ответственность контролирующих лиц при банкротстве подконтрольной компании.

Д.В. Ломакин высказывает следующую позицию: «снятие корпоративного покрова – это не норма, а исключение из общего правила о самостоятельности и независимости юридического лица, в том числе и от своих участников (членов). Оно оправдано в ограниченном числе случаев, когда подконтрольная организационно-правовая структура используется контролирующим лицом в качестве инструмента для реализации своих собственных интересов без учета интересов зависимого субъекта»²¹⁰.

Из процитированного тезиса следует, что, если лицо, прибегая к предоставленному ему праву ведения бизнеса при помощи конструкции юридического лица, использует его исключительно в своих интересах без учета прав самого юридического лица как самостоятельного субъекта правоотношений и его кредиторов, оно действует недобросовестно. На ограничение реализации

²¹⁰ Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 32.

права таким образом, как было указано выше, и направлена ограничительная функция принципа добросовестности.

Также примером недобросовестного поведения, на предотвращение которого может быть направлена ограничительная функции принципа добросовестности, является ситуация по продаже 100 % доли в обществе с ограниченной ответственностью и дальнейшее использование клиентской базы во вред обществу и покупателю. Исходя из принципа добросовестности, ограничение в этом случае должно распространяться на использование после продажи клиентской базы продавцом не в интересах покупателя. В некоторых договорах купли-продажи прямо прописывается запрет на такие действия под угрозой санкции. Однако в ситуации, когда такой запрет договором не установлен, но в предмете договора или в ином пункте прописано, что под передачей бизнеса/доли/акций стороны подразумевают, в том числе, клиентскую базу, то продавец ограничен в использовании или передаче третьим лицам клиентской базы на основании принципа добросовестности. Воля покупателя на получение клиентской базы и ее существенность для покупателя может быть выражена не только в договоре, доказательствами такой воли также может служить переписка сторон, запротоколированные переговоры.

Корректирующая функция принципа добросовестности в корпоративном праве

Корректирующая функция заключается в возможности изменения содержания прав и обязанностей в связи с изменившимися обстоятельствами. Эта функция в противовес дополняющей функции, возлагающей дополнительные обязанности, может изменять или устранять обязанности. Применение корректирующей функции принципа добросовестности актуально в случае, если сохранение содержания прав и обязанностей в неизменном виде становится для лица неприемлемым. Понятие «неприемлемость» в этом случае является

оценочным и подлежит определению в каждом конкретном случае. Неприемлемость бывает двух типов: объективная и субъективная²¹¹.

Объективная неприемлемость имеет место в случае, когда исполнение обязанности в неизменном виде в принципе невозможно. Например, п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве закреплена обязанность руководителя по передаче конкурсному управляющему документов, обязанность ведения и хранения которых установлена действующим законодательством. В свою очередь пп. 2) п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве установлены негативные последствия нарушения такой обязанности в виде субсидиарной ответственности директора. Однако в случае, если документация была утрачена вне зависимости от действий директора, например при доказанном факте пожара, руководитель может быть освобожден от ответственности в связи с объективной неприемлемостью (невозможностью) возложения на него обязанности по передаче документации²¹². Для освобождения от ответственности в таких ситуациях ключевым, что необходимо доказать директору, является добросовестность. В связи с тем, что ссылка на пожар стала использоваться недобросовестными директорами для ухода от ответственности, суды тщательно исследуют это обстоятельство, принимая во внимание, действительно ли нет вины директора в возникновении пожара, как была устроена система пожарной безопасности на предприятии и система хранения документов, имелась ли возможность их восстановления, в какое время возник пожар – до или после возникновения признаков неплатежеспособности должника²¹³. В некоторых случаях руководители намеренно устраивают пожар, чтобы уничтожить документы, доказывающие их недобросовестные действия. В этом случае говорить о корректирующей функции принципа добросовестности для снятия с руководителя обязанности не представляется возможным. Принцип добросовестности, проявляющийся во всех

²¹¹ Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики // СПС КонсультантПлюс.

²¹² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.07.2020 N Ф07-2540/2020 по делу N А56-41594/2017 // СПС КонсультантПлюс.

²¹³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.07.2015 N Ф05-7362/2015 по делу N А40-97352/2012// СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.06.2015 N Ф05-6901/2014 по делу N А40-159838/2012 // СПС КонсультантПлюс; Постановление ФАС Московского округа от 20.11.2013 N Ф05-5767/2009 по делу N А40-25128/2008 // СПС КонсультантПлюс.

его функциях, направлен на стимуляцию исключительно добросовестного поведения и минимизацию недобросовестного.

Субъективная неприемлемость проявляется в ситуациях, когда, во-первых, исполнение обязанности фактически возможно, однако в связи с изменившимися обстоятельствами становится для должника непосильным либо лишает его того, на что он рассчитывал. Во-вторых, когда неприемлемость исполнения обязанности зависит от личности кредитора. Примером ситуаций первого типа может быть следующий случай. Директор акционерного общества не является на переговоры и срывает прибыльную сделку. Акционеры на основании п. 1 ст. 53.1 ГК РФ обращаются в суд с требованием о взыскании убытков с директора. Возражая против требований, директор заявляет, что по дороге на встречу с контрагентом, ему сообщили, что машина, в которой ехал его сын попала в крупную аварию. Директор отправился в больницу, и в состоянии сильного эмоционального потрясения не вспомнил о встрече и необходимости найти себе замену. В такой ситуации суды с учетом корректирующей функции принципа добросовестности и субъективной неприемлемости для директора быть на встрече могут освободить директора от ответственности за убытки.

Как пишет К.В. Нам на основании анализа опыта немецкого права, «строгость условий обязательства может не соблюдаться в случаях, когда на стороне должника имеются очень веские обстоятельства личного характера, которые оправдывают с точки зрения права принципа добросовестности отступление от *pacta sunt servanda*»²¹⁴.

Также можно привести пример, когда лицо купило долю в обществе с ограниченной ответственностью и планировало вложиться в производство детской одежды, а мажоритарный участник принял решение шить только мужские носки. В этом случае лицо лишилось того, на что рассчитывало, покупая долю. Конечно, имеет место довод о том, что при покупке части бизнеса необходимо учитывать зависимость от воли мажоритарно участника, но, если

²¹⁴ Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019 // СПС КонсультантПлюс.

предположить, что продавец знал о планах мажоритария и интерес покупателя в производстве детской одежды, однако не сообщил об этом покупателю, с учетом корректирующей функции принципа добросовестности представляется возможным расторжение договора на основании ст. 451 ГК РФ.

Примером ситуации второго типа – неприемлемость исполнения обязанности с учетом личности кредитора – является неисполнение обязанности общества предоставить информацию о деятельности общества по запросу акционера, владеющего 100 % долей в компании-конкуренте (пп. 3 п. 7 ст. 91 Закона об АО).

В соответствии с принципом добросовестности кредитор не может игнорировать интересы должника. Однако для изменения или устранения обязанности должника его интересы должны иметь свойство особой значимости и в понимании любого разумного участника гражданского оборота превышать значимость интересов кредитора. Можно сформулировать такое базовое правило для применения принципа добросовестности в аспекте корректирующей функции: если исполнение обязанности в связи с изменившимися обстоятельствами настолько не соответствует интересу обязанного лица и цели правоотношения, что никакое разумное лицо, зная о таком изменении обстоятельств, никогда бы не вступило в правоотношение, такая обязанность подлежит корректировке в соответствии с принципом добросовестности.

Логика категории «неприемлемость» базируется на правиле о том, что негативные последствия изменения обстоятельств не должны ложиться только на одну сторону. Одна из сторон, которая в силу случайных обстоятельств оказалась в явно неблагоприятном положении, исходя из назначения права как искусства добра и справедливости, может рассчитывать на поддержку со стороны такого регулятора общественных отношений как право. И если для профессиональных субъектов – юридических лиц, индивидуальных предпринимателей – данный тезис может показаться спорным, то для физических лиц, которые во многих случаях являются субъектами корпоративных правоотношений, ориентация на

справедливость и защиту слабой стороны является в некоторых ситуациях едва ли не единственным средством защиты.

При этом в нашем понимании учет обстоятельств и справедливого отношения применим все же не только к физическим лицам, но и к коммерческим организациям. Такой подход полностью соответствует общественному интересу: процветание бизнеса способствует улучшению жизни общества в целом. Однако это невозможно без учета со стороны законодателя, судов и исполнительных органов интересов и потребностей бизнеса. В 2020 году вследствие распространения коронавирусной инфекции и объявленной пандемии бизнес столкнулся со множеством вызовов. В связи с этим государство скорректировало некоторые обязанности, лежащие на субъектах предпринимательской деятельности, в том числе в корпоративном правоотношениях. Так, на основании Федерального закона от 18.03.2020 N 50-ФЗ²¹⁵ и Федерального закона от 07.04.2020 N 115-ФЗ²¹⁶ изменился императивный срок для проведения годовых общих собраний акционеров и очередных общих собраний участников. Также хозяйственные общества были освобождены от обязанности, предусмотренной пп. 4 и 6 ст. 35 Закона об АО и п. 4 ст. 30 Закона об ООО, уменьшить уставный капитал, если стоимость чистых активов стала меньше размера уставного капитала по окончании 2020 года.

Таким образом, на приведенных в настоящем разделе примерах было показано, что принцип добросовестности в корпоративном праве выполняет следующие функции: конкретизирующую, направленную на уточнение существующих прав и обязанностей в целях их добросовестной реализации; дополняющую, суть которой состоит в возложении на субъектов правоотношения дополнительных обязанностей для добросовестного осуществления основных

²¹⁵ Федеральный закон от 18.03.2020 N 50-ФЗ «О приобретении Правительством Российской Федерации у Центрального банка Российской Федерации обыкновенных акций публичного акционерного общества «Сбербанк России» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1642).

²¹⁶ Федеральный закон от 07.04.2020 N 115-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части унификации содержания годовых отчетов государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний, а также в части установления особенностей регулирования корпоративных отношений в 2020 году и о приостановлении действия положений отдельных законодательных актов Российской Федерации» (СЗ РФ. 2020. № 15 (1 ч). Ст. 2238).

прав и обязанностей; ограничительную, направленную на недопущение злоупотребления правом; корректирующую, заключающуюся в возможности изменения содержания прав и обязанностей в связи с изменившимися обстоятельствами для защиты добросовестной стороны. Каждая из указанных функций направлена на формирование баланса интересов участников корпоративных правоотношений и иных лиц.

§ 3. Правовые средства реализации принципа добросовестности в корпоративном праве

Принцип добросовестности имеет значение только при его реализации, которая происходит при осуществлении субъективных прав и исполнении субъективных обязанностей.

В.П. Грибанов утверждал: «...различие между содержанием субъективного права и его осуществлением состоит прежде всего в том, что содержание субъективного права включает в себя лишь возможное поведение управомоченного лица, тогда как осуществление права есть совершение реальных, конкретных действий, связанных с превращением этой возможности в действительность»²¹⁷.

Соответственно, принцип добросовестности может реализовываться исключительно при осуществлении прав и обязанностей – динамика правоотношения, так как само наличие права или обязанности – статика правоотношения – не может быть добросовестным или недобросовестным.

Реализация правовой нормы, как писал В.Д. Сорокин, предполагает несколько путей ее осуществления:

- а) идеологический – проведение широких целенаправленных мер воспитательного характера;
- б) организационный – средства, обеспечивающие выполнение организационных мер (например доведение содержания правовой нормы до исполнителей);
- в) правовой – юридические средства, непосредственно обеспечивающие реализацию правовой нормы²¹⁸.

Таким образом, реализации принципа добросовестности, помимо нравственных качеств субъектов права, их воспитания и юридической грамотности, способствуют правовые средства.

²¹⁷ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. С. 44.

²¹⁸ Сорокин В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1976. С. 101.

Сама категория «правовые средства» встречалась и в дореволюционной правовой литературе²¹⁹, однако ее содержание не раскрывалось и теоретически не разрабатывалось.

Разработка категории «правовое средство» началась в советский период. Р.О. Халфина определяла правовые средства как особые юридические инструменты, призванные обеспечивать решение определенных социально-экономических задач²²⁰.

С.С. Алексеев писал, что правовые средства в их системном единстве составляют механизм правового регулирования, отражающий динамическую сторону правовой действительности²²¹, при помощи которого осуществляется результативное правовое воздействие²²². К числу элементов механизма правового регулирования – правовых средств – С.С. Алексеев относил: юридические нормы, индивидуальные предписания применения права, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей. Каждое правовое средство при этом выполняет свои специфические функции: юридические нормы составляют базу регулирования – первый уровень механизма, индивидуальные предписания применения права запускают или гарантируют реализацию правовых норм, правоотношения воплощают правовые нормы в жизнь, а в актах реализации прав и обязанностей происходит завершение и перевод предписаний юридических норм в реальное поведение²²³. Иными словами, под правовыми средствами автор понимал элементы функционирования права на различных уровнях.

По мнению В.А. Сапуна, правовые средства – это «такие институционные образования (установления, формы) правовой действительности, которые в своем реальном функционировании, использовании в процессе социальной правовой деятельности приводят к достижению определенного результата в решении

²¹⁹ Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1908. С. 690.

²²⁰ Халфина Р.О. Правовое регулирование поставки продукции в народном хозяйстве. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 30.

²²¹ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. II. М.: Юрид. лит., 1982. С. 9-15.

²²² Тарасов Н.Н. Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. 2020. № 5 // СПС КонсультантПлюс.

²²³ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. II. С. 26-29.

социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе»²²⁴.

Б.И. Пугинский дает следующее определение: «Правовое средство – это сочетание (комбинация) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества»²²⁵. Мы считаем верным согласиться с корректировкой определения Б.И. Пугинского, данной С.Ю. Филипповой, которая отмечает, что правовые средства не должны ограничиваться только непротиворечием законодательству, они должны соответствовать любым правовым нормам, содержащимся, в том числе, в правовом обычае, нормативном договоре, судебном акте²²⁶.

С критикой такого понимания правовых средств выступал С.С. Алексеев, который писал: «Правовые средства не образуют каких-то особых, принципиально отличающихся от традиционных, зафиксированных догмой права, в общепринятом понятийном аппарате явлений правовой действительности. Это весь арсенал, весь спектр правовых феноменов различных уровней с той лишь особенностью, что они вычленяются и рассматриваются не с позиций нужд юридической практики, а с позиций их функционального предназначения, тех черт, которые характеризуют их как инструменты правового регулирования»²²⁷.

Позволим себе не согласиться с мнением С.С. Алексеева. Как представляется, автор в данном случае отождествляет категорию «правовое средство» с иными категориями права, в том числе «правовая норма», в связи с этим категория «правовое средство» действительно теряет значение. В нашем же понимании, сформированном на подходах Б.И. Пугинского и С.Ю. Филипповой²²⁸, основное назначение правового средства – достижение цели правовой нормы. Действительно, в ряде случаев цели одних правовых норм

²²⁴ Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 59.

²²⁵ Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юрид. лит., 1984. С. 87.

²²⁶ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: Статут, 2011 // СПС КонсультантПлюс.

²²⁷ Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. М.: Издательская группа НОРМА - ИНФРА, 1999. С. 347.

²²⁸ Пугинский Б.И. Там же. С. 87; Филиппова С.Ю. Там же // СПС КонсультантПлюс.

достигаются в результате действия иных правовых норм, а точнее правовых средств, содержащихся в правовых нормах, но так происходит не всегда, правовые средства могут содержаться в договорах, индивидуальных правовых актах. И не каждая правовая норма содержит в себе правовое средство, некоторые правовые нормы содержат определения понятий, принципы, определяют круг регулируемых отношений, устанавливают права, другие же нормы направлены на реализацию этих прав, принципов, то есть являются правовыми средствами. Также следует отметить, что назначение правовых средств не исчерпывается только достижением целей правовых норм. Правовые средства служат достижению и правомерных частноправовых целей, не зафиксированных в правовых нормах.

При этом, могут возникать ситуации, когда правовые средства, направленные по своему смыслу на правовые цели, используются в неправомερных целях. Как пишет С.Ю. Филиппова: «Цель, которая хотя и обеспечена правовыми средствами, но не вписывается в систему правовых целей, интегрированную конечной правовой целью, не является правовой, именно поэтому достижение такой цели правовыми средствами оказывается злоупотреблением правом»²²⁹. Под конечной целью при этом понимается «образ результата, который должен быть достигнут в итоге комплексного эффективного воздействия права и юридической практики на систему социальных отношений»²³⁰.

В теории существует множество классификаций целей, однако мы сосредоточимся только на классификации, имеющей значение для настоящего исследования. Так, одной из основных в праве является классификация на цели в норме права и цели субъектов правореализационной деятельности²³¹. Иными словами, публично-правовая цель, находящая отражение в нормах права, и частноправовая цель отдельных субъектов права.

²²⁹ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей // СПС КонсультантПлюс.

²³⁰ Там же // СПС КонсультантПлюс.

²³¹ Там же // СПС КонсультантПлюс.

В настоящей работе, объектом исследования которой является принцип добросовестности в корпоративном праве, основной фокус направлен преимущественно на публично-правовую цель несмотря на то, что и исследуется данная цель в частноправовых отношениях. Так, правовой целью является реализация принципа добросовестности, закрепленного, в частности в ст. 1 ГК РФ (Основные начала гражданского законодательства). Именно законодатель установил данную норму, следовательно цель нормы является публично-правовой, хотя выгодоприобретателями действия нормы являются в конечном счете и отдельные субъекты. Вряд ли можно представить частное лицо, вступающее в правоотношение с целью реализации принципа добросовестности со своей стороны или со стороны контрагента, лица вступают в правоотношения с другими целями: получить прибыль от вложения средств (конечная цель) посредством покупки акций развивающейся компании (промежуточная цель); передать в залог долю в обществе с ограниченной ответственностью (промежуточная цель) для получения финансирования проекта общества (конечная цель). Однако ни один субъект правоотношения не желает столкнуться с недобросовестным контрагентом. Вкладывая средства в стартап, лицо не желает потерять деньги из-за того, что директор стартапа вывел все денежные средства на подконтрольную структуру. Соответственно, посредством реализации законодательной цели – реализация добросовестности участниками правоотношений – частноправовые субъекты могут реализовывать свои частные, непосредственно не направленные на реализацию принципа добросовестности, правовые цели.

Реализации принципа добросовестности как правовой цели, как было сказано, способствуют правовые средства.

В связи с этим еще раз подчеркнем, что в основу настоящей работы положено определение правовых средств, данное С.Ю. Филипповой, согласно которому под правовыми средствами понимаются не противоречащие правовым

нормам инструменты, предназначенные, пригодные и достаточные для достижения правовой цели²³².

Такое понимание правового средства соответствует и общефилософскому пониманию средства, которое представляет собой центральное звено в структуре осмысленной, полагающей и реализующей определенную цель человеческой деятельности²³³.

А.В. Малько называет следующие признаки правовых средств:

- выражают собой юридические способы достижения целей права, а именно: справедливого обеспечения интересов субъектов;
- выступают основными способами реализации действия права, правового регулирования, правовых режимов;
- отражают информационно-энергетические качества и ресурсы права, что придает им особую юридическую силу, направленную на преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов участников правоотношений;
- приводят к юридическим последствиям, конкретным результатам;
- обеспечены силой государственного принуждения²³⁴.

Существует множество классификаций правовых средств. Подразделение правовых средств на: основные и вспомогательные²³⁵; регулятивные и охранительные²³⁶; общие и специальные²³⁷; гражданско-правовые, трудовые, административно-правовые, уголовно-правовые²³⁸ и так далее.

А.А. Кравченко в своем диссертационном исследовании ссылается на работу А.Н. Радищева «О законоположении», в частности цитируя последнего:

²³² Там же // СПС КонсультантПлюс.

²³³ Философская Энциклопедия. В 5-х т. М.: Советская энциклопедия. Под редакцией Ф. В. Константинова. 1960–1970 // Сайт «Академик». URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/7380 (дата обращения: 15.11.2021).

²³⁴ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве / Под ред. проф. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во СГУ. 1994. С. 9–10.

²³⁵ Там же // СПС КонсультантПлюс.

²³⁶ Баранов С.Ю. Гражданско-правовые средства охраны прав потребителей. М.: Статут, 2014 // СПС КонсультантПлюс.

²³⁷ Баринов Н.А. Имущественные потребности и гражданское право. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 65–67.

²³⁸ Текутьев Д.И. Правовые средства повышения эффективности деятельности членов органов управления хозяйственных обществ (лекция в рамках программы «Корпоративное право») // Предпринимательское право. Приложение Право и Бизнес. 2014. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

«Верховная власть многие имеет средства. Средства сии суть: воспитательные и побуждающие». Под воспитательными средствами понимаются наказания, а под побуждающими – различного рода награждения. На основании приведенной цитаты А.А. Кравченко строит систему негативных и позитивных стимулов как правовых средств реализации добросовестного поведения субъектов²³⁹.

Негативные стимулы – это риск наступления неблагоприятных последствий как реакция на недобросовестное поведение. Позитивные стимулы – возможность поощрений за добросовестность. При этом, негативные стимулы должны быть неотвратимыми, а позитивные обязательными. К негативным стимулам автор относит меры ответственности и иные меры правоохранительного характера (в частности, признание сделок недействительными). Однако, по мнению А.А. Кравченко, одних негативных стимулов для стимулирования добросовестного поведения недостаточно, необходима разработка позитивных стимулов, которых в действующем законодательстве недостаточно²⁴⁰.

Применение позитивных стимулов, на наш взгляд, может носить дифференцированный характер. Представляется неправильным устанавливать позитивные стимулы для добросовестного поведения, заключающегося в соответствии стандарту, норме поведения, которая вменяется в обязанность каждому субъекту, так как такое поведение является должным. В свою очередь недобросовестное поведение является правонарушением, следствием которого являются негативные стимулы. Однако А.А. Кравченко приводит определение добросовестности из работ английских правоведов, которая понимается как «обязанность альтруистичных действий»²⁴¹. Возможно, для такой, своего рода, высшей формы добросовестного поведения и требуются позитивные стимулы.

Значение позитивных стимулов косвенно подчеркивает и В.Ф. Яковлев, по мнению которого «...наиболее эффективным средством искоренения

²³⁹ Кравченко А.А. Реализация принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства): правовые вопросы. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2020. С. 140-143, 172-173.

²⁴⁰ Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020 // СПС КонсультантПлюс.

²⁴¹ Кравченко А.А. Реализация принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства): правовые вопросы. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2020. С. 93.

недобросовестности в гражданском обороте являются тщательно отработанное гражданское право и его надлежащее применение. Оно должно обусловить выгодность добросовестного поведения и невыгодность недобросовестного»²⁴².

При работе над исследованием нам удалось выявить следующие классификации правовых средств реализации принципа добросовестности в корпоративном праве.

По источнику правовые средства реализации принципа добросовестности классифицируются на законодательные; выработанные судебной практикой; исходящие из рекомендательных актов («мягкого права»); основанные на корпоративном правотворчестве (уставах, внутренних документах); договорные.

Данная классификация дает возможность в будущих исследованиях проследить, какие из правовых средств в наибольшей степени способствуют реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях. Особенно актуальным этот вопрос видится в условиях децентрализации регулирования в сторону усиления роли внутренних документов корпорации, а также повышения значения актов «мягкого права», на основании которых определяются отчеты рейтинговых агентств. Последние годы, в том числе в России, набирает обороты популярность ESG-критериев, под которыми понимается набор стандартов для оценки ответственности компаний в экологической, социальной и управленческой сферах²⁴³. Возможно, именно такие стандарты, инкорпорированные в рекомендательные акты, в скором времени будут служить главным правовым средством реализации принципа добросовестности не только для публичных компаний, для которых репутация и

²⁴² Яковлев В.Ф. О кодификации гражданского законодательства современной России. С. 394.

²⁴³ А.А. Карцхия пишет: «...как отмечалось в документах Всемирного экономического форума в Давосе 2020 г, наряду с двумя основными моделями экономического развития (первая модель – «акционерный капитализм» (принятая большинством западных корпораций), которая определяет основной целью корпорации получение максимальной прибыли; и вторая модель – «государственный капитализм» (заимствованная во многих развивающихся странах), которая возлагает на государство определение направлений развития экономики) в настоящее время активно формируется новая, третья модель развития – «капитализм заинтересованных сторон», объединяющая экономические и социальные цели корпораций. Эта модель позиционирует частные корпорации в качестве попечителей общества и служит актуальным ответом на сегодняшние мировые социальные и экологические проблемы. ... Новая концепция «капитализма заинтересованных сторон» предусматривает, что компании должны платить свою справедливую долю налогов, проявлять абсолютную нетерпимость к коррупции, обеспечивать защиту права человека во всех глобальных цепочках стоимости и выступать за конкурентный уровень - особенно в «платформенной экономике» (Карцхия А.А. Цифровые корпорации в новом качестве управления // Гражданское право. 2020. № 4 // СПС КонсультантПлюс).

позиции в рейтингах зачастую являются ключевым фактором привлечения инвестиций, но и для непубличных в случае повышения сознательности контрагентов и работников. И если императивные нормы законов недобросовестные субъекты иногда находят возможность обходить, а вероятность наступления и размер санкции не всегда стимулируют добросовестное поведение, то несоответствие общепринятым стандартам в условиях открытости и скорости распространения информации влечет куда более катастрофические последствия в виде масштабных потерь экономических ресурсов.

Примерами законодательных средств реализации принципа добросовестности в корпоративном праве являются обязанность акционерного общества дважды опубликовать сведения об уменьшении уставного капитала (п. 1 ст. 30 Закона об АО); риск привлечения контролирующего лица к ответственности за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ); возможность исключения участника из общества с ограниченной ответственностью (ст. 10 Закона об ООО); риск отказа в защите права (п. 2 ст. 10 ГК РФ). Законодательные правовые средства реализации принципа добросовестности, как правило, направлены на недопущение недобросовестных действий в виде установления строгой процедуры, либо предусматривают меры ответственности в качестве реакции на осуществившуюся недобросовестность и для превентивного воздействия.

Примером средств реализации принципа добросовестности в корпоративном праве, выработанных судебной практикой, может служить позиция СКЭС ВС РФ от 10.06.2021 N 307-ЭС21-29 по делу N А56-69618/2019, согласно которой контролирующее лицо можно привлечь к субсидиарной ответственности и вне рамок банкротного дела. Преимуществами правовых средств реализации принципа добросовестности, вырабатываемых судебной практикой, является казуистичность, а значит возможность оценки поведения конкретного субъекта на соответствие принципу добросовестности для достижения принципа справедливости и приведения буквы духу закона.

Средствами реализации принципа добросовестности в корпоративном праве, исходящими из рекомендательных актов («мягкого права»), являются многие положения ККУ. Например, согласно п. 23 ККУ для исполнения функций счетной комиссии рекомендуется привлекать регистратора, даже если его привлечение в соответствии с законодательством не является обязательным. По нашему мнению, в условиях информационной открытости, как уже упоминалось, значение рекомендательных актов в реализации принципа добросовестности со временем будет только возрастать.

Также считаем, что в ближайшем будущем усилится роль децентрализованного регулирования – уставов и внутренних документов – как правовых средств реализации принципа добросовестности, они также служат репутационным средством, отражающим ответственное отношение корпорации. Примером такого правового средства может служить п. 9.1 Положения об информационной политике ПАО «Магнит» от 21.04.2021 г., согласно которому «Помимо предусмотренного действующим законодательством порядка, Общество стремится к открытому диалогу с акционерами, инвесторами и иными заинтересованными лицами. В этих целях Обществом организуются регулярные презентации, телефонные и интернет-конференции, встречи и иные публичные мероприятия с участием членов органов управления Общества, в том числе сопутствующие раскрытию (публикации) бухгалтерской (финансовой) отчетности Обществ».

Договорным средством реализации принципа добросовестности в корпоративном праве является, например, положение договора, устанавливающего обязанность непосредственного уведомления кредитора о начале процедуры реорганизации путем направления письма по указанному кредитором адресу электронной почты. Договорные средства реализации принципа добросовестности, по нашему мнению, наибольшее значение приобретают в корпорациях, характеризующихся узким кругом участников, как правило, в непубличных корпорациях.

По характеру воздействия правовые средства реализации принципа добросовестности в корпоративном праве делятся на: негативные, нейтральные и позитивные. Практическое значение классификации состоит в определении правовых средств в наибольшей степени соответствующих стоящих перед ними задачам.

Негативные средства реализации принципа добросовестности в корпоративном праве направлены на охрану прав и законных интересов и защиту прав, нарушенных недобросовестным поведением, а также на минимизацию проявлений недобросовестности путем действия превентивной функции. Негативные правовые средства связаны с какими-либо неблагоприятными последствиями или ограничениями для недобросовестных субъектов и подразделяются на меры ответственности и иные меры правоохранительного характера.

К мерам ответственности относятся, например, солидарная ответственность реорганизуемых юридических лиц при недобросовестном распределении активов и обязательств, если это привело к существенному нарушению интересов кредиторов (п. 5 ст. 60 ГК РФ); неустойка как санкция за нарушение обязательства стороной квазикорпоративного договора.

Иными мерами правоохранительного характера являются, например, признание недействительными сделок (ст. 10 и ст. 168 ГК РФ); запрет занимать должности в органах управления публичного общества лицам, привлекавшимся в течение последних трех лет к субсидиарной ответственности в случае банкротства хозяйственного общества или к ответственности в виде взыскания убытков в пользу такой организации²⁴⁴.

Задачей нейтральных правовых средств реализации принципа добросовестности в корпоративном праве является недопущение проявления недобросовестного поведения путем установления обязательных или рекомендуемых процедур для корпоративных действий или требований к

²⁴⁴ Проект Федерального закона «О внесении изменения в главу VIII Федерального закона «Об акционерных обществах» в части создания правового механизма, предотвращающего вхождение в состав органов управления публичных обществ недобросовестных лиц» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 02/04/05-21/00116450) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 31.05.2021) // СПС КонсультантПлюс.

определенным лицам, играющим ключевые роли в корпоративных отношениях. В качестве примеров нейтральных правовых средств можно привести обязанность общества дважды опубликовать сведения о реорганизации (п. 1 ст. 60 ГК РФ); обязанность привлечения независимого оценщика для определения денежной оценки неденежного вклада в уставный капитал (абз. 2 п. 2 ст. 66.2 ГК РФ); рекомендацию ККУ не назначать корпоративным секретарем общества лицо, являющееся аффилированным лицом общества, связанное с контролирующим обществом лицом либо с исполнительным руководством общества (п. 212).

Позитивные правовые средства реализации принципа добросовестности в корпоративном праве заключаются в возможности получения преимуществ в качестве поощрения за добросовестное поведение. Они направлены на максимальную реализацию принципа добросовестности, сближение разнонаправленных интересов участников корпоративных правоотношений или реализацию возможности защиты нарушенных прав. Позитивными средствами являются опционные программы для членов органов управления; возможность освобождения от субсидиарной ответственности полностью или частично номинального директора, если он предоставит сведения о фактически контролирующем должника лице или его имуществе (п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

По статусу субъекта воздействия можно выделить правовые средства реализации принципа добросовестности корпорацией; участниками; членами органов управления; иными лицами, вовлеченными в корпоративные правоотношения. Эта классификация положена в основание главы 3 настоящего исследования, так как рассмотрение реализации принципа добросовестности различными субъектами позволяет определить проблемные аспекты исходя из присущих определенным субъектам набора прав и обязанностей и законного интереса, предопределяемых правовым статусом.

Итогом работы над настоящим разделом исследования стала разработка ряда классификаций правовых средств реализации принципа добросовестности в корпоративном праве. По источнику правовые средства реализации принципа

добросовестности могут быть определены как: а) законодательные, б) выработанные судебной практикой, в) исходящие из рекомендательных актов («мягкого права»), г) основанные на корпоративном правотворчестве (уставах, внутренних документах), д) договорные. Практическое значение данной классификации состоит в возможности определения в дальнейших исследованиях источника правовых средств, в наибольшей степени способствующего реализации принципа добросовестности в корпоративном праве. По характеру воздействия правовые средства реализации принципа добросовестности в корпоративном праве делятся на: а) негативные, б) нейтральные, в) позитивные. Данная классификация способствует определению правовых средств исходя из целей решаемых задач. Негативные правовые средства реализации принципа добросовестности представляют собой реакцию на недобросовестное поведение в корпоративном праве в целях защиты нарушенных прав или возможность такой реакции, которая оказывает превентивное воздействие и способствует добросовестности поведения субъектов корпоративных правоотношений. Нейтральные правовые средства направлены на недопущение проявления недобросовестного поведения. Целью позитивных правовых средств является способствование максимальной реализации принципа добросовестности, а также сближение разнонаправленных интересов участников корпоративных правоотношений. По статусу субъекта воздействия можно выделить правовые средства реализации принципа добросовестности: а) корпорацией, б) участниками, в) членами органов управления, д) иными лицами, вовлеченными в корпоративные правоотношения. Данная классификация служит теоретическим целям определения специфики реализации принципа добросовестности с учетом статуса и интересов отдельных субъектов, выяснения проблемных аспектов и дальнейшей разработки наиболее эффективных правовых средств реализации принципа добросовестности.

Глава III. Особенности реализации принципа добросовестности отдельными субъектами корпоративных правоотношений

§ 1. Реализация принципа добросовестности корпорацией

Корпорация²⁴⁵ является самостоятельным субъектом права, от своего имени приобретает и осуществляет гражданские права и обязанности. Положения о корпорации как о юридическом лице наравне с физическими лицами и публично-правовым образованиями расположены в Подразделе 2 ГК РФ, именуемом «Лица».

О самостоятельности и обособленности юридического лица написано немало научных трудов.

Один из известнейших правоведов – немецкий юрист Отто фон Гирке писал, что корпорация – это: «признанная юридическим порядком способность человеческого союза как единого целого, отличного от суммы связанных индивидов, быть субъектом прав и обязанностей... О союзе, как и об индивиде, можно сказать, что они существуют настолько, насколько признаются объективным правом»²⁴⁶.

Б.Б. Черпахин в начале XX века утверждал: «Подлинным и действительным участником своих правоотношений является само юридическое лицо. Оно осуществляет свою сделкоспособность через свои органы и представителей. Оно несет ответственность за противоправные служебные действия своих органов и всех своих работников, то есть всего своего действующего коллектива»²⁴⁷.

По мнению Н.В. Козловой: «Юридическое лицо само есть истинная волеспособная и дееспособная личность, признаваемая в качестве таковой законом. Вступая в правоотношения в качестве самостоятельного субъекта, юридическое лицо реализует свою правосубъектность, выражая собственную волю, приобретает и осуществляет вещные, корпоративные и другие права и

²⁴⁵ Согласно п. 1 ст. 65.1 ГК РФ юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган, являются корпоративными юридическими лицами (корпорациями).

²⁴⁶ Корпоративное право: учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019 // СПС КонсультантПлюс.

²⁴⁷ Черпахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 306.

обязанности, несет самостоятельную имущественную ответственность за собственные действия»²⁴⁸.

Таким образом, на корпорацию, как на самостоятельного участника гражданского оборота, возлагается обязанность в силу п. 1 ст. 3 ГК РФ при осуществлении и защите прав и при исполнении обязанностей действовать добросовестно.

Однако вышесказанное имеет отношение к корпорации как к равному участнику гражданско-правовых отношений, определенных в п. 1 ст. 2 ГК РФ. Имеется в виду, что корпорация обладает возможностью как самостоятельный субъект права владеть, пользоваться, распоряжаться, принадлежащим ей имуществом, заключать договоры с иными субъектами, нести ответственность за собственные совершенные через органы управления деяния, становиться участником иных корпораций и так далее. Возникает вопрос, можно ли корпорацию рассматривать субъектом корпоративных правоотношений, возникающих внутри самой корпорации и связанных, как указано в п. 1 ст. 2 ГК РФ, с участием и управлением, с учетом того, что корпорация, не будучи явлением материального мира, а являясь продуктом права – правовым явлением, осуществляет все указанные действия через образованные органы, в которых состоят иные самостоятельные субъекты права? И можно ли считать корпорацию субъектом правоотношений по участию и управлению в ней самой? Этот вопрос нередко ставится учеными.

Д.В. Ломакин пишет, что корпорация является не только необходимым условием существования корпоративных правоотношений, но и в ряде случаев субъектом правоотношения²⁴⁹. Такого же мнения придерживается и В.К. Андреев²⁵⁰.

Косвенно эту позицию поддерживает и Конституционный Суд Российской Федерации: «право акционеров на доступ к документам общества должно

²⁴⁸ Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005 // СПС КонсультантПлюс.

²⁴⁹ Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут, 2020 // СПС КонсультантПлюс.

²⁵⁰ Андреев В.К. Корпорация как самостоятельный субъект права // Гражданское право. 2015. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

осуществляться без нарушения прав и законных интересов как самих акционеров, так и акционерного общества как самостоятельного субъекта гражданского оборота, заинтересованного в сохранении конфиденциальности коммерчески значимой для него информации»²⁵¹.

С критикой подхода о выделении корпорации в качестве самостоятельного субъекта корпоративных отношений выступает Р.Р. Ушницкий. Он считает, что корпорация – это объект корпоративных правоотношений, и проводит в пример «компанию одного лица», в которой единственный участник является к тому же единоличным исполнительным органом. В таком случае воля корпорации полностью отождествляется с волей и участника, и руководителя, соответственно ни о каком самостоятельном субъекте корпоративных правоотношений не может идти и речи²⁵².

Мы же считаем, что корпорация обладает самостоятельными правами и обязанностями в корпоративных правоотношениях. Так, именно на корпорацию возлагается обязанность предоставлять участникам предусмотренную законом информацию, и в случае неисполнения обязанности к ответственности привлекается именно общество, оно же становится стороной административного или судебного разбирательства. Органы общества, которые действуют от его имени, не являются субъектами права. У участника существует правоотношение именно с корпорацией. А в случае привлечения корпорации к ответственности именно корпорация является стороной по делу о привлечении к ответственности за убытки членов органов управления. Члены органов управления корпорации обязаны действовать добросовестно и разумно в интересах общества (ст. 53 ГК РФ), соответственно этой обязанности корреспондирует право корпорации на надлежащее управление. Тот факт, что в некоторых случаях одно лицо обладает сразу несколькими статусами (единственный участник и генеральный директор, акционер и член совета директоров), никак не влияет на закрепление за каждым

²⁵¹ Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2011 N 8-О-П «По жалобе открытого акционерного общества «Нефтяная компания «Роснефть» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца первого пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС КонсультантПлюс.

²⁵² Ушницкий Р.Р. Является ли корпорация участницей основного корпоративного правоотношения? // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 3 // СПС КонсультантПлюс.

из этих статусов присущего ему набора прав и обязанностей. Так, то обстоятельство, что акционер корпорации одновременно является членом ее совета директоров, не освобождает акционера от обязанности участвовать в общих собраниях.

В настоящем исследовании реализация принципа добросовестности корпорацией будет рассмотрена только по отношению к иным субъектам корпоративных правоотношений. Реализация добросовестности корпорацией по отношению к иным, не связанным корпоративными правоотношениями с корпорацией участниками хозяйственного оборота, не является объектом настоящего исследования.

Чтобы исследовать реализацию принципа добросовестности при осуществлении прав и исполнении обязанностей корпорацией, необходимо понимать, какими корпоративными правами и обязанностями обладает корпорация.

Ни ГК РФ, ни законодательство о хозяйственных обществах не содержит формализованного перечня прав и обязанностей, в отличие от закрепления прав и обязанностей участников (ст. 65.2 ГК РФ).

С.Ю. Филиппова на основе анализа законодательства выделяет следующие права корпорации:

- право иметь сформированный уставный капитал;
- право на конфиденциальность информации о своей деятельности;
- право на своевременно принятые корпоративные решения;
- право на лояльное отношение участников и фактически контролирующих лиц (непричинение вреда и несовершение действий (бездействия), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение цели корпорации) и вытекающее из этого право требовать взыскания в судебном порядке убытков или исключения участника из общества;
- право получения вкладов в имущество;

- право на добросовестное управление и ведение дел в ее интересах и вытекающее из этого право требовать взыскания в судебном порядке убытков с членов органов управления²⁵³.

К правам акционерного общества также относится право произвести консолидацию размещенных акций, в результате которой две или более акций общества конвертируются в одну акцию той же категории (типа) (п. 1 ст. 74 Закона об АО), или дробление размещенных акций общества, в результате которого одна акция общества конвертируется в две или более акций общества той же категории (типа) (п. 2 ст. 74 Закона об АО).

Также можно выделить преимущественное право непубличной корпорации на приобретение акций или долей, принадлежащих участникам общества, если такое право предусмотрено уставом общества и другие участники общества не использовали свое преимущественное право покупки акций или долей (п. 3 ст. 7 Закона об АО, п. 4 ст. 21 Закона об ООО).

Обязанностям корпорации в корпоративных правоотношениях в литературе практически не уделено внимание. В связи с этим, постараемся самостоятельно путем анализа законодательных положений выделить обязанности корпорации. Как было сказано, права участников корпорации определяются в п. 1 ст. 65.2 ГК РФ. Если за участниками закреплены права, то, исходя из специфики относительных правоотношений, к числу которых в большинстве случаев относятся корпоративные правоотношения, им должны корреспондировать обязанности иных лиц²⁵⁴. Как писал О.С. Иоффе: «Будучи противоположными по своему содержанию, субъективное право и правовая обязанность находятся в неразрывном диалектическом единстве, получающем свое выражение в реальных общественных отношениях по крайней мере между двумя лицами. Одно и то же

²⁵³ Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. Т. 2 // СПС КонсультантПлюс. (Автор главы – С.Ю. Филиппова).

²⁵⁴ Некоторые корпоративные права, в частности преимущественное право участника непубличного общества, относят к секундарным правам. Под секундарным правом понимают возможность стороны правоотношения в одностороннем порядке создавать, изменять и прекращать правоотношения. (см.: Ем В.С., Суханов Е.А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. № 4 // СПС КонсультантПлюс; Третьяков С.В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (к публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») // Вестник гражданского права». 2007. № 2 // СПС КонсультантПлюс; Чупрунов И.С. К вопросу о конструкции преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

лицо не может быть одновременно и носителем прав и носителем соответствующих этим правам обязанностей»²⁵⁵. Так, исходя из предусмотренных п. 1 ст. 65.2 ГК РФ прав участников, можно выделить следующие корреспондирующие им обязанности корпорации:

- общая обязанность корпорации обеспечить участникам возможность участвовать в управлении делами корпорации, которая детализируется в отдельных положениях законодательства (например, п. 1 ст. 52 Закона об АО установлена обязанность общества сообщить о проведении общего собрания акционеров не позднее чем за 21 день, а в ряде случаев не позднее чем за 30 или 50 дней; ст. 34 Закона об ООО предусматривает обязанность проводить очередное общее собрание участников не реже одного раза в год; п. 5 ст. 58 Закона об АО при отсутствии кворума устанавливает обязанность проведения общего собрания акционеров повторно);

- обязанность общества предоставлять участникам информацию о деятельности общества (ст. 91 Закона об АО, п. 3 ст. 50 Закона об ООО);

Также, помимо обязанностей корпорации, выявленных из п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, установлены следующие обязанности корпорации:

- обязанность уменьшить уставный капитал в случае, если стоимость его чистых активов по окончании отчетного года станет меньше уставного капитала (ст. 35 Закона об АО, ст. 20 Закона об ООО);

- обязанность принять решение о своей ликвидации, если стоимость чистых активов общества по окончании отчетного года окажется меньше величины минимального уставного капитала (п. 11 ст. 35 Закона об АО, п. 4 ст. 30 Закона об ООО);

- обязанность обеспечить ведение и хранение реестра акционеров/списка участников (п. 1 ст. 44 Закона об АО, п. 1 ст. 31.1 Закона об ООО);

- обязанность выплаты объявленных дивидендов и распределенной прибыли общества (ст. 42 Закона об АО, ст. 28 Закона об ООО);

²⁵⁵ Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 60.

- обязанность осуществить выкуп, принадлежащих акционерам акций, в случаях указанных в законе, а также обязанность информировать акционеров о возникновении у них права выкупа (ст. 76 Закона об АО);

- обязанность хранить документы, предусмотренные законодательством, уставом и внутренними документами (ст. 89 Закона об АО, п. 1 ст. 50 Закона об ООО);

- обязанность уведомлять акционеров о полученном извещении акционера, выразившего намерение осуществить отчуждение своих акций третьему лицу, если устав общества содержит положения о преимущественном праве (п. 4 ст. 7 Закона об АО);

- обязанность публичного общества направлять акционерам информацию о поступившем добровольном или обязательном предложении (ст. 84.3 Закона об АО);

- обязанность выплатить действительную стоимость доли при выходе участника из общества, если выход предусмотрен уставом общества, и при отказе в согласии на переход доли третьим лицам (ст. 26 Закона об ООО, п. 6 ст. 93 ГК РФ);

- обязанность общества с ограниченной ответственностью принять решение о преобразовании в акционерное общество или производственный кооператив, если число участников превысит 50 (п. 1 ст. 88 ГК РФ, п. 3 ст. 7 Закона об ООО²⁵⁶).

Возникает вопрос, к категории прав или к категории обязанностей корпорации следует относить принятие решения о выплате дивидендов общества?

Так, п. 2 ст. 31 Закона об АО закреплено право акционеров на получение дивидендов. Логично предположить, что этому праву должна корреспондировать обязанность выплаты дивидендов. Однако в п. 1 ст. 42 Закона об АО установлено, что общество вправе принимать решения (объявлять) о выплате дивидендов.

²⁵⁶ Обращаем внимание на то, что данная норма Закона об ООО не претерпела изменений с принятием Закона 2014 г. N 99-ФЗ, упразднившим деление акционерных обществ на открытые и закрытые и установившем классификацию хозяйственных обществ на публичные и непубличные, поэтому в упомянутой норме речь идет о преобразовании общества с ограниченной ответственностью в открытое акционерное общество. В данном случае приоритет должен отдаваться п. 1 ст. 88 ГК РФ и общество должно быть преобразовано в акционерное общество, если число участников превысит 50.

Таким образом, за обществом закреплено именно право принимать решение о выплате дивидендов, а не обязанность.

В.П. Мозолин писал, что дивиденды – основная и зачастую единственная форма присвоения прибавочной стоимости на вложенный в корпорацию капитал, однако у участников нет субъективного права на получение необъявленных дивидендов²⁵⁷.

Данный вопрос также был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который признал, что включение в устав или иные внутренние документы общества положений о ежегодной выплате дивидендов не должно обязывать общество соблюдать такое положение. Судебные органы не могут понудить общество принять решение о выплате дивидендов, проверяя экономическую целесообразность решений, принимаемых советом директоров и общим собранием акционеров, которые обладают самостоятельностью и широкой дискрецией при принятии решений в сфере бизнеса²⁵⁸.

Полагаем, такая же логика применима и к обществам с ограниченной ответственностью при принятии решения о распределении прибыли.

Соответственно, принятие решения о выплате дивидендов или распределении прибыли является правом хозяйственного общества, обязанностью, в свою очередь, является выплата объявленных дивидендов и распределенной прибыли.

На наш взгляд, выявленные корпоративные права и обязанности также подтверждают тезис о том, что корпорация является самостоятельным участником корпоративных правоотношений.

Определив корпоративные права, принадлежащие корпорации, и возложенные на нее обязанности, рассмотрим, какие права и обязанности корпорации преимущественно осуществляют и исполняют недобросовестно, и

²⁵⁷ Мозолин В.П. Корпорации, монополии и право США. М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1966. С. 349, 336. (цит. по Сеницын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита // Вестник гражданского права. 2018. № 4 // СПС КонсультантПлюс).

²⁵⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2017 N 1-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Управляющая компания «Арсатера» на нарушение конституционных прав и свобод статьями 32 и 42 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС КонсультантПлюс.

какие правовые средства реализации принципа добросовестности им следует противопоставить.

Право коммерческой корпорации на принятие решения о выплате дивидендов или распределении прибыли

Физические лица, юридические лица, публично-правовые образования вступают в коммерческие корпорации или создают их, как правило, с главной целью – получать прибыль. Сопутствующие цели могут быть совершенно разнообразными: от реализации каких-либо социально-экономических задач для публично-правовых образований до самореализации путем создания функционирующего бизнеса и инвестирования накоплений для граждан. Но основной целью созданного коммерческой организации в соответствии с п. 1 ст. 50 ГК РФ является извлечение прибыли.

Однако, как было сказано, принятие решения о выплате дивидендов или распределении прибыли (далее при упоминании совместно – «выплата дивидендов») является правом корпорации, а не обязанностью.

Вопрос о невыплате дивидендов, как выше упоминалось, ставился перед Конституционным Судом Российской Федерации, а до этого был предметом рассмотрения арбитражных судов. Случай касается ситуации, когда в уставе акционерного общества было закреплено право акционеров на получение ежегодного фиксированного дивиденда (2 процента от чистой прибыли общества от основной деятельности за последний финансовый год), и по данным годовой бухгалтерской отчетности за предшествующий год общество имело такую прибыль, однако на общем собрании акционеров решение о выплате дивидендов не было принято. Акционеры общества при обращении в Конституционный Суд Российской Федерации основывали свою позицию, в том числе, на категории «злоупотребление правом», так как решение не выплачивать дивиденды, помимо нарушения внутренних документов общества, по мнению акционеров, не имело под собой никаких экономических оснований, диктуемых соображениями общего для акционерного общества блага. Однако арбитражные суды подошли формально и не увидели нарушения прав акционеров, указав, что право на

получение дивидендов приобретает характер субъективного права акционера лишь после того, как в установленном законом порядке будет принято решение о распределении прибыли²⁵⁹. Конституционный Суд Российской Федерации, как упоминалось, высказал позицию, что суд не вправе вмешиваться в экономическую целесообразность принятых корпорацией решений²⁶⁰.

По мнению О.И. Гентовт, пределом осуществления права на принятие решения о выплате дивидендов и средством защиты прав участников от недобросовестности корпорации может стать необходимость доказывать объективное обоснование непринятия решения о выплате дивидендов при наличии чистой прибыли путем предоставления надлежащим образом утвержденных инвестиционных программ, на выполнение которых планируется направить прибыль²⁶¹.

Т.С. Бойко, выступая в защиту прав миноритариев, в том числе права на дивиденды, предлагает закрепить за миноритариями право требовать выплаты дивидендов в судебном порядке, если будет доказано, что прибыль злонамеренно не распределяется или иным образом нарушена обязанность действовать добросовестно при принятии решения о распределении прибыли²⁶².

Задаваясь вопросами, как суды будут оценивать результаты экономической деятельности хозяйствующих субъектов, что будет с волей большинства и ранее принятым решением о невыплате дивидендов, С.А. Сеницын предлагает иной путь решения проблемы. Автор считает, что правовым средством, способствующим принятию решения о выплате дивидендов – добросовестному осуществлению права на принятие решения о выплате дивидендов, является деликтная ответственность членов органов управления, прежде всего – членов совета директоров. Ответственность в данном случае может возникать только за

²⁵⁹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.04.2015 N Ф08-2281/2015 по делу N А53-19292/2014 // СПС КонсультантПлюс.

²⁶⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2017 N 1-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Управляющая компания «Арсат» на нарушение конституционных прав и свобод статьями 32 и 42 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС КонсультантПлюс.

²⁶¹ Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2021. С. 13.

²⁶² Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2017. С. 15.

умышленные злонамеренные действия, направленные на ограничение прав миноритариев, и заключается в неисполнении обязанности сохранять баланс интересов участников корпорации и способствовании обогащению мажоритарного участника и членов органов управления²⁶³. На наш взгляд, возложение ответственности на членов органов управления и мажоритарного участника на данный момент не может работать в российском правовом порядке из-за конструкции ответственности, предполагающей обязательное наличие убытков. Теоретически можно предположить, что убытки в некоторых случаях могли бы заключаться в снижении стоимости акций публичной компании из-за массовой продажи акций акционерами, но в данном случае было бы крайне сложно доказать причинно-следственную связь между невыплатой дивидендов и снижением стоимости акций.

Таким образом, правоведами предлагаются различные средства пресечения злоупотребления правом корпорации на принятие решения о выплате дивидендов: взыскание дивидендов в судебном порядке и ответственность членов органов управления. Однако авторы сходятся в критерии недобросовестности осуществления права на выплату дивидендов и считают, что правовые средства, препятствующие недобросовестному поведению, должны применяться только при злонамеренной недобросовестности.

И в этом аспекте стоит согласиться с авторами. Представляется, что было бы неправильным реагировать на те случаи, когда компания, имея возможность распределить прибыль, не делает этого и преследует свои, в том числе долгосрочные, цели. Так, при вложении средств в корпорацию лицо должно брать на себя риск потери инвестиций и получения дохода не в заранее определенный срок. Для целей определенности есть более стабильные инвестиционные средства, такие как облигации и банковские вклады.

Однако, по нашему мнению, было бы целесообразно ввести административную ответственность корпорации за невыплату дивидендов только

²⁶³ Синицын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита // Вестник гражданского права. 2018. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

в том случае, если в уставе или внутренних документах установлены порядок определения размера, условия и периодичность их выплаты. Помимо того, что такая ответственность будет служить негативным правовым средством реализации принципа добросовестности при исполнении корпорацией взятой на себя обязанности по выплате дивидендов, это также послужит повышению инвестиционной привлекательности хозяйственных обществ, установивших обязанность по выплате дивидендов при определенных условиях, так как инвесторы точно будут понимать, что нарушение положений уставов и внутренних документов о выплате дивидендов приведет к санкциям для корпорации.

Еще одним примером недобросовестного осуществления обществом права на принятие решения о выплате дивидендов являются различные способы маскировки дивидендов с помощью иных механизмов. Например, общество заключает договор займа с мажоритарным участником и платит ему проценты. При этом решение о выплате дивидендов общество не принимает.

Такой случай стал предметом анализа Президиума Верховного Суда РФ, в котором была изложена следующая позиция: «Возможны ситуации, когда прибыль изымается в пользу отдельных участников посредством иных сделок общества, в том числе через выплату процентов по займу. Указанные действия не являются сами по себе незаконными и не нарушают прав остальных участников на получение причитающейся им части прибыли от деятельности общества при условии, что остальные участники выражали согласие на такое распределение прибыли (например, голосовали за согласие на заключение сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, или же данный вопрос был урегулирован уставом общества либо корпоративным договором, заключенным между всеми участниками хозяйствующего субъекта) либо остальные участники также фактически получают причитающуюся им часть прибыли общества»²⁶⁴.

²⁶⁴ П. 17 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.03.2021 N Ф05-2081/2021 по делу N А40-256182/2019 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.02.2021 N Ф05-1362/2021 по делу N А41-100790/2019 // СПС КонсультантПлюс.

Таким образом, при осуществлении права на распределение прибыли через иные гражданско-правовые конструкции, например договор займа, установлен такой критерий недобросовестности общества как отсутствие согласия иных участников.

В таких случаях, помимо признания договора займа недействительным, правовым средством, способствующим добросовестному осуществлению права на принятие решения о выплате дивидендов, может являться ответственность членов органов управления, которые действуют не в интересах общества, а в интересах отдельных участников, однако доказать причинение убытков корпорации в этом случае практически невозможно, если компания не является публичной и ее акции не упали в стоимости.

Множество положений ККУ посвящено надлежащему осуществлению обществом права на принятие решения о выплате дивидендов. Например, согласно п. 37 рекомендуется выплачивать дивиденды только денежными средствами, поскольку в случае их выплаты иным имуществом существенно затрудняется оценка реально выплаченных дивидендов, а получение дивидендов в виде такого имущества может быть сопряжено с дополнительными обязательствами и затратами для акционеров.

Подводя итог, можно выделить следующие правовые средства реализации корпорацией принципа добросовестности при осуществлении права на принятие решения о выплате дивидендов. Правовыми средствами, препятствующими маскировке выплаты дивидендов отдельным участникам через договор займа и иные гражданско-правовые договоры, являются риски признания договора недействительным как сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, без необходимого согласования незаинтересованными участниками (ст. 84 Закона об АО, ст. 45 Закона об ООО), а также признание договора недействительным как притворной сделки (п. 2 ст. 170 ГК РФ). Правовым средством, препятствующим непринятию решения о выплате дивидендов, при текущем правовом регулировании может являться

корпоративный договор, в котором установлено, что участники обязаны голосовать за выплату дивидендов под угрозой санкции за нарушение договора.

Также считаем, что в целях добросовестного осуществления права корпорации на принятие решения о выплате дивидендов необходимо установление административной ответственности за нарушение положений устава и внутренних документов компании, касающихся выплаты дивидендов, если в них установлены порядок определения размера, условия и периодичность их выплаты. Существующие положения устава и внутренние документы о выплате дивидендов являются скорее декларативными.

Право корпорации произвести консолидацию размещенных акций

В соответствии с действующим законодательством при консолидации размещенных акций образуются дробные акции (п. 3 ст. 25 Закона об АО). Законодательное закрепление возможности осуществления корпоративных прав из дробных акций фактически берет свое основание в принципе добросовестности.

Ранее закон предусматривал выкуп обществом дробных акций (п. 1 ст. 74 Закона об АО в ред. от 24.05.1999). Это приводило к ситуациям, когда намеренно в целях недобросовестного лишения прав миноритариев на акции принималось решение о консолидации и последующем выкупе дробных акций. Так, если принималось решение о консолидации ста акций в одну, то лицо, владеющее 50 акциями, лишалось корпоративных прав, а в качестве компенсации получало только рыночную стоимость 0,5 акции общества, которая, к слову, определялась не на основании независимой оценки, оценку проводил совет директоров общества. Такой порядок совершенно обоснованно подвергался критике²⁶⁵.

Как писал Г.В. Цепов: «Размещение дополнительных акций путем подписки, дробление и консолидация выступали распространенными способами «относительно честного» отъема собственности и перехвата контроля по

²⁶⁵ См. напр.: Шапкина Г.С. К вопросу о защите прав акционеров // Хозяйство и право. 2004. № 12 // СПС КонсультантПлюс; Филиппова С.Ю. К вопросу о понятии, составе и структуре уставного капитала хозяйственного общества // Хозяйство и право. 2018. № 11 // СПС КонсультантПлюс.

управлению делами акционерных обществ во второй половине 90-х гг. XX столетия – начале XXI века»²⁶⁶.

Такие ситуации являются ярким примером злоупотребления правом, которые приводили к лишению права на акции. По словам Г.С. Шапкиной, в судебной практике возникали ситуации, когда 94 процента акционеров лишались своих акций в результате консолидации²⁶⁷.

Вопрос об интересах общества и акционеров в процессе консолидации акций ставился перед Конституционным Судом Российской Федерации, который высказал следующую позицию: «В силу особенностей предпринимательской деятельности в форме акционерного общества основанием для отчуждения у части акционеров принадлежащего им имущества могут быть интересы акционерного общества в целом, в той мере, в какой оно действует для достижения общего для акционерного общества блага. При этом необходимо иметь в виду, что в результате консолидации акций в интересах акционерного общества в целом в лучшем положении оказываются акционеры, владеющие крупными пакетами акций, в то время как неблагоприятные последствия консолидации, как правило, несут миноритарные акционеры. Наличие различных интересов между группами акционеров в процессе консолидации акций объективно приводит к возрастанию значения юридических процедур принятия экономических решений и эффективного, а не формального судебного контроля, которые должны являться гарантией прав миноритарных акционеров»²⁶⁸.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что принцип добросовестности как критерий для законодателя способствовал изменению регулирования консолидации акций для предотвращения злоупотребления правом на консолидацию и защиты миноритарных акционеров от лишения корпоративных прав.

²⁶⁶ Цепов Г.В. Общие принципы акционерного законодательства и защита прав акционеров. Комментарий Постановления Президиума ВАС РФ от 14.03.2006 N 12591/05 // Закон. 2006. № 7 // СПС КонсультантПлюс.

²⁶⁷ Шапкина Г.С. Указ соч. // СПС КонсультантПлюс.

²⁶⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 N 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // СПС КонсультантПлюс.

Право акционерного общества на принятие решения об увеличении уставного капитала общества путем размещения дополнительных акций

Размещение дополнительных акций согласно пп. 9 п. 1 ст. 9 Федерального закона от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»²⁶⁹ (далее – Закон о рынке ценных бумаг) именуется эмиссией.

Размещение акций публичного общества может происходить как по открытой, так и по закрытой подписке. Для непубличного акционерного общества предусмотрена только закрытая подписка (п. 2 ст. 39 Закона об АО), что вызвано более личным характером связи участников.

Проведение эмиссии обществом обязательно должно соответствовать принципу добросовестности. В качестве санкции как средства реализации принципа добросовестности установлена ответственность: административная за недобросовестную эмиссию (ст. 15.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях²⁷⁰ (далее – КоАП РФ) и уголовная за злоупотребление при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 Уголовного кодекса Российской Федерации²⁷¹ (далее – УК РФ).

К административной ответственности общество привлекается за нарушение законодательно установленной процедуры эмиссии, к уголовной ответственности за внесение в проспект ценных бумаг заведомо недостоверной информации.

Помимо указанных средств, в качестве негативного последствия выступает также признание решения общего собрания об увеличении уставного капитала недействительным, признание недействительным дополнительного выпуска ценных бумаг, а также признание недействительной сделки по размещению обществом дополнительного выпуска акций. Такие последствия могут возникнуть в случае осуществления эмиссии в период корпоративного или иного конфликта в обществе с намерением причинить вред другому лицу²⁷².

²⁶⁹ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

²⁷⁰ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

²⁷¹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²⁷² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 мая 2015 г. N Ф05-2712/15 по делу N А40-33399/2013 // СПС КонсультантПлюс.

Как мы видим, на реализацию принципа добросовестности акционерным обществом при увеличении уставного капитала направлены различные как негативные, так и нейтральные законодательные правовые средства. Так, законодатель пытается минимизировать последствия недобросовестного поведения для охраны интересов нередко широкого круга лиц – инвесторов.

Право на принятие решения о реорганизации

В случае принятия решения обществом о реорганизации в форме выделения или разделения может возникнуть ситуация, когда на одном из обществ сконцентрируется больше прав, а на другом – обязанностей, что окажет негативное влияние на кредиторов. А.В. Габов формулирует следующее правило: «В результате реорганизации соотношение имущества и долгов должно обеспечивать возможность как юридическому лицу, продолжающему после реорганизации существовать (при выделении), так и вновь созданным юридическим лицам (при выделении и разделении) выполнять перед кредиторами свои обязательства»²⁷³.

Законодательством предусмотрены средства борьбы с таким поведением. Прежде всего, процедуры реорганизации предусматривают обязанность общества дважды опубликовать сведения о реорганизации (п. 1 ст. 60 ГК РФ). У кредитора, права требования которого возникли до опубликования первого уведомления о реорганизации юридического лица, возникает право требовать в судебном порядке досрочного исполнения соответствующего обязательства должником, а при невозможности досрочного исполнения – прекращения обязательства и возмещения связанных с этим убытков (п. 2 ст. 60 ГК РФ). Дополнительные правовые средства, направленные на предотвращение недобросовестного поведения корпорации при реорганизации, могут быть закреплены в договоре с контрагентами. Например, может быть закреплено положение о непосредственном уведомлении кредитора о начале процедуры реорганизации путем направления письма по указанному адресу электронной почты. Так,

²⁷³ Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / А.В. Габов, К.Д. Гасников, В.П. Емельянцева и др.; отв. ред. А.В. Габов. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц // СПС КонсультантПлюс.

кредитор освобождает себя от необходимости регулярно следить за изданиями, в которых публикуется информация о всех юридических лицах.

Помимо средств, направленных на пресечение недобросовестного поведения, в законодательстве и судебной практике разработаны средства защиты от фактов недобросовестного поведения корпорации при реорганизации. Так, п. 5 ст. 60 ГК РФ установлено, что если передаточный акт не позволяет определить правопреемника по обязательству юридического лица, а также если из передаточного акта или иных обстоятельств следует, что при реорганизации недобросовестно распределены активы и обязательства реорганизуемых юридических лиц, что привело к существенному нарушению интересов кредиторов, реорганизованное юридическое лицо и созданные в результате реорганизации юридические лица несут солидарную ответственность по такому обязательству.

Также в качестве средства реализации добросовестности корпорацией при реорганизации может выступать субсидиарная ответственность контролирующих лиц (ст. 61.11 Закона о банкротстве). Так, в одном из дел суд привлек к субсидиарной ответственности единственного участника, указав, что на фоне недостаточности денежных средств у компании-должника (появления первых признаков неплатежеспособности) действия единственного участника по реорганизации общества усугубили и без того затруднительное финансовое состояние должника, что привело к его банкротству, которое в такой ситуации стало неизбежным²⁷⁴.

Таким образом, добросовестному осуществлению корпорацией права на реорганизацию способствуют как законодательные, так и договорные негативные и нейтральные правовые средства.

Обязанность корпорации обеспечить участникам возможность участвовать в управлении делами корпорации

²⁷⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.09.2016 N Ф04-3595/2016 по делу N А27-3476/2015 // СПС КонсультантПлюс.

Право на участие в управлении делами корпорации является одним из основных корпоративных прав (ст. 65.2 ГК РФ) и ядром корпоративных правоотношений (ст. 2 ГК РФ).

Такое право участников реализуется через участие в общем собрании участников, которое является высшим органом управления корпорации (п. 1, ст. 47 Закона об АО, п. 1 ст. 32 Закона об ООО).

Порядок проведения общего собрания участников строго регламентирован, особенно в акционерных обществах, где закон предъявляет требования ко всем процедурам проведения общего собрания от информирования акционеров до подсчета голосов и составления протокола общего собрания акционеров (ст. 47-63 Закона об АО). Исключение составляют только случаи, когда все голосующие акции принадлежат одному акционеру (п. 3 ст. 47 Закона об АО). Также, по решению участников непубличного общества, принятому единогласно, в устав общества могут быть включены положения о порядке, отличном от установленного законами и иными правовыми актами порядка созыва, подготовки и проведения общих собраний участников хозяйственного общества, принятия ими решений, при условии, что такие изменения не лишают его участников права на участие в общем собрании непубличного общества и на получение информации о нем (пп. 5 п. 3 ст. 66.3 ГК РФ).

Логика законодателя, устанавливающего императивные требования к процедурам проведения общих собраний акционеров публичных обществ, заключается в том, что в их деятельность вовлечен широкий круг акционеров, защита которых входит в задачу государства, так как оказывает влияние на инвестиционный климат – публично-правовой интерес. Как мы ранее писали, вовлечение широкого круга лиц является причиной преобладания императивных норм, особенно при регулировании публичных обществ. К тому же принять решение об изменении порядка проведения общего собрания единогласно в публичном обществе представляется практически нереализуемой задачей. В свою очередь для непубличных обществ законодатель поставил необходимое условие для изменения порядка – единогласное решение. Согласие одной стороны в

частноправовых отношениях зачастую и выступает критерием для определения добросовестности другой стороны. Если лицо добровольно соглашается с определенными условиями, то другую сторону следует считать добросовестной при отсутствии с ее стороны принуждения любого характера, в том числе экономического. В корпоративных правоотношениях, характеризующихся множеством сторон, особое правовое значение в связи с этим приобретает единогласие – согласие всех.

Помимо норм закона, добросовестному осуществлению обязанности акционерного общества по проведению общего собрания способствуют нормативные правовые акты Банка России, к одной из функций которого относится защита прав и законных интересов акционеров и инвесторов на финансовых рынках (п. 18.4 ст. 4 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»²⁷⁵). Так, в п. 2.19 Положения Банка России от 16.11.2018 N 660-П «Об общих собраниях акционеров» установлено, что при подготовке к проведению общего собрания должно быть определено место его проведения, которым должен являться населенный пункт (муниципальное образование), являющийся местом нахождения общества, если иное место проведения общего собрания не установлено уставом общества.

Однако, как считает Д.О. Бирюков, в случаях если большинство акционеров проживают не по месту нахождения общества, целесообразнее проводить собрание по месту нахождения большинства акционеров²⁷⁶.

С точки зрения принципа добросовестности, такой поход действительно мог бы быть более правильным и способствовать экономии средств акционеров, хотя возникает вопрос об учете интереса меньшинства, которое проживает по месту нахождения общества и при вступлении в него рассчитывало на участие в собрании по месту его нахождения. Также все-таки представляется, что процитированная норма является императивной, так как в конструкции используется такой индикатор императивности как «должен». В свою очередь, ч.

²⁷⁵ СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

²⁷⁶ Бирюков Д.О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности / Вступ. сл. И.С. Шиткиной. Москва: Статут, 2020 // СПС КонсультантПлюс.

5 ст. 15.23.1 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность общества за нарушение требований федеральных законов и принятых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов к форме, сроку или месту проведения общего собрания акционеров. Также в таком случае есть риск признания решения общего собрания недействительным²⁷⁷. Соответственно, полагаем, что общее собрание акционеров все-таки должно проводиться по месту нахождения общества, если иное не предусмотрено принятым квалифицированным большинством голосов положением устава (п. 4 ст. 49 Закона об АО, п. 8 ст. 37 Закона об ООО).

При этом, даже если в уставе в качестве мест проведения общих собраний акционеров определены населенные пункты, находящиеся вне пределов Российской Федерации, по смыслу ст. 10 ГК РФ это может быть квалифицировано судом как злоупотребление правом²⁷⁸. Представляется, что определение места нахождения за пределами России не в каждом случае должно свидетельствовать о недобросовестности корпорации, злоупотреблением можно считать только те ситуации, когда затрудняется возможность участников принимать участие в общем собрании. Если же все участники проживают за пределами Российской Федерации и для них реализация права на участие таким образом представляется наиболее удобной, нарушения прав и интересов участников не происходит, и действия корпорации нельзя признать недобросовестными.

Добросовестному осуществлению обязанности корпорации обеспечить участникам возможность участвовать в управлении делами корпорации также способствует императивно установленный диапазон сроков проведения годовых/очередных общих собраний. Так, в п. 1 ст. 47 Закона об АО указано, что годовое общее собрание акционеров проводится в сроки, устанавливаемые уставом общества, но не ранее чем через два месяца и не позднее чем через шесть месяцев после окончания отчетного года. Закон об ООО обязывает проводить

²⁷⁷ Постановление ФАС Московского округа от 19.09.2012 по делу N А41-1348/12 // СПС КонсультантПлюс.

²⁷⁸ П. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 N 127 <Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации> // СПС КонсультантПлюс.

общее собрание участников не ранее чем через два месяца и не позднее чем через четыре месяца после окончания финансового года (ст. 34 Закона об АО). За нарушение данной обязанности в отношении общества установлена административная ответственность (ст. 15.23.1 КоАП РФ).

Обязанность проводить собрания в установленные сроки вызвана необходимостью обеспечить участие в управлении миноритарных участников, которые не всегда могут самостоятельно инициировать проведение общего собрания и их право на участие в управлении фактически реализуется только на годовых общих собраниях.

В связи с тем, что в 2020 году в даты проведения общих собраний был введен режим самоизоляции из-за пандемии, возникла ситуация, когда многие общества, за исключением тех, которые успели провести собрания до введения ограничений, не имели возможности провести годовые/очередные общие собрания. Такие сложности были вызваны прежде всего тем, что п. 2 ст. 50 Закона об АО и п. 1 ст. 38 Закона об ООО предусмотрен запрет на проведение годового/очередного общего собрания в заочной форме. Даже при добросовестном исполнении обязанностей хозяйственные общества вряд ли могли предугадать подобное развитие событий и успеть соблюсти все процедурные сроки и требования по созыву и информированию. В связи с этим, дабы предотвратить возможные недобросовестные ухищрения общества, вызванные необходимостью соблюдения законодательства, законодатель скорректировал сроки проведения и допустил возможность проведения годовых/очередных общих собраний в заочной форме в 2020 году²⁷⁹.

Данное решение законодателя представляется абсолютно справедливым. Искусственная постановка субъектов права в условия невозможности действовать добросовестно и не нарушать законодательство в конкретной ситуации может

²⁷⁹ Федеральный закон от 18.03.2020 N 50-ФЗ «О приобретении Правительством Российской Федерации у Центрального банка Российской Федерации обыкновенных акций публичного акционерного общества «Сбербанк России» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»; Федеральный закон от 07.04.2020 N 115-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части унификации содержания годовых отчетов государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний, а также в части установления особенностей регулирования корпоративных отношений в 2020 году и о приостановлении действия положений отдельных законодательных актов Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

привести к нивелированию значения добросовестного поведения в глобальных масштабах. Только обоюдный – как со стороны государства, так и со стороны частных субъектов, учет интересов другой стороны может способствовать добросовестному поведению. Поэтому необходимой задачей государства является быстрое реагирование на правомерные интересы бизнеса.

В судебной практике также выработаны правовые средства реализации добросовестного поведения корпорации через выявление случаев недобросовестного поведения. Так, недобросовестным исполнением обязанности по уведомлению участников признается публикация об общем собрании акционеров в разделе рекламы, рядом с рекламой об изготовлении пластиковых окон²⁸⁰. В одном из дел местом проведения общего собрания был указан адрес делового центра на территории комплекса небоскребов «Москва-Сити», но оказалось, что по указанному адресу находятся сразу две башни, в одной из которых 100 этажей, в то время как в уведомлении не было указано ни название башни, ни этаж. Акционер не смог найти место проведения общего собрания и лишился права принять участие в общем собрании акционеров. Суд признал решение общего собрания акционеров недействительным в связи с существенным нарушением порядка созыва, подготовки и проведения собрания (п. 1 ст. 181.4 ГК РФ)²⁸¹.

Для целей добросовестного осуществления корпорацией обязанности обеспечить участникам возможность участвовать в управлении делами корпорации в ККУ содержится ряд рекомендаций.

В период подготовки к собранию обществу следует создать необходимые организационные и технические условия, обеспечивающие возможность акционерам задавать вопросы членам исполнительных органов и совета директоров общества, а также публично высказывать свое мнение по вопросам повестки дня собрания. В этих целях обществам с большим числом акционеров рекомендуется поддерживать специальный телефонный канал (горячую линию)

²⁸⁰ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.05.2012 по делу N А32-22145/2011 // СПС КонсультантПлюс.

²⁸¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.09.2019 N Ф05-14847/2019 по делу N А40-262698/2018 // СПС КонсультантПлюс.

для связи с акционерами, открывать специальный адрес электронной почты, обеспечивать работу форума по вопросам повестки дня собрания на своем сайте в сети Интернет (п. 9 ККУ).

Согласно п. 23 ККУ для исполнения функций счетной комиссии рекомендуется привлекать регистратора, даже если его привлечение в соответствии с законодательством не является обязательным. Такая рекомендация направлена на пресечение ошибок и злоупотреблений, которые могут возникнуть при намерении повлиять на волеизъявление участников.

В заключение необходимо отметить, что на реализацию добросовестного исполнения обязанности обеспечить участникам возможность участвовать в управлении делами корпорации направлен широкий круг негативных и нейтральных правовых средств: законодательных, выработанных судебной практикой, исходящих из рекомендательных актов, уставных.

Обязанность общества осуществить выкуп, принадлежащих акционерам акций

В законодательстве (ст. 76 Закона об АО) установлен ряд случаев, когда у акционеров возникает право требовать выкупа обществом принадлежащих им акций, к числу которых относится:

- принятие общим собранием акционеров решения о реорганизации общества;
- согласование крупной сделки, предметом которой является имущество, стоимость которого составляет более 50 процентов балансовой стоимости активов общества;
- внесение изменений в устав общества, ограничивающих их права;
- принятие решения о внесении в устав публичного общества изменений, исключающих указание на то, что общество является публичным;
- принятие решения об обращении с заявлением о делистинге акций общества и (или) эмиссионных ценных бумаг общества, конвертируемых в его акции.

Такое право во всех приведенных случаях возникает у акционеров, если они голосовали против принятия решения либо не принимали участия в голосовании по этим вопросам.

Установление обязанности общества осуществить выкуп по требованию акционеров вызвано необходимостью учета прав и законных интересов другой стороны. Действительно, все приведенные случаи возникновения права требовать выкупа относятся либо к существенным корпоративным действиям, влекущим значительные изменения в положении корпорации, либо влекут ограничение прав акционеров. При этом акционеры, имеющие право требовать выкуп, не изъявляют свою волю на подобные изменения. Учитывая интерес как общества, у которого должна сохраняться возможность реализовывать свой интерес даже в отсутствии согласия некоторых акционеров, так и акционера, чьи права и законные интересы затрагиваются прямым или косвенным образом, необходим баланс, позволяющий учесть интересы всех субъектов. Таким балансом и выступает обязанность общества осуществить выкуп акций по требованию акционера.

Для того чтобы общество осуществляло данную обязанность добросовестно, в законодательстве установлен ряд требований к процедуре выкупа. Так, прежде всего, общество должно доводить до акционеров информацию о наличии у них права требовать выкупа, цене и порядке осуществления выкупа. Информация должна содержаться в уведомлении о проведении общего собрания акционеров с повесткой, включающей вопросы, голосование по которым может повлечь возникновение права требовать выкупа (ст. 76 Закона об АО). Для определения цены в обязательном порядке до осуществления уведомления акционеров должен быть привлечен независимый оценщик (ст. 77 Закона об АО).

В случае нарушения требований закона акционер может обратиться в суд с требованием о признании недействительным решения общего собрания, а также о понуждении общества выкупить принадлежащие лицу акции²⁸².

²⁸² Постановление ФАС Московского округа от 14.11.2011 по делу N А40-8908/11-100-68 // СПС КонсультантПлюс.

Такая строгая процедура является нейтральным средством реализации принципа добросовестности корпорацией, минимизирующим риск недобросовестного поведения при исполнении обязанности осуществить выкуп акций по требованию акционеров. В свою очередь, риск признания общего собрания недействительным в результате нарушения процедуры является негативным средством реализации принципа добросовестности корпорацией.

Обобщая результаты работы над настоящим разделом, необходимо сделать следующие выводы. Являясь самостоятельным субъектом корпоративных правоотношений, корпорация тем не менее представляет собой юридическую конструкцию, в которой переплетаются интересы различных субъектов, одни из которых формируют волю корпорации, нередко нарушая интересы других субъектов и самой корпорации. Особенностью правовых средств реализации принципа добросовестности корпорацией в этом случае является их использование как в отношении деятельности корпорации, так в некоторых случаях и в отношении лиц, влияющих на формирование воли корпорации. Так, к средствам, направленным на борьбу с недобросовестным поведением, а также к превентивным средствам, стимулирующим добросовестное поведение корпорации, относятся гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность, институты признания решения общего собрания недействительным и недействительности сделок. Данные правовые средства влекут негативные последствия как ответ на недобросовестность самой корпорации. Также правовым средством, способствующим реализации принципа добросовестности корпорацией, является риск привлечения к субсидиарной ответственности и ответственности за убытки членов органов управления и контролирующих лиц, которые формируют и реализуют волю корпорации. Нейтральными правовыми средствами реализации принципа добросовестности можно считать различные законодательные положения, устанавливающие требования к корпоративным действиям, акты рекомендательного характера, например ККУ, который содержит различные рекомендации, направленные на добросовестное осуществление прав и исполнение обязанностей корпорацией. В

качестве позитивных средств, стимулирующих добросовестное осуществление прав и исполнение обязанностей корпорацией, можно назвать различные рейтинги, например Национальный рейтинг корпоративного управления (НРКУ) Российского института директоров, Doing Business Report, проводимый Всемирным банком, иные рейтинги международных агентств – Standard & Poor's, Fitch Ratings Ltd. и так далее. Такие рейтинги зачастую оказывают влияние на поведение инвесторов и стоимость акций компании, также рейтинги формируют отношение к компании со стороны клиентов при долгосрочном сотрудничестве и потенциальных работников.

§ 2. Реализация принципа добросовестности участниками корпорации²⁸³

В отличие от прав и обязанностей корпорации как субъекта корпоративных правоотношений законодательство содержит формализованный перечень корпоративных прав и обязанностей участников. Так, в ст. 65.2 ГК РФ закреплены следующие права и обязанности участников корпорации:

- право участвовать в управлении делами корпорации;
- право получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией;
- право обжаловать решения органов корпорации, влекущие гражданско-правовые последствия;
- право требовать, действуя от имени корпорации, возмещения причиненных корпорации убытков;
- право оспаривать, действуя от имени корпорации, совершенные ею сделки по предусмотренным законом основаниям, и требовать применения последствий их недействительности, а также применения последствий недействительности ничтожных сделок корпорации.

Также в ст. 67 ГК РФ установлены следующие права участников хозяйственных обществ и хозяйственных товариществ:

- право принимать участие в распределении прибыли товарищества или общества, участником которого он является;
- право получать в случае ликвидации товарищества или общества часть имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимость;
- право требовать исключения другого участника из товарищества или общества (кроме публичных акционерных обществ) в судебном порядке.

К обязанностям участников корпорации согласно ст. 65.2, 67 ГК РФ относятся:

- обязанность участвовать в образовании имущества корпорации;

²⁸³ Особенности реализации принципа добросовестности участниками, являющимися контролирующими лицами, рассмотрены в параграфе 4 настоящей главы, посвященном в том числе проблеме реализации принципа добросовестности контролирующими лицами.

- обязанность не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности корпорации;
- обязанность участвовать в принятии корпоративных решений, без которых корпорация не может продолжать свою деятельность в соответствии с законом, если его участие необходимо для принятия таких решений;
- обязанность не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации;
- обязанность не совершать действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация;
- обязанность участников хозяйственного товарищества или общества вносить вклады в уставный (складочный) капитал товарищества или общества, участником которого он является, в порядке, предусмотренном учредительным документом хозяйственного товарищества или общества, и вклады в иное имущество хозяйственного товарищества или общества.

Данный перечень прав и обязанностей участников корпорации не является закрытым (исчерпывающим). Согласно п. 4 ст. 65.2 ГК РФ участник корпорации может нести и иные права и обязанности, предусмотренные законом и учредительным документом. Однако, как пишет Е.А. Суханов, права и обязанности участника также могут быть предусмотрены в корпоративном договоре²⁸⁴.

Приведенным правам и обязанностям участников, как правило, корреспондируют права и обязанности корпорации. Дискуссионным является вопрос о существовании прав и обязанностей участников по отношению к другим участникам корпорации.

Л.И. Петражицкий считал, что правовой связи между участниками корпорации нет²⁸⁵.

²⁸⁴ Суханов Е.А. Комментарий к ст. 65.1 - 65.3 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2014. № 3 // СПС КонсультантПлюс.

²⁸⁵ Петражицкий Л.И. Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве. По поводу предстоящей реформы акционерного права: Экономическое исследование. С. 38-39.

Иной точки зрения придерживался П.Н. Гуссаковский, по мнению которого акционеры несут взаимные обязательства по отношению друг к другу, из чего следует, что акционеры, которым был причинен вред незаконным решением общего собрания, могут предъявить иск о возмещении понесенных убытков к акционерам, участвовавшим в общем собрании в составлении указанного решения²⁸⁶.

И.С. Шиткина считает, что у участников возникают взаимоотношения друг с другом, в результате которых может возникать конфликт интересов²⁸⁷.

Некоторые авторы отмечают более тесную правовую связь, возникающую между участниками непубличных обществ, которые скорее похожи на объединения лиц, нежели на объединения капиталов – публичные акционерные общества²⁸⁸. В непубличных обществах участники, как правило, знают друг друга лично, именно для непубличных обществ создан такой правовой институт как исключение участника, который затрудняет деятельность общества. В публичных обществах, как правило, состоящих из большого количества акционеров вряд ли возникают правовые связи между участниками.

Не вдаваясь далее в дискуссию о существовании взаимных прав и обязанностей участников общества, считаем верным мнение Г.В. Цепова, который считает, что «связь акционера с остальными акционерами не охватывается собственно акционерным отношением и основывается на общем требовании правопорядка не чинить препятствия в осуществлении права»²⁸⁹.

И действительно, вне зависимости от признания правовой связанности участников корпорации, за каждым из них п. 3 ст. 1 ГК РФ закреплена общеправовая обязанность при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей, к числу которых относятся права и обязанности, вытекающие из корпоративных правоотношений,

²⁸⁶ Гуссаковский П.Н. Вопросы акционерного права. Петроград: Сенатская типография, 1915. С. 49.

²⁸⁷ Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. Т. 1. // СПС КонсультантПлюс. (Автор главы – И.С. Шиткина).

²⁸⁸ См. напр.: Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2017. С. 62-65; Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009. № 3. // СПС КонсультантПлюс.

²⁸⁹ Г.В. Цепов Акционерные общества: теория и практика. М.: Проспект, 2006. С. 109.

действовать добросовестно, а именно – учитывать права и законные интересы других лиц²⁹⁰.

Т.С. Бойко, однако, считает наличие общей обязанности недостаточным средством и предлагает закрепить прямую обязанность участников непубличного общества действовать добросовестно по отношению друг к другу, учитывать их интересы, а также не совершать действия (бездействие), ущемляющие права и законные интересы остальных участников общества²⁹¹.

Нам же видится введение такой обязанности на законодательном уровне излишним и нецелесообразным. Во-первых, по причине существования общей обязанности, применение которой по отношению к участникам непубличных обществ ничем не ограничено. Во-вторых, сравнение данной обязанности участников с обязанностью, например, членов органов управления действовать добросовестно видится не совсем корректным в связи с тем, что по отношению к членам органов управления предусмотрена санкция в виде имущественной ответственности за убытки, причиненные недобросовестными действиями (п. 1, 2 ст. 53.1 ГК РФ). Такая же ответственность предусмотрена и для участника, действующего не в интересах общества, если он является контролирующим лицом (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ), об особенностях реализации принципа добросовестности которым более подробно описано в параграфе 4 настоящей главы. Т.С. Бойко не предлагает устанавливать никакие санкции, по сути, возникают те же негативные последствия, которые существуют при нарушении общей гражданско-правовой обязанности действовать добросовестно – отказ в защите права полностью или частично, применение иных мер. И наконец, в-третьих, совершенно непонятно, почему такая обязанность должна быть возложена только на участников непубличных обществ. Довод о том, что публичные общества являются объединениями капиталов, а личность участников имеет меньшее значение, представляется достаточно слабым. Немало публичных компаний, в которых, несмотря на широкий круг акционеров, значительная часть

²⁹⁰ П. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

²⁹¹ Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2017. С. 227-231.

акций принадлежит одному акционеру, у которого возникает возможность определять действия компании. Особенно актуальна эта проблема для компаний, часть акций в которых принадлежит государству.

Например, структура уставного капитала Банка ВТБ (ПАО) согласно Годовому отчету за 2019 год выглядит следующим образом: 60,93 процента от голосующих акций принадлежит Российской Федерации в лице Росимущества, около 20 процентов – иным крупным инвесторам, а 18,97 процентов миноритарным акционерам. Значительная доля уставного капитала относится на привилегированные акции двух типов, принадлежащие государству. Привилегированные акции первого типа имеют долю в уставном капитале 32,88 процента, второго типа – 47,22 процента.²⁹² Выплаты по привилегированным акциям представляют собой переменную величину, которая устанавливается каждый год, что негативным образом сказывается на инвестиционной привлекательности обыкновенных акций и как следствие затрагивает права и законные интересы миноритариев²⁹³. В данном случае мажоритарным акционером – владельцем контрольного пакета акций, как и всех привилегированных акций, является государство и при принятии решений мажоритарный акционер должен действовать добросовестно с учетом интересов миноритариев несмотря на то, что Банк ВТБ (ПАО) является публичным обществом.

Соответственно, считаем что, обязанность действовать добросовестно пассивного характера должна распространяться на всех участников корпорации вне зависимости от организационно-правовой формы и количества и типа акций²⁹⁴, а необходимость в закреплении за участниками дополнительной обязанности действовать добросовестно по отношению к иным участникам отсутствует.

Право участвовать в управлении делами корпорации

²⁹² Годовой отчет утвержден годовым Общим собранием акционеров Банка ВТБ (ПАО) (Протокол № 55 от 25 сентября 2020 г.) // Сайт «Банк ВТБ (ПАО)». URL: <https://ar2019.vtb.ru/> (дата обращения: 16.06.2021).

²⁹³ ВТБ задумался о привилегиях // Коммерсант: Электронное периодическое издание. 05.05.2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4801501?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 16.06.2021).

²⁹⁴ Особенности реализации принципа добросовестности участниками, являющимися контролирующими корпорацию лицами, посвящен параграф 4 настоящего раздела исследования.

Законодательно установленным средством реализации принципа добросовестности при осуществлении права участвовать в управлении делами корпорации является институт сделок, в совершении которых имеется заинтересованность (ст. 81 Закона об АО, ст. 45 Закона об ООО). Так, если принятие решения о согласовании на совершение сделки вынесено на общее собрание, голоса контролирующего общества участника, заинтересованного в совершении сделки, и подконтрольных ему лиц не учитываются при подсчете голосов. В указанных нормах определены случаи, когда лицо признается заинтересованным в совершении сделки. Эти случаи касаются ситуаций, когда у участника имеется конфликт интересов и сталкиваются различные интересы участника. Так, при заключении договора с супругой участника может столкнуться интерес лица как участника корпорации в заключении договора на максимально выгодных для корпорации условиях и интерес лица как супруга контрагента общества в лучших условиях для супруги в целях увеличения семейного дохода. Чтобы в таком случае не допустить недобросовестные действия по отношению к корпорации и иным участникам, применяются нормы о сделках, в совершении которых имеется заинтересованность.

В некоторых случаях корпоративный договор может использоваться как инструмент для недобросовестного поведения. Например, когда в корпоративном договоре закрепляется непропорциональное голосование (ст. 67.1 ГК РФ). Так, лицо, не желающее идентифицировать себя как контролирующее лицо для третьих лиц, может иметь в уставном капитале незначительную долю, однако в соответствии с корпоративным договором обладать полной властью над обществом. По мнению Е.А. Суханова: «...корпоративное соглашение – это бомба под весь наш оборот. Оно позволяет установить права непропорционально доле участника. Это уже есть в Законе о хозяйственных партнерствах²⁹⁵. Что получается? Я вношу 20 коп., а вы – 2 млн. И я получаю 90% голосов, право вето

²⁹⁵ Федеральный закон от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах». СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7058.

и все прибыли, а вы – один голос и все убытки»²⁹⁶. Способом защиты общества в таком случае может стать отказ в защите права из корпоративного договора на основании ст. 10 ГК РФ, а также возможность привлечь фактически контролирующее лицо – миноритарного участника к ответственности за убытки, причиненные по его вине обществу (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ).

Согласно п. 4 Обзора практики применения арбитражными судами ст. 10 ГК РФ злоупотреблением правом признается неоднократное предъявление требований участником о созыве внеочередного общего собрания акционеров по одному и тому же вопросу²⁹⁷.

Недобросовестностью участника следует считать и неучастие в общих собраниях общества без уважительной причины, если такое неучастие затрудняет деятельность общества. Как писал В.П. Грибанов, в качестве злоупотребления правом в римском праве рассматривалось неосуществление прав, когда это затрагивало интересы других лиц²⁹⁸. Средством реализации принципа добросовестности в этом случае является риск исключения участника из непубличного общества (п. 1 ст. 67 ГК РФ).

Новые вызовы возникают перед судебной системой с принятием федерального закона о внесении изменений в ГК РФ, согласно которому члены гражданско-правового сообщества могут участвовать в заседании дистанционно с помощью электронных либо иных технических средств²⁹⁹.

Дистанционные заседания, как представляется, создадут новую почву для злоупотребления правом на оспаривание решений общих собраний недобросовестными участниками. Например, участники смогут ссылаться на нарушение волеизъявления в связи с неполадками интернет-соединения, которые вызваны не техническими причинами, а намерением отстраниться от голосования, или оспаривать решения собрания, затрудняя таким образом деятельность общества и препятствуя принятию решений.

²⁹⁶ Пискунов Я. Корпоративное соглашение - это бомба под весь наш оборот [Интервью с Е.А. Сухановым] // Закон. 2014. № 7 // СПС КонсультантПлюс.

²⁹⁷ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 N 127 <Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации> // СПС КонсультантПлюс.

²⁹⁸ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. С. 27.

²⁹⁹ СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1158774-7> (дата обращения: 17.07.2021).

Таким образом, добросовестному осуществлению права участника на управление делами общества способствуют негативные и нейтральные правовые средства, выработанные в законодательстве, судебной практике, рекомендательных актах и актах корпоративного правотворчества. Однако цифровизация корпоративного управления ставит новые задачи перед государственными органами и частными корпорациями в части разработки правовых средств реализации принципа добросовестности в новых условиях.

Право обжаловать решения органов корпорации

В силу п. 1 ст. 65.2 ГК РФ участники корпорации вправе обжаловать решения органов корпорации, влекущие гражданско-правовые последствия.

В качестве примера недобросовестного осуществления права участника обжаловать решения органов управления следует привести дело № А40-99921/201. На заседании совета директоров ПАО «Научно-производственная корпорация «Объединенная Вагонная Компания» было вынесено решение о согласии на заключение договоров поручительства. Объем обязательств составлял от 25 до 50% балансовой стоимости активов общества. С. (один из членов совета директоров) проголосовал за согласие на заключение указанных договоров. Однако в последующем объем обязательств решили увеличить, и он превысил 50% от стоимости активов общества, в связи с чем потребовалось согласие общего собрания акционеров на указанную сделку. На общем собрании акционеров договор был согласован, и акционеры, проголосовавшие против, обратились с требованием выкупа обществом принадлежащих им акций. С., который наряду с членством в совете директоров являлся генеральным директором общества, а также акционером ПАО «Научно-производственная корпорация «Объединенная Вагонная Компания», обратился в суд с требованием признания недействительным решения общего собрания акционеров о согласии на заключение договоров поручительства, так как сделка, по его мнению, была совершена в рамках обычной хозяйственной деятельности и не требовала согласования. Суд первой инстанции усмотрел в действиях истца противоречивое поведение и указал, что истец своими действиями как член совета директоров

подтвердил, что договоры поручительства являются крупной для общества сделкой, и отказал в признании решения общего собрания акционеров недействительным³⁰⁰. Однако вышестоящие суды, несмотря на доводы общества о том, что иск заявлен исключительно с целью уклонения от исполнения обязанности по выкупу акций по требованию акционеров и является злоупотреблением правом, отменили судебный акт первой инстанции³⁰¹.

На указанном примере мы видим, что участники в некоторых случаях пользуются правом на обжалование решений органов корпорации по вопросам, которые прошлыми действиями подтверждали. В связи с этим считаем, что вопрос о добросовестном осуществлении права обжаловать решения корпорации участником требует дальнейшей проработки в позициях высших судебных инстанций.

Право принимать участие в распределении прибыли

Согласно ст. 67 ГК РФ участник хозяйственного товарищества или общества имеет право принимать участие в распределении прибыли товарищества или общества, которое должен осуществлять добросовестно (п. 3 ст. 1 ст. 1 ГК РФ).

Ярким примером злоупотребления правом принимать участие в распределении прибыли мажоритарным акционером, владеющим также привилегированными акциями, является намеренное непринятие решения о выплате дивидендов, если экономическое состояние общества позволяет принимать такое решение.

По общему правилу, владельцы привилегированных акций общества не имеют права голоса на общем собрании акционеров (п. 1 ст. 32 Закона об АО).

Однако акционеры – владельцы привилегированных акций имеют право участвовать в общем собрании акционеров с правом голоса по всем вопросам его компетенции, начиная с собрания, следующего за годовым общим собранием акционеров, на котором независимо от причин не было принято решение о

³⁰⁰ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.07.2018 по делу N А40-99921/18-57-471 // СПС КонсультантПлюс.

³⁰¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2018 N 09АП-51519/2018 по делу N А40-99921/18 // СПС КонсультантПлюс.

выплате дивидендов или было принято решение о неполной выплате дивидендов по привилегированным акциям этого типа. Такое право прекращается с момента первой выплаты по указанным акциям дивидендов в полном размере (п. 5 ст. 32 Закона об АО).

Таким образом, законом установлены гарантии для владельцев привилегированных акций, участие в акционерном обществе которых по сути представляет собой инвестиционное средство, направленное на получение прибыли, а не право на управление. То есть основной законный интерес владельцев привилегированных акций заключается в получении дивидендов. Участие в управлении в данном случае представляет собой средство защиты имущественного интереса.

Между тем, возникают ситуации, когда владельцы привилегированных акций используют данное средство защиты в противоречие с его назначением.

Так, в одном из дел из-за возникших у общества убытков было принято решение не выплачивать дивиденды, вследствие чего один из владельцев привилегированных акций – ООО «Праймери Дон» – получило корпоративный контроль над обществом. Когда экономическое состояние общества стабилизировалось, и появилась возможность платить дивиденды, ООО «Праймери Дон» несколько лет подряд принимало решение не выплачивать дивиденды, желая сохранить контроль над обществом. Суды квалифицировали данные действия ООО «Праймери Дон» как злоупотребление правом, а в качестве последствия признали недействительным решение общего собрания в части вопроса о выплате дивидендов и исключении из голосования акции ООО «Праймери Дон». Суд первой инстанции указал следующее:

«Суд приходит к выводу об использовании ООО «Праймери Дон» принадлежащего ему субъективного права участвовать в голосовании на общем собрании акционеров ОАО «Аэропорт Ростов-на-Дону» привилегированными акциями исключительно с целью удержания корпоративного контроля и во вред другим акционерам, препятствуя им в получении дивидендов. Голосование против выплаты дивидендов по привилегированным акциям ООО «Праймери

Дон» осуществляет систематически на протяжении многих лет и в условиях, когда убыточность деятельности общества давно преодолена, а общество регулярно получает значительную прибыль. Статьей 12 ГК РФ предусмотрено в качестве способа защиты гражданских прав восстановление положения, существовавшего до нарушения права и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. Способом восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий ООО «Праймери Дон», являющихся злоупотреблением правом нарушающих права других акционеров, является исключение из итогов голосования по соответствующим вопросам повестки дня собрания привилегированных акций, принадлежащих ООО «Праймери Дон»³⁰².

Получается, что не только корпорация может злоупотреблять правом на принятие решения о выплате дивидендов, о чем мы писали ранее. В некоторых случаях участники злоупотребляют правом на участие в распределении прибыли, преследуя иные, не связанные с получением прибыли от деятельности общества, цели, например как в приведенном случае с владельцами привилегированных акций. Средством защиты от подобных недобросовестных действий является признание недействительным решения общего собрания и исключение из итогов голосования голосов участников, злоупотребляющих своими правами.

Право получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией

Действующим законодательством в ст. 91 Закона об АО установлено три режима доступа акционеров к информации о деятельности общества.

К информации, предоставляемой любому акционеру вне зависимости от количества принадлежащих ему акций, относятся: договор о создании общества; устав общества; документ о государственной регистрации общества; решение о выпуске ценных бумаг; отчет об итогах выпуска ценных бумаг; утвержденные общим собранием акционеров внутренние документы; положение о филиале или

³⁰² Решение Арбитражного суда Ростовской области от 23 мая 2013 года по делу N А53-3054/2013 // СПС КонсультантПлюс.

представительстве; годовые отчеты; годовая бухгалтерская (финансовая) отчетность и аудиторское заключение о ней; отчеты оценщиков в случаях выкупа акций обществом по требованию акционера; протоколы общих собраний акционеров; списки аффилированных лиц общества; заключения ревизионной комиссии; проспекты ценных бумаг; отчеты эмитента; уведомления о заключении акционерных соглашений; судебные решения и постановления по корпоративным спорам.

По требованию акционера (акционеров), владеющего не менее чем одним процентом голосующих акций общества, общество обязано обеспечить доступ к следующим информации и документам: информация о крупных сделках и сделках, в совершении которых имеется заинтересованность; протоколы заседаний совета директоров; отчеты оценщиков об оценке имущества, в отношении которого обществом совершались сделки, которые являются крупными сделками и сделками, в совершении которых имеется заинтересованность. В этом случае акционер при обращении в общество обязан указать деловую цель, с которой запрашиваются документы.

По требованию акционера (акционеров), владеющего не менее чем 25 процентами голосующих акций общества, общество обязано обеспечить доступ к следующим документам: протоколы заседаний коллегиального исполнительного органа общества; документы бухгалтерского учета.

Принцип добросовестности, а именно – концепция злоупотребления правом, оказал существенное влияние на действующее правовое регулирование информационных прав.

Названные режимы предоставления информации были введены в российское законодательство в 2017 году³⁰³. До этого же документы и информация предоставлялись акционерам вне зависимости от количества принадлежащих им акций, за исключением документов бухгалтерского учета и протоколов заседаний коллегиального исполнительного органа, для доступа к

³⁰³ Федеральный закон от 29.07.2017 N 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС КонсультантПлюс.

которым требовалось владеть 25 % акций. Также отсутствовала обязанность указывать деловую цель.

Такое правовое регулирование порождало ситуации, когда недобросовестные акционеры, владеющие минимальным количеством акций, не имея законного интереса, запрашивали у общества большой объем информации. Данное явление получило название корпоративный шантаж, гринмейл или информационный гринмейл.

В литературе встречается весьма точное описание корпоративного шантажа: «Суть корпоративного шантажа состоит в том, что акционер, владеющий пакетом акций, размер которого не позволяет оказывать существенное влияние на процесс управления акционерным обществом (принятие управленческих решений), путем злоупотребления своими корпоративными правами существенно затрудняет деятельность акционерного общества»³⁰⁴.

Зачастую истребование информации не являлось самостоятельной формой корпоративного шантажа, а служило подготовкой для дальнейших жалоб недобросовестного акционера в суд и контролирующие органы, создания негативного репутационного фона компании на рынке, использования информации в собственных целях или для продажи информации конкурентам³⁰⁵.

Такие ситуации порождали многочисленные споры. Общества в форме самозащиты от гринмейла и для защиты конфиденциальной информации отказывали акционером в предоставлении ряда документов, ссылаясь на злоупотребление правом акционерами. В некоторых случаях суды становились на сторону общества³⁰⁶. Однако в целом практика складывалась в пользу акционеров, суды не принимали во внимание ссылки обществ на недобросовестность

³⁰⁴ Габова А.В., Молотников А.Е. Корпоративный шантаж как правовое явление // Журнал российского права. 2008. № 6 // СПС КонсультантПлюс.

³⁰⁵ Колосовская Т.В., Жаркая О.А. Актуальные вопросы злоупотребления миноритарными акционерами своими правами // Безопасность бизнеса. 2015. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

³⁰⁶ См. напр.: Постановление ФАС Московского округа от 28.07.2005 N КА-А41/6792-05 // СПС КонсультантПлюс; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 12.02.2004 N Ф04/702-5/А70-2004 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.06.2015 N Ф10-1836/2015 по делу N А62-6896/2014 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.10.2016 N Ф05-14395/2016 по делу N А40-1413/16 // СПС КонсультантПлюс.

акционеров³⁰⁷. Это послужило поводом для обращения ОАО «Нефтяная компания «Роснефть» в Конституционный Суд Российской Федерации, который в свою очередь указал: «в делах, связанных с предоставлением информации, эффективный судебный контроль подразумевает как оценку правильности определения режима доступности информации по вопросам, отнесенным законом и корпоративными нормативными актами к компетенции совета директоров и исполнительного органа акционерного общества (с точки зрения наличия в них конфиденциальной информации, касающейся текущей хозяйственной деятельности), так и исследование и оценку обстоятельств конкретного дела, позволяющих, в частности, выявить в действиях как акционерного общества, так и акционера злоупотребление правом, в том числе наличие необоснованного интереса в получении соответствующей информации и иных признаков, которые указывают на намеренное создание объективных трудностей, способных отрицательно влиять на хозяйственную деятельность конкретного акционерного общества в целом и на интересы его акционеров (например, если акционер, требующий предоставления информации, является представителем конкурента или специально запрашивает большой объем копий документов, с тем чтобы затруднить деятельность общества)»³⁰⁸.

Вслед за Определением Конституционного Суда Российской Федерации Президиум ВАС РФ выпустил Информационное письмо³⁰⁹, в п. 1 которого следующим образом ограничил право акционеров на информацию в целях недопущения злоупотребления правом:

«Суд может отказать в удовлетворении требования участника, если будет доказано наличие в его действиях злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Так, о злоупотреблении участником правом на информацию может свидетельствовать

³⁰⁷ См. напр.: Постановление ФАС Дальневосточного округа от 05.06.2007, 29.05.2007 N Ф03-А73/07-1/1709 по делу N А73-10689/06-9 // СПС КонсультантПлюс; Постановление ФАС Московского округа от 22.12.2004 N КГ-А40/11231-04 // СПС КонсультантПлюс; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 30.07.2008 по делу N А56-37742/2007 // СПС КонсультантПлюс.

³⁰⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2011 N 8-О-П «По жалобе открытого акционерного общества «Нефтяная компания «Роснефть» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца первого пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС КонсультантПлюс.

³⁰⁹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 N 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // СПС КонсультантПлюс.

то, что участник, обратившийся с требованием о предоставлении информации, является фактическим конкурентом хозяйственного общества (либо его аффилированным лицом), а запрашиваемая информация носит характер конфиденциальной, относится к конкурентной сфере и ее распространение может причинить вред коммерческим интересам общества. Исследуя вопрос о злоупотреблении правом на информацию, судам необходимо иметь в виду, что о наличии у участника правомерного интереса в получении информации могут свидетельствовать, например, планирование истцом продажи своих акций или доли в уставном капитале (в том числе в ходе процедур банкротства истца), подготовка к обращению в суд с требованием об оспаривании решения органа или договора хозяйственного общества либо о привлечении к ответственности органов общества, а также подготовка к участию в общем собрании акционеров»³¹⁰.

Фактически указанные позиции высших судебных инстанций основаны на принципе добросовестности и запрете злоупотребления правом, а действующее законодательство восприняло примеры случаев злоупотребления правом, приведенные Президиумом ВАС РФ, и включило их в определение деловой цели, которую теперь согласно п. 5 ст. 91 Закона об АО обязан указывать акционер, владеющий менее чем 25 процентами голосующих акций общества, в требовании о предоставлении информации.

Так, в соответствии с п. 7 ст. 91 Закона об АО под деловой целью понимается законный интерес акционера в получении сведений и документов, которые объективно необходимы и достаточны для надлежащей реализации прав акционера. Деловая цель не может считаться разумной, в частности если:

³¹⁰ Правовая позиция Президиума ВАС РФ подверглась критике, в частности, В.А. Беловым за то, что в ней не учтено системное толкование законодательства, указание на конфиденциальность – излишне, достаточно общеправового принципа предел осуществления права: «Если субъективные права - это юридические проявления свободы и правовые формы выражения законных интересов, ни одно из прав не может простирается в сферу, на которую установлено субъективное право другого. Практически это означает, что субъективные акционерные права на получение информации и ознакомление с документацией должны заканчиваться там, где начинаются права других лиц, в частности акционерного общества, его клиентов и контрагентов на сохранение коммерческой и профессиональной тайны» (Белов В.А. Самое сокровенное знание (заметки о содержании и пределах права участников хозяйственных обществ на получение информации об их деятельности и на ознакомление с их документацией) // Закон. 2012. № 8. С. 71 - 77.).

1) общество обладает сведениями о фактических обстоятельствах, свидетельствующих о недобросовестности акционера;

2) имеет место необоснованный интерес в получении акционером документов или информации;

3) акционер является конкурентом общества либо аффилированным лицом конкурента и запрашиваемый им документ содержит конфиденциальную информацию, относящуюся к конкурентной сфере, и ее распространение может причинить вред коммерческим интересам общества.

В научном сообществе возникали многочисленные дискуссии по поводу изменения регулирования доступа акционеров к информации.

Так, на момент рассмотрения законопроекта Т.С. Бойко писала следующее: «В случае принятия указанного законопроекта российское корпоративное право, безусловно, сделает шаг назад в вопросе защиты прав и законных интересов миноритарных участников, поскольку именно право на информацию выступает необходимым условием эффективного функционирования иных способов защиты миноритарных участников. Посредством ревизии запрошенных документов миноритарные участники могут осуществлять хотя бы минимальную проверку добросовестности действий мажоритарного участника и обосновывать свою правовую позицию в суде»³¹¹.

Д.О. Бирюков утверждает, что указанные изменения «не в пользу миноритариев» были приняты «под влиянием лобби крупных корпораций, преимущественно с государственным участием»³¹².

Д.В. Ломакин считает, что наиболее остро в новом регулировании права акционеров на информацию стоит вопрос подтверждения обоснованности интереса в получении информации, которую должно оценивать само общество, и совсем неочевидно, что такая оценка будет направлена на реализацию интересов акционера³¹³.

³¹¹ Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2017. С. 219-220.

³¹² Бирюков Д.О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности // СПС КонсультантПлюс.

³¹³ Ломакин Д.В. Право акционера на информацию: изменение подхода законодателя // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. С. 35.

По мнению С.Ю. Филипповой, проблемы злоупотребления акционерами правом на информацию решались судами путем ограничения защиты прав акционеров на информацию в конкретных случаях со ссылкой на запрет злоупотребления правом (ст. 1, 10 ГК РФ). Единственная проблема состояла в том, что такие категории дел рассматривались зачастую только в административном производстве, влекущем наложение штрафа на общество³¹⁴.

Положительные стороны изменений, направленных на обеспечение добросовестности осуществления прав участников отметила О.А. Макарова: «...законодателем сделан важный шаг по совершенствованию механизма реализации права акционеров на получение информации исходя из необходимости обеспечения баланса интересов акционеров и акционерного общества, обязанного обеспечить акционерам доступ к документам и информации. Положительным является дифференцированный подход к перечню предоставляемых документов и информации в зависимости от размера принадлежащих акционеру (акционерам) пакетов акций»³¹⁵.

С критикой неограниченного права акционеров на информацию еще в конце XIX столетия выступал и И.Т. Тарасов, который писал: «Определяя границы этого права, надо иметь в виду, во-первых, в какой мере управление компанией будет стеснено в своей деятельности и в отправлении своих служебных обязанностей при полном осуществлении акционерами этого права и, во-вторых, в какой мере могут вредить компании те злоупотребления, которые возможны в данном случае со стороны единичных акционеров при осуществлении ими этого права.... <...>Предъявление по требованию каждого пришедшего акционера всех книг и документов компании и выдача из них выписок или дача объяснений по ним могут сделать все управление компанией невозможным, отнимая у всех должностных лиц компании все время на одно только это занятие.... <...>Право контроля единичного акционера в указанной форме должно быть ограничено, причем найти эту границу не представляет особых затруднений, если

³¹⁴ Филиппова С.Ю. Право на информацию о деятельности акционерного общества // Хозяйство и право. 2017. № 5. С. 25-26.

³¹⁵ Макарова О.А. Право акционера на информацию: новое в порядке реализации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 11. С. 52 - 55.

иметь в виду, что в основании этого права лежит исключительно только хозяйственный интерес акционера, заключающийся в праве получения дивиденда и получения обратно своей доли капитала при ликвидации компании»³¹⁶.

В свою же очередь необходимо отметить, что при реализации права на информацию действительно имели место недобросовестные случаи осуществления права. Но право на информацию не только нуждалась в средствах добросовестного осуществления этого права, оно также, как правильно отметила Т.С. Бойко³¹⁷, само может являться средством, обеспечивающим добросовестную реализацию обязанностей членами органов управления корпорации и мажоритарными участниками. Доступ к информации для владельцев различных пакетов акций обеспечивал более обширный контроль над деятельностью членов органов управления и мажоритарных участников, позволяя, например, отслеживать, как расходуются средства корпорации, не заключаются ли сделки с конфликтом интересов, которые можно оспорить как сделки, в совершении которых имеется заинтересованность. Такая же цель права на информацию отражается и в п. 295 ККУ, согласно которому право акционеров на доступ к информации и документам общества, в том числе тем, которые общество не раскрывает, помимо прочего, является одним из важнейших элементов механизма обеспечения ответственности контролирующих лиц общества и членов его органов управления, позволяющих акционерам общества обосновать требования к ним о возмещении причиненных обществу убытков. Сейчас же у миноритарных акционеров фактически отсутствует такое право, так как Верховный Суд указал, что гражданско-правовые договоры относятся к документам бухгалтерского учета³¹⁸, а доступ к документам бухгалтерского учета, как было сказано, имеют только акционеры, владеющие не менее чем 25 процентами голосующих акций.

Как представляется, принцип добросовестности, в частности запрет злоупотребления правом, оказал существенное влияние на регулирование доступа

³¹⁶ Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. С. 444.

³¹⁷ Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2017. С. 220.

³¹⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.04.2017 N 306-АД16-17822 по делу N А57-30087/2015 // СПС КонсультантПлюс.

участников корпорации к информации. Однако текущее положение прав участников на информацию пока не совершенно и не достигает баланса интересов, склоняясь то в сторону защиты интересов участников, то в сторону защиты корпораций. Считаем, что критерии оценки деловой цели корпорациями на предмет соответствия требованиям добросовестности должны быть четко сформулированы в позициях высших судебных инстанций, а на обществе должна лежать презумпция доказывания необоснованности деловой цели.

Право требовать исключения участника из непубличной корпорации и обязанность не совершать действия, которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей корпорации или заведомо направлены на причинение вреда корпорации

В п. 1 ст. 67 ГК РФ закреплено право требовать исключения другого участника из товарищества или общества (кроме публичных акционерных обществ) в судебном порядке с выплатой ему действительной стоимости его доли участия, если такой участник своими действиями (бездействием) причинил существенный вред товариществу или обществу либо иным образом существенно затрудняет его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось, в том числе грубо нарушая свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами товарищества или общества.

Исходя из процитированной нормы, такое право предоставлено только участникам непубличных компаний, характеризующихся более узким составом участников. Как пишет А.В. Габов: «Вне всяких сомнений, право одних участников требовать исключения других – это товарищеский, то есть личный, элемент»³¹⁹.

Средством исполнения участником обязанности по добросовестному отношению к корпорации служит право другого участника требовать исключения недобросовестного участника из непубличной корпорации³²⁰. При этом, как

³¹⁹ Габов А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М.: Статут, 2010 // СПС КонсультантПлюс.

³²⁰ По мнению С.Д. Радченко, норма ст. 10 Закона об ООО является проявлением противодействия злоупотреблению правом (Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М.: Волтерс Клувер, 2010 // СПС КонсультантПлюс.).

средство стимулирования добросовестного поведения участников мы можем рассматривать только возможность исключения участника за недобросовестные действия – грубое нарушение обязанностей. Исключение участника в случае ненамеренного затруднения деятельности общества, например невозможность участника регулярно посещать общие собрания из-за изменения места нахождения общества или слабого здоровья, нельзя рассматривать как средство реализации принципа добросовестности участников корпорации. В данных ситуациях исключение участника будет служить исключительно средством защиты корпорации.

К недобросовестному осуществлению обязанностей участником, влекущим исключение его из общества, на основе анализа судебной практики относятся: ведение участником параллельного конкурирующего бизнеса³²¹; нарушение обязанностей директором, если участник также выполняет функции директора общества³²²; голосование на общем собрании, если такое голосование заведомо влечет значительные неблагоприятные последствия для общества³²³.

Однако средства реализации принципа добросовестности требуются не только при исполнении участником обязанности по лояльному отношению к корпорации, зачастую возникает необходимость разработки средств реализации принципа добросовестности при осуществлении права требовать исключения участника из корпорации.

Так, нередко ситуации, когда исключение участника служит цели устранения корпоративного конфликта, а иногда и личного.

В ст. 10 Закона об ООО сказано, что участники общества, доли которых в совокупности составляют не менее чем десять процентов уставного капитала

³²¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.02.2018 N Ф06-29567/2018 по делу N А55-10152/2013 // СПС КонсультантПлюс.

³²² П. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.07.2018 N Ф09-3864/18 по делу N А60-42177/2017 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.05.2017 N Ф09-750/17 по делу N А60-15318/2016 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.08.2018 N Ф06-35990/2018 по делу N А72-9729/2017 // СПС КонсультантПлюс.

³²³ П. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 N 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» // СПС КонсультантПлюс.

общества, вправе требовать в судебном порядке исключения из общества участника, который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет. При буквальном толковании данной нормы представляется, что один участник не может требовать исключения другого участника, с таким требованием в суд может обратиться только несколько участников. Однако в силу разъяснений п. 17 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» правом на обращение в суд с требованием об исключении участника из общества обладают не только несколько участников, доли которых в совокупности составляют не менее десяти процентов уставного капитала общества, но и один из них при условии, что его доля в уставном капитале составляет десять процентов и более³²⁴.

Вместе с тем, видится логичной позиция Д.И. Дедова, который считает, что справедливости более бы соответствовал подход, согласно которому по принципу большинства только несколько участников могут исключить другого участника³²⁵. Такой подход мог бы служить и средством реализации принципа добросовестности, так как препятствовал бы одному участнику недобросовестно пользоваться правом требовать исключения другого участника в своих личных целях.

На данный момент правовым средством, препятствующим такому недобросовестному поведению, служит судебная практика. Так, в одном из дел суд отказал в удовлетворении требования участницы общества, которая пыталась исключить из общества бывшего супруга, так как процедура исключения участника использовалась участницей для разрешения личного конфликта³²⁶. Суды повсеместно отказывают участникам в требовании об исключении другого участника также по причине использования данного права исключительно в целях

³²⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 90, Пленума ВАС РФ N 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС КонсультантПлюс.

³²⁵ Дедов Д.И. О формировании приоритетных интересов корпорации // Вестник МГУ. Серия Право. 2009. № 1. С. 42 - 43.

³²⁶ Постановление ФАС Центрального округа от 16 июля 2012 г. по делу N A09-643/2010 // СПС КонсультантПлюс.

разрешения корпоративного конфликта³²⁷, то есть в противоречие с назначением цели института исключения³²⁸.

Также, в п. 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 N 151 было установлено ограничение на исключение мажоритарного участника, согласно которому исключение из общества с ограниченной ответственностью участника, обладающего долей в размере более 50 процентов уставного капитала общества, возможно только в том случае, если участники общества в соответствии с его уставом не имеют права свободного выхода из общества³²⁹. Такая правовая позиция с теоретической точки зрения может свидетельствовать об определении интереса корпорации через интерес мажоритарного участника, а с практической – направлена на стабилизацию деятельности корпорации и защиту интересов кредиторов, так как выход мажоритарного участника повлечет обязанность выплаты ему суммы равной значительной доли чистых активов.

Однако 25.12.2019 года Президиум Верховного Суда РФ опубликовал противоположную позицию. Указав, что закон не устанавливает ограничений на исключение из общества с ограниченной ответственностью его участника, обладающего более чем 50 процентами долей в уставном капитале общества, Президиум Верховного Суда РФ подтвердил правильность выводов нижестоящих судебных инстанций об удовлетворении требований участника с 1/3 долей об исключении двух участников, владеющих в совокупности 2/3 долей³³⁰.

³²⁷ См. напр.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.01.2019 N Ф06-41458/2018 по делу N A12-17390/2018 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.09.2018 N Ф05-14470/2018 по делу N A40-158090/17 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.03.2019 N Ф04-681/2019 по делу N A46-1775/2018 // СПС КонсультантПлюс.

³²⁸ Институт исключения участника из общества не может быть использован для разрешения конфликта между участниками общества, связанного с наличием у них разногласий по вопросам управления обществом, когда позиция ни одного из них не является заведомо неправомерной (п. 5 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 N 151 <Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью> // СПС КонсультантПлюс). См. также: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.01.2019 N Ф06-41458/2018 по делу N A12-17390/2018 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.09.2018 N Ф05-14470/2018 по делу N A40-158090/17 // СПС КонсультантПлюс.

³²⁹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 N 151 <Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью> // СПС КонсультантПлюс.

³³⁰ П. 8 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах»(утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.

Таким образом, средством добросовестного исполнения участником обязанности по лояльному отношению к корпорации служит законодательно установленное право другого участника требовать исключения недобросовестного участника из непубличной корпорации. В свою очередь отказ в защите права является негативным средством добросовестного осуществления участником права требовать исключения другого участника из корпорации, выработанным в судебной практике.

Преимущественное право покупки доли или акций в непубличной корпорации

Преимущественное право не указано среди прав и обязанностей участников корпорации в ст. 65.2 и ст. 67 ГК РФ, однако установлено в п. 4 ст. 21 Закона об ООО, а также может быть предусмотрено уставом непубличного акционерного общества (п. 3 ст. 7 Закона об АО)³³¹.

Целью преимущественного права является стабилизация состава участников непубличного общества, что отражает личный элемент в непубличных корпорациях.

Отличия правового регулирования преимущественного права в обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах состоит прежде всего в том, что в обществах с ограниченной ответственностью преимущественное право реализуется только при продаже доли³³², в акционерных обществах – при любом возмездном отчуждении акций, если преимущественное право предусмотрено уставом общества. Однако и в обществах с ограниченной

³³¹ В литературе высказываются различные мнения по вопросу о возможности исключения уставом общества с ограниченной ответственностью преимущественного права. Так, И.С. Чупрунов считает, что п. 4 ст. 21 Закона об ООО, предусматривающий преимущественное право участников, является диспозитивным и применение правила можно исключить путем указания в уставе на то, что в обществе не действует преимущественное право (Чупрунов И.С. Начало "новой жизни" в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 N 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8 // СПС КонсультантПлюс). По мнению О.И. Гентовт, норма о преимущественном праве в обществе с ограниченной ответственностью является императивной, а преимущественное право не может быть исключено уставом (Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2021. С. 60-61).

³³² Исходя из анализа судебной практики, преимущественное право приобретения доли распространяется также на случаи передачи доли третьему лицу в качестве отступного (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса РФ о прекращении обязательств» // СПС КонсультантПлюс), а также в случае отчуждения доли на торгах в рамках процедуры банкротства (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.07.2020 N Ф08-5129/2020 по делу N А32-35774/2019; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.10.2019 N Ф05-16091/2019 по делу N А40-4931/2019 // СПС КонсультантПлюс).

ответственностью, и в акционерных обществах преимущественное право реализуется только при возмездных сделках, что создает почву для злоупотреблений со стороны недобросовестных участников, намеренных обходить правила о преимущественном праве. Наиболее распространенным случаем злоупотребления является дарение части доли или акций третьему лицу с последующей продажей доли или акций такому лицу, который к моменту продажи уже становился участником общества.

Правовым средством защиты от таких недобросовестных действий является включение в уставы обществ положений о необходимости получения согласия участников или общества на любое отчуждение доли третьим лицам, в том числе по договорам дарения (п. 2 ст. 21 Закона об ООО; п. 5 ст. 7 Закона об АО³³³).

Также средством защиты прав участников непубличных корпораций является следующая позиция Верховного Суда РФ: если судом будет установлено, что участник общества с ограниченной ответственностью заключил договор дарения части принадлежащей ему доли в уставном капитале общества третьему лицу с целью дальнейшей продажи оставшейся части доли в обход правил о преимущественном праве других участников на покупку доли, договор дарения и последующая купля-продажа части доли могут быть квалифицированы как единый договор купли-продажи, совершенный с нарушением названных правил. Соответственно, иной участник общества вправе потребовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя³³⁴.

Недобросовестным может быть поведение не только отчуждателя доли или акций, но и лица, обладающего преимущественным правом. Так, в одном из дел суд признал злоупотреблением правом требование о признании сделки по отчуждению акций общества недействительной в связи с тем, что заявитель не имеет интереса в приобретении акций, о чем свидетельствует: неучастие истца в

³³³ В акционерном обществе такое положение устава может действовать не более 5 лет.

³³⁴ П. 88 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

деятельности общества; отсутствие денежных средств для реализации преимущественного права³³⁵.

Как видим, основными средствами добросовестности участников при реализации преимущественного права и при исполнении обязанностей, вытекающих из установленного законом преимущественного права, являются негативные и нейтральные правовые средства, выработанные в законодательстве, судебной практике и уставах.

Обязанность участников корпорации вносить вклады в уставный капитал корпорации

Согласно п. 4 ст. 65.2 ГК РФ участник корпорации обязан участвовать в образовании имущества корпорации в необходимом размере в порядке, способом и в сроки, которые предусмотрены ГК РФ, другим законом или учредительным документом корпорации.

В законодательстве установлен минимальный размер уставного капитала, который для общества с ограниченной ответственностью и непубличного акционерного общества составляет десять тысяч рублей (п. 1 ст. 14 Закона об ООО, ст. 26 Закона об АО), а для публичного акционерного общества – сто тысяч рублей (ст. 26 Закона об АО).

Определенный законодателем минимальный размер уставного капитала давно вызывает дискуссии. Одни авторы считают, что уставный капитал имеет лишь формальное значение и служит в целях определения прав участия в корпорации³³⁶. Другие говорят, что уставный капитал должен обеспечивать интересы кредиторов, а тот размер, который установлен в российском законодательстве, не соответствует этой цели и способствует злоупотреблению корпоративной формой ведения бизнеса недобросовестными лицами. Так, Е.А. Суханов утверждает, что попытки «занизить» размер уставного капитала

³³⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.10.2019 N Ф08-8789/2019 по делу N А32-13657/2018 // СПС КонсультантПлюс.

³³⁶ См. напр.: Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. С. 230 – 235; Степанов Д.И. Для чего необходим минимальный уставный капитал и как определять его уровень? // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4. С. 43 – 65.

«нетипичны и говорят либо о неплатежеспособности компании, либо о злоупотреблениях ее менеджмента (и (или) участников (учредителей))»³³⁷.

В обоснование своей позиции Е.А. Суханов цитирует немецкий учебник по корпоративному праву: «тот, кто не вносит в создаваемую корпорацию минимальный капитал, по существу, учреждает ее за счет кредиторов, а тот, кто не хочет вносить в ее капитал денежные средства, учреждает ее как минимум опасной для кредиторов»³³⁸. В.Ф. Яковлев также считал, что размер уставного капитала должен быть достаточным для обеспечения прав и интересов контрагентов³³⁹. О важности размера уставного капитала писал и П.П. Цитович, так как для третьих лиц он определяет предел, ниже которого не может оказываться цена имущества компании³⁴⁰.

Краткое приведение дискуссии об уставном капитале в настоящей работе неслучайно. Оно, с одной стороны, иллюстрирует подход законодателя к проблеме определения минимального размера уставного капитала, а, с другой стороны, указывает на возможные злоупотребления при ведении бизнеса – создание компаний с минимальным размером уставного капитала, который не может покрыть возможные убытки контрагентов, и активное принятие на себя обязательств.

Согласно абз. 1 п. 2 ст. 66.2 ГК РФ при оплате уставного капитала хозяйственного общества должны быть внесены денежные средства в сумме не ниже минимального размера уставного капитала.

Данная норма направлена на борьбу со злоупотреблениями правами участниками и ее следует рассматривать как средство реализации принципа добросовестности участниками корпорации. Как пишут правоведы, до введения настоящего положения Федеральным законом от 05.05.2014 N 99-ФЗ возникали

³³⁷ Суханов Е.А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 2 // СПС КонсультантПлюс.

³³⁸ Там же // СПС КонсультантПлюс.

³³⁹ Яковлев В.Ф. О кодификации гражданского законодательства современной России. С. 393.

³⁴⁰ Цитович П.П. Труды по торговому и вексельному праву: в 2 т. / П.П. Цитович. Т. 1: Учебник торгового права. К вопросу о слиянии торгового права с гражданским. М.: Статут, 2005. С. 295.

курьезные ситуации, когда в уставный капитал вносили трусы, портянки, старую мебель³⁴¹.

Следует признать, что такого рода злоупотребления упоминались и в дореволюционной литературе. Как писал Г.Ф. Шершеневич: «Вещи составляют также капитал, и расчеты кредиторов не изменяются от того, что часть складочного капитала при самом возникновении предприятия будет состоять также из вещей, так как и деньги, полученные от взносов, могут быть немедленно обращены в вещи. Весь вопрос в том, чтобы ценность делаемых в натуре взносов (apports en nature) совпадала с нарицательной ценой соответствующей части складочного капитала. Опасность кроется именно в стремлении учредителей переоценить делаемые ими вещественные взносы и тем, к ущербу акционеров и кредиторов, привести в несоответствие реальную ценность акционерного имущества с цифрой складочного капитала. Предупредить злоупотребления учредителей в этом направлении составляет задачу законодательств...»³⁴².

В современном российском законодательстве в абз. 2 п. 2 ст. 66.2 ГК РФ установлено требование, согласно которому денежная оценка неденежного вклада в уставный капитал хозяйственного общества должна быть проведена независимым оценщиком. Участники хозяйственного общества не вправе определять денежную оценку неденежного вклада в размере, превышающем сумму оценки, определенную независимым оценщиком.

Согласно п. 3 ст. 66.2 ГК РФ при оплате долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью не денежными средствами/внесении в уставный капитал акционерного общества не денежных средств, а иного имущества участник (акционер) общества и независимый оценщик в случае недостаточности имущества общества солидарно несут субсидиарную ответственность по его обязательствам в пределах суммы, на которую завышена оценка имущества, внесенного в уставный капитал, в течение пяти лет с момента

³⁴¹ Пискунов Я. Корпоративное соглашение - это бомба под весь наш оборот [Интервью с Е.А. Сухановым] // Закон. 2014. № 7; Не могу сказать, что наш ГК страдает от недостатка диспозитивности [Интервью с Л.Ю. Василевской] // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

³⁴² См.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1. Введение. Торговые деятели. М.: Статут, 2003. С. 417 - 418.

государственной регистрации общества или внесения в устав общества соответствующих изменений.

Эта норма направлена на защиту кредиторов, добросовестных участников и членов органов управления и на борьбу со злоупотреблениями участниками и действующими с ними в сговоре оценщиками при формировании имущества корпорации.

Например, оценщик определил цену внесенной участником в уставной капитал картины, которую нарисовала пятилетняя дочь участника, как цену, равную цене работы Жан-Мишеля Баския³⁴³. Так, работа дочери участника, представляющая высокую ценность только для родителей, была оценена в размере 50 млн. рублей, хотя ее рыночная стоимость, включающая расходы на бумагу, раму и краски, не превышает 1 тыс. рублей. Если компания не сможет отвечать по обязательствам в размере 100 млн. рублей, кредиторы смогут потребовать взыскания и с участника, и с оценщика в совокупном размере 49 млн. 999 тыс. рублей (разницу между завышенной ценой, определенной оценщиком, и реальной ценой).

Таким образом, добросовестному исполнению обязанности участников вносить вклады в уставный капитал способствуют законодательные негативные и нейтральные правовые средства, а также договорные негативные правовые средства (например, договор о создании общества, содержащий неустойку за просрочку оплаты уставного капитала).

Обязанность акционера, который приобрел более 30 процентов акций публичного акционерного общества, направить остальным акционерам публичную оферту о приобретении у них акций

Для того чтобы у акционеров сохранялась возможность прекратить корпоративную связь с обществом даже при смене негативного контроля, ст. 84.2 Закона об АО установлена обязанность акционера, который приобрел более 30 процентов акций публичного акционерного общества, направить остальным

³⁴³ Жан-Мишель Баския – американский художник, один из представителей современного искусства, цена работ которого доходит до 110 млн. долларов (Картину Жана-Мишеля Баскии продали за рекордные \$110,5 млн // Сайт «ARTinvestment.RU». URL: https://artinvestment.ru/news/auctnews/20170522_basquiat_sells_for_record_110 mln.html (дата обращения: 01.01.2021)).

акционерам публичную оферту о приобретении у них акций (далее – обязательное предложение). Обязательное предложение направлено на установление баланса интересов миноритарных и мажоритарных акционеров. Как пишет Д.Г. Копылов, «предполагается, что аккумуляция в руках акционера такого количества голосующих акций, которое позволяет ему осуществлять контроль над обществом, либо переход корпоративного контроля от одного лица к другому может повлечь за собой изменение тех условий, из которых акционер исходил при принятии инвестиционного решения»³⁴⁴.

Для того чтобы мажоритарный акционер добросовестно осуществлял обязанность выкупить акции, законодательство предусматривает ряд средств, начиная с определения пакета акций, включающего акции, приобретенные аффилированными лицами, заканчивая порядком определения цены акций и иными процедурными моментами. За нарушение указанных требований покупателю грозит административная ответственность (ст. 15.28 КоАП РФ), а также ответственность в виде взыскания убытков в связи с ненадлежащим определением цены акций.

Однако действующее законодательство и правоприменительная практика все же не защищают миноритариев от всех возможных недобросовестных действий со стороны мажоритарного участника. Не имея возможности глубокого рассмотрения обязательного предложения в рамках настоящего исследования, обозначим лишь некоторые возможности для злоупотреблений, приводимые специалистами, и направления для совершенствования законодательства в целях их устранения и реализации принципа добросовестности участниками акционерного общества.

Так, в абз. 3 п. 4 ст. 84.2 Закона об АО установлено, что если в течение шести месяцев, предшествующих дате направления обязательного предложения, лицо, направившее обязательное предложение, или его аффилированные лица приобрели ценные бумаги, цена приобретаемых ценных бумаг на основании

³⁴⁴ Копылов Д.Г. Правовое регулирование приобретения обществом размещенных акций. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2019. С. 150.

обязательного предложения не может быть ниже наибольшей цены, по которой указанные лица приобрели ценные бумаги. Однако, как пишет Д.И. Степанов, «приобретатели крупных пакетов нашли способ обойти эту норму: достаточно направить обязательное предложение через 6 месяцев и хотя бы один день после совершения сделки, содержащей максимальную цену приобретения акций, и правило применяться не будет.... <....> Получается, что недобросовестное поведение лица, по общему правилу обязанного направить обязательное предложение в течение 35 дней, но сознательно этого не делающего, не только не приводит к серьезным негативным последствиям для него, но, напротив, позволяет избежать тех регулятивных ограничений, которые специально были заложены в абз. 3 п. 4 ст. 84.2 Закона об АО для того, чтобы защитить право акционеров поглощаемого общества на получение максимально высокой цены. Увы, судебная-арбитражная практика не противодействует подобному поведению, а безучастно на него взирает, предпочитая буквальное прочтение абз. 3 п. 4 ст. 84.2 Закона об АО: 6-месячный срок должен во всех случаях исчисляться со дня фактического направления обязательного предложения. При этом не имеет значения, соблюдает приобретатель крупного пакета акций 35-дневный срок на направление обязательного предложения либо направляет предложение через несколько месяцев, а то и лет после фактического приобретения корпоративного контроля»³⁴⁵.

Также недобросовестные мажоритарии могут уклоняться от направления обязательного предложения путем приобретения части контрольного пакета акций лицом формально не аффилированным с мажоритарием, но фактически ему подконтрольным, а также приобретение не 30 процентов акций, а, например, 29 процентов³⁴⁶.

Соответственно, несмотря на то, что законодательство содержит ряд негативных и нейтральных правовых средств, направленных на добросовестное исполнение акционером обязанности направить обязательное предложение,

³⁴⁵ Степанов Д.И. Судебная практика по обязательному предложению и вытеснению миноритарных акционеров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 2 // СПС КонсультантПлюс.

³⁴⁶ Бирюков Д.О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности // СПС КонсультантПлюс.

правовое регулирование все еще не исключает возможности злоупотреблений, что требует дальнейшего совершенствования законодательства.

Таким образом, участник корпорации является ключевым субъектом корпоративных правоотношений, от добросовестности которого в наибольшей степени зависит возможность привлекать капитал иных участников, кредиторов и профессиональных работников, и, как следствие, экономический потенциал корпорации. К негативным правовым средствам реализации принципа добросовестности при осуществлении и исполнении прав и обязанностей участников относятся: взыскание убытков и неустойки, риск исключения из непубличного общества, отказ в защите права, возможность привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве корпорации, признание недействительным решения общего собрания, административная ответственность. Нейтральными правовыми средствами реализации принципа добросовестности следует считать различные законодательные положения, устанавливающие требования к корпоративным действиям (например, особенности совершения сделок, в заключении которых имеется заинтересованность), корпоративный договор.

§ 3. Реализация принципа добросовестности членами органов управления корпорации

Сами по себе органы юридического лица не являются субъектами права³⁴⁷, а потому к ним не могут предъявляться требования о добросовестном осуществлении прав и исполнении обязанностей. Однако субъектами права, несомненно, являются члены органов управления, которые наделены правами и обязанностями, в том числе обязанностью действовать добросовестно.

Определение членов органов управления как самостоятельных субъектов права предопределяет наличие у них собственного интереса в корпоративных правоотношениях. Основной интерес членов органов управления заключается, как правило, в получении большего вознаграждения за свою работу. Также к интересу профессиональных членов органов управления относится повышение собственной репутации на рынке за счет эффективного управления корпорацией. И если репутационный интерес скорее способствует добросовестному осуществлению членами органов управления своих обязанностей, то интерес в вознаграждении, напротив, может приводить к конфликту интересов с другими участниками корпоративных правоотношений и недобросовестному поведению.

Под конфликтом интересов понимают ситуации, когда у субъекта управления возникает противоречие между благом компании и своим узким интересом³⁴⁸. Д.И. Дедов конфликтом интересов называет случаи, когда субъект выступает «одновременно в нескольких лицах, цели которых при этом не совпадают»³⁴⁹. В ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»³⁵⁰ под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов,

³⁴⁷ Хотя некоторые авторы относят органы управления к субъектам корпоративных правоотношений. См., напр.: Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / А.В. Габова, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. А.В. Габова, О.В. Гутников, С.А. Силицын. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. Т. 1: Общие положения о юридических лицах // СПС КонсультантПлюс; Рожкова М.А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС РФ. 2005. № 9 // СПС КонсультантПлюс.

³⁴⁸ Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе / Под ред. Е.П. Губина. М.: Юрист, 1999. С. 19.

³⁴⁹ Дедов Д.И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 1.

³⁵⁰ СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

Проблема конфликта интересов членов органов управления и корпорации лежит в основе агентской проблемы. Она заключается в том, что интерес членов органов управления состоит в достижении краткосрочных целей – в обозримые сроки (как правило, в сроки утверждения годовых отчетов) показать высокие финансовые результаты для получения годовых бонусов. К тому же срок полномочий членов органов управления обычно составляет несколько лет, и осуществлять долгосрочные цели, в которых заинтересована сама корпорация, им не представляет никакой выгоды, так как результаты таких целей могут проявить себя только после истечения срока полномочий, а бонус получают другие члены органов управления. Цель же коммерческой корпорации состоит в устойчивости бизнеса и извлечении прибыли, в том числе путем минимизации управленческих расходов. Таким образом, что касается управленческих расходов цели членов органов управления и корпорации являются разнонаправленными.

В противопоставление агентской теории теория управления (the stewardship theory) понимает под менеджером такое лицо, которое управляет компанией исключительно в своих интересах, однако интерес менеджмента заключается в обеспечении собственной деловой репутации, строящейся на успешности и эффективности управляемой компании (то есть реализация собственного интереса через максимальное удовлетворение интересов компании)³⁵¹. В таком случае не должно возникать никакого конфликта интересов между членами органов управления и корпорацией.

На охрану интересов корпорации как центрального звена в корпоративных правоотношениях от недобросовестных действий членов органов управления направлен ряд положений ККУ. Такие положения следует рассматривать как средство реализации принципа добросовестности членов органов управления. Приведем некоторые из них.

³⁵¹ Barclift Z.J. Fuzzy logic and corporate governance theories // Pierce Law Review. 2007. Vol. 6, N. 2, P. 189-193.

Личные и профессиональные качества члена совета директоров и его репутация не должны вызывать сомнений в том, что он будет действовать в интересах общества и его акционеров. В связи с этим членом совета директоров рекомендуется выдвигать и избирать лицо, имеющее безупречную деловую и личную репутацию и обладающее знаниями, навыками и опытом, необходимыми для принятия решений, относящихся к компетенции совета директоров, и требуемыми для эффективного осуществления его функций (п. 91 ККУ).

Наличие у члена совета директоров конфликта интересов является веским основанием сомневаться в том, что он будет действовать в интересах общества. В связи с этим не рекомендуется избирать в совет директоров лицо, являющееся участником, занимающее должности в составе исполнительных органов и (или) являющееся работником юридического лица, конкурирующего с обществом (п. 92 ККУ).

Членам совета директоров рекомендуется воздерживаться от действий, которые приведут или могут привести к возникновению конфликта между их интересами и интересами общества (п. 132 ККУ).

Члену совета директоров, у которого возник конфликт интересов, рекомендуется незамедлительно сообщить совету директоров через его председателя или корпоративного секретаря общества как о самом факте наличия конфликта интересов, так и об основаниях его возникновения. Такое сообщение должно быть в любом случае сделано до начала обсуждения вопроса, по которому у такого члена совета директоров имеется конфликт интересов, на заседании совета директоров или его комитета с участием такого члена совета директоров (п. 133 ККУ).

Несмотря на указание в названных положениях на членов совета директоров, рекомендуется применять указанные положения и к членам исполнительных органов общества (п. 140 ККУ).

Определив наличие собственного интереса членов органов управления, для исследования средств реализации принципа добросовестности необходимо выяснить, какими именно правами и обязанности наделены члены органов

управления. В законодательстве не предусмотрен формализованный перечень корпоративных прав и обязанностей членов органов управления, за исключением перечня прав членов коллегиального органа управления. Так, п. 4 ст. 65.3 ГК РФ предусмотрены следующие корпоративные права членов коллегиального органа управления корпорации:

- право получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией;
- право требовать возмещения причиненных корпорации убытков;
- право оспаривать совершенные корпорацией сделки и требовать применения последствий их недействительности.

Что касается обязанностей членов органов управления, п. 3 ст. 53 ГК РФ установлена общая обязанность членов органов управления действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно.

Необходимость установления средств реализации принципа добросовестности членами органов управления стали осознавать при возникновении первых компаний и проявлявшихся злоупотреблениях управленцев. Как писал А.И. Каминка, первые русские акционерные компании возникли в XVIII в. и уже тогда проявились злоупотребления участников, которые также занимались управлением делами, выразившиеся в использовании денежных средств других участников в личных интересах. Это привело к подрыву доверия к акционерным обществам и их ликвидации. Во второй половине XVIII в. были созданы Нижегородская и Воронежская компании, в которых наряду с общим собранием и директорами к членам органов управления компании относились директора-распорядители, избираемые общим собранием из числа участников. Они должны были следить за исполнением обязанностей директорами. А в уставе Российско-Американской компании была зафиксирована обязанность директоров владеть определенным количеством акций компании, что обеспечивало личную заинтересованность³⁵².

³⁵² Каминка А.И. Акционерные компании: юридическое исследование. Т. I. СПб.: Типо-лит. А.Е. Ландау, 1902. С. 337 - 360.

Также директора стали нести ответственность перед корпорацией за причиненный вред. Как верно отмечал Г.Ф. Шершеневич: «Они стоят во главе торгового предприятия, управляют им на самых широких основах полномочия, и потому они не могут быть освобождены от ответственности за вред, причиняемый ими товариществу своим небрежным, невнимательным отношением к его делам»³⁵³.

Таким образом, еще в XVIII в. применялись средства реализации принципа добросовестности членов органов управления, аналогичные существующим в действующем российском праве.

Так, функциям директоров-распорядителей по контролю за деятельностью директоров в некоторой степени соответствуют функции ревизионной комиссии (ст. 85 Закона об АО). Обязанностям владеть акциями компании соответствует рекомендация п. 4.2.2 ККУ о разработке опционных программ для вознаграждения членов органов управления. Ответственность за убытки, причиненные корпорации членами органов управления, предусмотрена ст. 53.1 ГК РФ.

Обязанность действовать в интересах представляемого юридического лица добросовестно и разумно

Обязанность членов органов управления действовать добросовестно зачастую рассматривают как фидуциарную обязанность³⁵⁴. Согласно одному из подходов отличительной чертой фидуциарных отношений является лично-доверительный характер, а признаками: безвозмездность, возможность одностороннего отказа от исполнения обязательства в связи с утратой доверия³⁵⁵. Исходя из такого подхода, обязанность членов органов управления юридического лица нельзя рассматривать как фидуциарную, так как только в редких случаях члены органов управления реализуют свои обязанности безвозмездно. При ином

³⁵³ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. I. Введение. Торговые деятели. М.: Статут, 2003. С. 425.

³⁵⁴ См., напр.: Гутников О.В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // Гражданское право. 2019. № 6 // СПС КонсультантПлюс; Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018 // СПС КонсультантПлюс; Текутьев Д.И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. М.: Статут, 2017 // СПС КонсультантПлюс. Также Приказ Росимущества от 21.11.2013 № 357 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы Совета директоров в акционерном обществе».

³⁵⁵ Российское гражданское право. С. 352. (Автор главы – В.С. Ем).

подходе под фидуциарной обязанностью понимают обязанность действовать в чьих-то интересах³⁵⁶, обязанность по ведению чужого дела³⁵⁷.

Как верно замечает О.В. Гутников: «На первое место в этих отношениях становится доверие к профессиональным и деловым качествам лица, оказывающего соответствующие услуги, и как следствие такого доверия – предоставление фидуциару максимально широкой свободы усмотрения в том, каким образом эти услуги оказывать. <...> Наличие максимальной свободы при осуществлении своих правомочий в чужом интересе, основанной на доверии к профессиональным и деловым качествам фидуциара, делает фидуцианта слабой стороной в соответствующем правоотношении, поскольку фактические или юридические последствия ненадлежащего ведения дела со стороны фидуциара могут быть необратимыми. Поэтому и возникает проблема доверия, так как, пренебрегая доверием, управомоченное лицо может злоупотребить своими дискреционными правомочиями и осуществить их небрежно или в своих интересах, а не в интересах того, кто ему доверил право или имущество. Это влечет возложение на фидуциара усиленной обязанности прилагать максимальные усилия по ведению чужого дела и действовать добросовестно, избегая конфликта собственных интересов с интересами фидуцианта»³⁵⁸.

Несмотря на то, что последний подход к фидуциарным обязанностям вполне может быть применим к обязанности членов органов управления действовать добросовестно, считаем, что в настоящем исследовании нецелесообразно дальнейшее рассмотрение обязанности действовать добросовестно через призму фидуциарной обязанности. Во-первых, такой подход направлен на отражение связи членов органов управления, формирующих волю юридического лица, и самой корпорации и ее участников, доверивших управление делами иному лицу. Для целей рассмотрения средств реализации принципа добросовестности членами органов управления фидуциарный подход оказывается непригоден и не соответствует цели исследования. Во-вторых, мы

³⁵⁶ Махалин И.Н. Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия под маской английской шпионки // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 152 - 200.

³⁵⁷ Гутников О.В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // СПС КонсультантПлюс.

³⁵⁸ Там же // СПС КонсультантПлюс.

поддерживаем точку зрения Д.В. Ломакина, который считает, что концепция фидуциарных обязанностей чужда российскому праву, так как имеет сугубо национальную почву, сформированную в праве справедливости для установления стандарта поведения субъектов корпоративных правоотношений, в российском же праве концепция фидуциарных обязанностей поглощается нормами-принципами³⁵⁹.

Во второй главе исследования мы писали, что на членов органов управления возлагается обязанность действовать добросовестно активного характера.

За нарушение обязанности членом органа управления действовать добросовестно в интересах юридического лица ст. 53.1 ГК РФ предусмотрена гражданско-правовая ответственность в виде убытков, причиненных по его вине юридическому лицу.

Такая ответственность является одним из основных средств реализации принципа добросовестности членами органов управления общества. Нельзя не согласиться с И.С. Шиткиной, которая пишет: «Применительно к ответственности членов органов управления корпораций значение имеют также превентивная и стимулирующая функции – ожидание негативных правовых последствий предостерегает лицо от совершения ошибок и возможных злоупотреблений и мотивирует его на разумное и добросовестное исполнение обязанностей»³⁶⁰.

Несмотря на то, что в литературе встречается критика недостаточно конкретизированной обязанности действовать добросовестно и указывается на необходимость более четкой разработки обязанностей членов органов управления³⁶¹, А.В. Габов справедливо отмечает: «Конечно, точно описать границы правомерного поведения без использования «каучуковых» формулировок сложно и даже едва ли возможно. Никуда не уйти от слов

³⁵⁹ Ломакин Д.В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. 2019. № 4. С. 8.

³⁶⁰ Шиткина И.С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2015. № 2 // СПС КонсультантПлюс.

³⁶¹ Целовальникова И.Ю. Гражданско-правовая ответственность участников корпоративных отношений // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 // СПС КонсультантПлюс.

«добросовестность», «разумность» и т.п. Сфера управления вообще не поддается в полной мере описанию строгих и закрытых юридических формул. В сущности, анализ иностранного законодательства показывает, что такие границы также описываются чаще всего общими формулировками»³⁶².

Основанием гражданско-правовой ответственности по ст. 53.1 ГК РФ является совершение правонарушения, а именно – нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица. Для наступления ответственности требуется одновременно наличие следующих условий (состав правонарушения):

- противоправный характер деяния;
- наличие вреда или убытков;
- причинная связь между противоправным поведением и возникшими негативными последствиями для корпорации;
- вина члена органа управления³⁶³.

Противоправным признается такое «поведение, которое нарушает императивные нормы права либо санкционированные законом условия договоров»³⁶⁴.

Обязанность членов органов управления действовать в интересах юридического лица добросовестно установлена в п. 3 ст. 53 ГК РФ и является императивной, соответственно нарушение этой обязанности является противоправным деянием.

Важным представляется вопрос о разграничении недобросовестного поведения как основания правонарушения и вины как элемента состава правонарушения.

Необходимость решения проблемы соотношения вины и противоправности подчеркивают Ю.Г. Лескова, Ю.Д. Жукова и К.П. Павлова, которые пишут, что, хотя на членов органов управления и не распространяется правило о безвиновной

³⁶² Габов А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7 // СПС КонсультантПлюс.

³⁶³ Российское гражданское право. Т. 1 // СПС КонсультантПлюс. (Автор главы – Е.А. Суханов).

³⁶⁴ Там же // СПС КонсультантПлюс.

ответственности, ввиду смешения вины и противоправности фактически она таковой и становится, что не представляется удовлетворительным³⁶⁵.

И.С. Шиткиной утверждает, что недобросовестность – это объективное обстоятельство, а вина – субъективное основание ответственности³⁶⁶.

По нашему мнению, разграничение вины и противоправности при привлечении к ответственности членов органов управления за нарушение обязанности действовать добросовестно необходимо, так как возможны ситуации, когда по всем внешним признакам поведение лица свидетельствует о недобросовестности, однако субъективное отношение лица к совершенному им деянию и проявленная им осмотрительность доказывают обратное. В этом случае нет состава правонарушения в виде недобросовестного осуществления обязанностей, причинившего убытки обществу. Так, если директор инвестиционной компании принял решение вложить имущество компании в недавно зарегистрированный стартап с минимальным размером уставного капитала, по внешним признакам его действия выглядят недобросовестными. Однако директор может доказать отсутствие вины, показав, что в достаточной степени изучил информацию и бизнес-план стартапа перед вложением средств, но, учитывая рисковый характер – возможность получить большую прибыль или потерять вложенные средства, компания понесла убытки.

Согласно позиции п. 1 Постановления № 62 поскольку судебный контроль призван обеспечивать защиту прав юридических лиц и их учредителей (участников), а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами, директор не может быть привлечен к ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в случаях, когда его действия (бездействие), повлекшие убытки, не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска.

³⁶⁵ Лескова Ю.Г., Жукова Ю.Д., Павлова К.П. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: тенденции развития российского законодательства и опыт зарубежных стран // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2 // СПС КонсультантПлюс.

³⁶⁶ Шиткина И.С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2015. № 2 // СПС КонсультантПлюс.

В.В. Долинская под риском понимает: 1) неоднозначность обстоятельств, которые сопутствовали ответчику при принятии им анализируемого решения; 2) возможность проявления как благоприятных для организации, так и негативных последствий предпринятых шагов; 3) необходимость выбора стратегии как одного из выражений самого процесса управления компанией³⁶⁷.

Учет вины предотвращает от вмешательства суда в самостоятельность принимаемых директором деловых решений, которое нередко базируется на ретроспективном искажении.

Под ретроспективными искажениями следует понимать оценку обстоятельств постфактум, когда известны все условия. Как пишет И.Л. Амирян, судьи, оценивающие правомерность действий директора, «будут подвергаться влиянию когнитивных искажений, а именно феномена *hindsight bias*, он же феномен «я так и знал», или ретроспективных искажений, при которых наступившие события воспринимаются как самоочевидные, ожидаемые и легко прогнозируемые. Названный феномен обусловлен практически неспособностью разума занять прежнюю позицию, зная об уже произошедших переменах»³⁶⁸.

Таким образом, выделение вины как необходимого элемента состава правонарушения способствует учету предпринимательского риска и предотвращает ретроспективные искажения.

Однако в некоторых случаях суды по делам о привлечении членов органов управления к ответственности не исследуют вопрос вины, толкуя внешние признаки недобросовестности как достаточные для привлечения директора к ответственности³⁶⁹.

В п. 5 ст. 10 ГК РФ установлена презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений, поэтому на истце лежит бремя доказывания недобросовестности члена органа управления. Однако, если ответчик

³⁶⁷ Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 327.

³⁶⁸ Амирян И.Л. Разумно ли требование разумного поведения директора? Или «поведенческая юриспруденция» // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления». 2020. № 4.

³⁶⁹ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.06.2021 N Ф05-16163/2019 по делу N А40-67976/2016 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.06.2021 N Ф09-1577/21 по делу N А76-20500/2020 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.05.2021 N Ф01-1824/2021 по делу N А82-13705/2018 // СПС КонсультантПлюс.

отказывается от дачи пояснений или дает неполные и противоречивые пояснения, суд правомочен посчитать такое поведение члена органа управления недобросовестным и переложить бремя доказывания добросовестности на него (п. 1 Постановления № 62).

Также установлены презумпции недобросовестности действий члена органа управления. Так, недобросовестность считается доказанной, в частности, когда такое лицо:

1) действовало при наличии конфликта между его личными интересами (интересами аффилированных лиц) и интересами юридического лица, в том числе при наличии фактической заинтересованности в совершении юридическим лицом сделки, за исключением случаев, когда информация о конфликте интересов была заблаговременно раскрыта и действия члена органа управления были одобрены в установленном законодательством порядке;

2) скрывало информацию о совершенной им сделке от участников юридического лица (в частности, если сведения о такой сделке в нарушение закона, устава или внутренних документов юридического лица не были включены в отчетность юридического лица) либо предоставляло участникам юридического лица недостоверную информацию в отношении соответствующей сделки;

3) совершило сделку без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица;

4) после прекращения своих полномочий удерживает и уклоняется от передачи юридическому лицу документов, касающихся обстоятельств, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица;

5) знало или должно было знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица, например совершило сделку (голосовал за ее одобрение) на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т.п.)³⁷⁰.

³⁷⁰ П. 2. Постановления № 62 // СПС КонсультантПлюс.

Представляется, что данный перечень презумпций не является исчерпывающим, об этом, на наш взгляд, свидетельствует формулировка «в частности» перед перечислением презумпций.

К недобросовестному осуществлению обязанностей директором относится ненадлежащая организация системы управления, в том числе выбор некомпетентных сотрудников (п. 5 Постановления № 62). Такой подход предотвращает ситуации, когда недобросовестный директор передает полномочия работникам, не проявляя заботу об их надежности и компетентности, а при предъявлении к нему иска заявляет о том, что к деяниям, причинившим убытки, причастны иные работники³⁷¹. Так, в одном из дел директор был привлечен к ответственности за убытки, возникшие в результате продажи финансовым директором автомобиля компании по нерыночной цене³⁷². В другом деле солидарно были привлечены к ответственности за убытки директор и начальник управления за изменение последней схемы поставок, следствием которой стало возникновение убытков у общества³⁷³.

Однако квалификация директора как недобросовестного за ненадлежащую организацию системы управления требует дальнейшей проработки, так как ответственность директоров за порядочность и компетентность всех работников представляется спорной и ведет к оттоку профессиональных и добросовестных кадров от занятия позиций в исполнительных органах. Ни одно добросовестное лицо даже при должной оценке не может гарантировать стопроцентную надежность иного субъекта.

В этой связи следует поддержать позицию Верховного Суда Российской Федерации, который в одном из недавних дел о привлечении к субсидиарной ответственности членов совета директоров и членов правления банка указал

³⁷¹ Не является критерием добросовестности директора также довод о том, что согласно внутренним документам, принятым таким директором, какой-либо вопрос относится к компетенции иных должностных лиц. Иначе возникали бы ситуации, в которых недобросовестный директор с целью исключения своей ответственности перераспределял свою компетенцию между подчиненными должностными лицами (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 N 307-ЭС17-11745(2) по делу N А56-83793/2014 // СПС КонсультантПлюс).

³⁷² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.04.2018 N 09АП-5173/2018-АК по делу N А40-255075/2016 // СПС КонсультантПлюс.

³⁷³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2018 N Ф05-21923/2017 по делу N А40-13997/17 // СПС КонсультантПлюс.

следующие критерии добросовестности ответчиков: совершение (одобрение) сделки на основании положительного заключения профильного подразделения банка; отсутствие доказательств принятия решения при неполной или недостоверной информации; отсутствие аффилированности заемщиков и членов органов управления корпорации³⁷⁴.

Средством реализации принципа добросовестности членами органов управления является позиция, выраженная в п. 7 Постановления № 62, согласно которой не несут ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу, те члены коллегиальных органов юридического лица, кто голосовал против решения, которое повлекло причинение убытков, или, действуя добросовестно, не принимал участия в голосовании. Так, лица, которые являются членами коллегиальных органов управления и, как правило, получают за это вознаграждение, не могут просто так уклоняться от принятия решений, чтобы недобросовестно избежать ответственности.

Спорной представляется следующая позиция из Обзора Президиума Верховного Суда РФ. Ссылка единоличного исполнительного органа на то, что он исполнял решение общего собрания, не освобождает его от ответственности за убытки, причиненные обществу. Лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа, вправе не выполнять указания, содержащиеся в решениях общего собрания акционеров, если это принесет вред интересам общества³⁷⁵. С одной стороны, директор действительно обладает некоторой автономностью по отношению к другим органам юридического лица³⁷⁶ и несет собственные обязанности действовать добросовестно в интересах юридического лица, а не в интересах его отдельных участников. С другой стороны, как пишет И.С. Чупрунов: «Если акционеры одобрили совершение некоторой сделки, как того требует закон или устав, значит, воля корпорации по

³⁷⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2021 N 305-ЭС18-13210(2) по делу N А40-252160/2015 // СПС КонсультантПлюс.

³⁷⁵ П. 16 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.

³⁷⁶ Кузнецов А.А. Новые тенденции судебной практики по корпоративным спорам: комментарий некоторых положений Обзора ВС РФ от 25.12.2019 // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2020. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

данному вопросу была сформирована. При этом никаким иным образом она в принципе не может быть сформирована, поскольку никто иной не обладает полномочиями по принятию соответствующего решения. Как следствие, директор по общему правилу должен эту волю реализовывать»³⁷⁷. В связи с этим, «по общему правилу директор должен освобождаться от ответственности, если действует на основании решения акционеров»³⁷⁸. С точки зрения принципа добросовестности, в данном случае вопросы должны возникать скорее к добросовестности акционеров, которые голосуют за согласование какой-либо сделки, а затем предъявляют иск о взыскании убытков, возникших в результате этой сделки, директору.

В одном из дел суд указал, что хотя у директора и остается обязанность действовать добросовестно в интересах общества вне зависимости от согласования сделки участниками, из совокупности обстоятельств дела следует, что действия директора были разумными и добросовестными, а в действиях истца имеются признаки злоупотребления правом. Намерение по заключению соглашения и инициатива его одобрения исходила не от директора, а от акционеров общества. Соглашение было надлежащим образом одобрено единогласным решением всех акционеров, а в дальнейшем они были полностью проинформированы о его условиях³⁷⁹.

Считаем, что критерий единогласного решения акционеров заключить сделку, должен по общему правилу являться основанием для признания действий директора добросовестными и освобождать его от ответственности за убытки, причиненные в результате совершения сделки. Однако с учетом того, что

³⁷⁷ Чупрунов И.С. Влияние одобрения акционеров на ответственность директора перед корпорацией. Развернутый комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.09.2019 N 305-ЭС19-8975 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 7 // СПС КонсультантПлюс.

³⁷⁸ Там же // СПС КонсультантПлюс.

³⁷⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.04.2021 по делу № А40-5992/2018 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.07.2021 N Ф05-22659/2018 по делу N А40-5992/2018 // СПС КонсультантПлюс. Иные судебные дела, в которых единогласное согласование сделки участниками стало причиной освобождения от ответственности директора: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.06.2020 N Ф01-10833/2020 по делу N А82-8283/2019 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.05.2017 N Ф04-209/2017 по делу N А45-9954/2016 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.12.2016 N Ф05-18885/2016 по делу N А40-242180/2015 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.11.2016 N Ф02-5092/2016 по делу N А33-17413/2014 // СПС КонсультантПлюс.

директор глубже погружен в деятельность компании и владеет информацией, он может вынести на общее собрание сделку, заведомо не отвечающую интересам общества в своих личных целях, и предоставить акционерам недостоверную информацию, поэтому при решении вопроса о привлечении директора к ответственности необходимо учитывать степень влияния директора на заключение сделки.

Средством реализации принципа добросовестности членами органов управления является возможность освобождения от субсидиарной ответственности при банкротстве юридического лица за невозможность полного погашения требований кредиторов, если они докажут свою добросовестность.

Согласно п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве контролирующее должника лицо³⁸⁰, вследствие действий или бездействия которого невозможно полностью погасить требования кредиторов, не несет субсидиарной ответственности, если докажет, что его вина в невозможности полного погашения требований кредиторов отсутствует. Такое лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности, если оно действовало согласно обычным условиям гражданского оборота, добросовестно и разумно в интересах должника, его учредителей (участников), не нарушая при этом имущественные права кредиторов, и если докажет, что его действия совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов.

Спорной с точки зрения реализации принципа добросовестности является возможность освобождения от субсидиарной ответственности номинальных директоров.

Номинальный директор – это лицо, которое «формально обладает полномочиями, однако в действительности осуществлять их не намерен, осознанно отказавшись от реализации своей правосубъектности. Тем самым роль такого лица имеет инструментальный характер; самостоятельных управленческих

³⁸⁰ Члены органов управления, как правило, признаются контролирующими должника лицами.

решений оно, как правило, не принимает, действуя согласно указаниям, транслируемым истинным волеобразующим субъектом»³⁸¹.

В п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве установлено, что суд вправе уменьшить размер или полностью освободить от субсидиарной ответственности лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, если это лицо докажет, что оно при исполнении функций органов управления или участника юридического лица фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица (осуществляло функции органа управления номинально), и если благодаря предоставленным этим лицом сведениям установлено фактически контролировавшее должника лицо или обнаружено скрывавшееся последним имущество должника или контролирующего должника лица.

С одной стороны, такие положения законодательства способствует реализации принципа добросовестности контролирующими лицами, для которых увеличивается риск быть обнаруженными. Возможность освободиться от субсидиарной ответственности является хорошим стимулом для номинального директора, чтобы раскрыть информацию о лице, осуществляющем фактический контроль над юридическим лицом. Обратной стороной медали может стать стимулирование недобросовестного поведения лиц, которые за вознаграждение готовы вводить в заблуждение иных участников гражданского оборота, выступая в качестве директора, фактически таковым не являясь.

Однако средством реализации принципа добросовестности в этом случае может являться положение п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – Постановление № 53), согласно которому номинальный руководитель, например полностью передоверивший управление другому лицу на основании доверенности либо принимавший ключевые решения по указанию или при наличии явно выраженного согласия третьего лица, не имевшего

³⁸¹ Абрамов С.И. Правовое значение отношений контроля в контексте института несостоятельности (банкротства) // Право и экономика. 2020. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

соответствующих формальных полномочий (фактического руководителя), не утрачивает статус контролирующего лица, поскольку подобное поведение не означает потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождает номинального руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его поведением, а также по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом. Рассматривая вопрос об уменьшении размера субсидиарной ответственности номинального руководителя, суд учитывает, насколько его действия по раскрытию информации способствовали восстановлению нарушенных прав кредиторов и компенсации их имущественных потерь³⁸².

Таким образом, при принятии решения о выполнении функций номинального директора лицу необходимо осознавать последствия. Во-первых, оно приобретает статус контролирующего лица и берет на себя все обязанности, которые возлагаются на членов органов управления. Во-вторых, освободиться или уменьшить размер субсидиарной ответственности оно сможет только в случае, если раскрытая им информация поможет восстановить права кредиторов. Вероятность таких последствий, на наш взгляд, способствует увеличению количества отказов от принятия статуса номинального директора, а приведенные правовые нормы и позиции из судебных актов являются правовыми средствами реализации принципа добросовестности.

В настоящий момент Минэкономразвития России разработан Проект Федерального закона «О внесении изменения в главу VIII Федерального закона «Об акционерных обществах» в части создания правового механизма, предотвращающего вхождение в состав органов управления публичных обществ недобросовестных лиц». Указание полного наименования в настоящем исследовании неслучайно. Оно демонстрирует направленность данного акта именно на борьбу с недобросовестным поведением участников корпоративных правоотношений. В пояснительной записке указано следующее: «Законопроект

³⁸² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС КонсультантПлюс.

разработан в целях повышения эффективности корпоративного управления, предотвращения возможных рисков, а также недопущения недобросовестной коммерческой практики». По проекту членом органа управления в публичном акционерном обществе не сможет быть тот, кто, например, имеет неснятую либо непогашенную судимость за умышленное преступление; в течение последних трех лет привлекался к субсидиарной ответственности в случае банкротства хозяйственного общества или к ответственности в виде взыскания убытков в пользу такой организации³⁸³.

К средствам реализации принципа добросовестности членов органов управления можно отнести институт страхования ответственности. На данный момент законодательство не содержит положений о страховании ответственности членов органов управления, а действующее правовое регулирование не позволяет в полной мере использовать институт страхования по отношению к ответственности членов органов управления юридического лица³⁸⁴. Однако данный вопрос давно обсуждается в литературе со ссылками на успешный опыт зарубежных стран³⁸⁵.

Также ККУ содержит рекомендацию для обществ осуществлять страхование ответственности членов органов управления с обоснованием необходимости, которое целесообразно привести в настоящем исследовании:

³⁸³ Проект Федерального закона «О внесении изменения в главу VIII Федерального закона «Об акционерных обществах» в части создания правового механизма, предотвращающего вхождение в состав органов управления публичных обществ недобросовестных лиц» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 02/04/05-21/00116450) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 31.05.2021) // СПС КонсультантПлюс.

³⁸⁴ «На данный момент, во-первых, такой договор может квалифицироваться как договор страхования гражданско-правовой ответственности (ст. 932 ГК РФ) и, соответственно, на этом основании быть признан ничтожным (в связи с тем, что такой вид страхования прямо законом не предусмотрен, как того требует соответствующая статья). Во-вторых, в силу п. 2 ст. 932 ГК РФ по договору страхования риска ответственности за нарушение договора может быть застрахован только риск ответственности самого страхователя. Вместе с тем на практике страхователем чаще всего выступает само общество, поскольку страховать свою ответственность многие директора и члены советов директоров российских компаний пока не готовы. По указанным причинам одной из позитивных, с нашей точки зрения, инициатив является предложение предусмотреть в законодательстве положения о страховании ответственности членов совета директоров и лиц, занимающих должность единоличного исполнительного органа общества, а также синхронизировать в этих целях корпоративное и налоговое законодательство, чтобы позволить компаниям относить расходы на страхование к экономически оправданным затратам» (См.: Шиткина И.С., Буткова О.В. Риск привлечения к ответственности директора и предпринимательская инициатива: поиск баланса // Закон. 2019. № 1 // СПС КонсультантПлюс).

³⁸⁵ Шиткина И.С., Буткова О.В. Там же // СПС КонсультантПлюс; Текутьев Д.И. Правовые проблемы страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ // Предпринимательское право. 2014. № 3 // СПС КонсультантПлюс; Габов А.В., Молотников А.Е. Проблемы правового регулирования страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ // Закон. 2012. № 9 // СПС КонсультантПлюс.

«Необходимо иметь в виду, что управление обществом представляет собой сложный процесс, сопряженный с возможностью того, что решения, принятые органами общества в результате разумного и добросовестного исполнения ими обязанностей, окажутся все же неверными и повлекут негативные последствия для общества. В связи с этим обществу рекомендуется за счет собственных средств осуществлять страхование ответственности членов совета директоров³⁸⁶, с тем чтобы в случае причинения убытков обществу или третьим лицам действиями членов совета директоров эти убытки могли быть возмещены. Страхование ответственности позволит не только компенсировать причиненные обществу убытки, но и привлечь в состав совета директоров компетентных специалистов, которые в противном случае опасались бы возможного предъявления к ним крупных исков»³⁸⁷.

Минэкономразвития России подготовило Проект Федерального закона³⁸⁸, в котором предлагается ввести специальное регулирование страхования риска гражданской ответственности членов органов управления хозяйственных обществ. Однако к страховщику, выплатившему страховое возмещение, перейдет право требования к лицу, умышленно причинившему убытки.

Таким образом, не сможет освободиться от ответственности лицо, совершившее недобросовестные деяния (например, директор, продавший активы общества по заниженной цене своим родственникам). Такое правовое регулирование будет являться средством реализации принципа добросовестности членами органов управления. Более того, возможность получения возмещения от страховой организации, вероятно, поспособствует увеличению количества исков к членам органов управления, так как страховые организации, как правило, более платежеспособны, чем члены органов управления, являющиеся, как правило, физическими лицами, что повышает шанс компенсации. В свою очередь, на

³⁸⁶ В п. 140 ККУ указано, что рекомендации следует распространять и на членов исполнительных органов общества.

³⁸⁷ П. 139 ККУ.

³⁸⁸ Проект Федерального закона «О внесении изменений в федеральные законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части законодательного закрепления возможности хозяйственных обществ страховать за свой счет имущественную ответственность членов органов управления, а также иных лиц» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 02/04/02-21/00113425) // СПС КонсультантПлюс.

недобросовестных членов органов управления лягут обязательства перед страховыми организациями.

В качестве правовых средств реализации принципа добросовестности членами органов управления также следует рассматривать положения законодательства и уставов обществ, устанавливающие порядок совершения экстраординарных сделок.

Под экстраординарной сделкой понимают такую сделку, которая «по каким-либо основаниям выходит за пределы обычной деятельности хозяйственного общества, ее совершающего, и в отношении которой для создания участникам соответствующих отношений дополнительных гарантий, обеспечения их законных интересов законодательством или уставом установлен особый режим»³⁸⁹. Под общим понятием – экстраординарная сделка – объединяют следующие сделки: крупные сделки³⁹⁰; сделки, в совершении которых имеется заинтересованность³⁹¹; сделки, особый порядок совершения которых предусмотрен уставом общества.

Сделки, особый порядок совершения которых предусмотрен уставом общества, так называемая «уставная экстраординарность», предусмотрены в нормах о компетенции членов органов управления. Так, согласно п. 2 ст. 69 Закона об АО и п. 3.1 ст. 40 Закона об АО уставом общества может быть предусмотрена необходимость получения согласия совета директоров общества или общего собрания акционеров/участников общества на совершение

³⁸⁹ Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. Т. 2 // СПС КонсультантПлюс. (Автор главы – И.С. Шиткина).

³⁹⁰ Под крупной сделкой понимается сделка, выходящая за пределы обычной хозяйственной деятельности и при этом связанная с приобретением, отчуждением, возможностью отчуждения имущества или предусматривающая обязанность общества передать во временное владение или пользование имущества, цена или балансовая стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества (п. 1 ст. 78 Закона об АО, п. 1 ст. 46 Закона об ООО).

³⁹¹ Сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, признается сделка, в совершении которой имеется заинтересованность члена совета директоров общества, единоличного исполнительного органа, члена коллегиального исполнительного органа или лица, являющегося контролирующим лицом общества, либо лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания. Указанные лица признаются заинтересованными в совершении обществом сделки в случаях, если они, их супруги, родители, дети, полнородные и неполнородные братья и сестры, усыновители и усыновленные или подконтрольные им лица являются стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке; являются контролирующим лицом юридического лица, являющегося стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке; занимают должности в органах управления юридического лица, являющегося стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке, а также должности в органах управления управляющей организации такого юридического лица (п. 1 ст. 81 Закона об АО, п. 1 ст. 45 Закона об АО).

определенных сделок. Так, например, уставом ПАО «М.видео» к компетенции совета директоров отнесено согласование кредитных договоров, договоров банковских гарантий, договоров факторинга, договоров, направленных на приобретение или отчуждение недвижимого имущества, и иных³⁹².

Таким образом, для того чтобы члены исполнительных органов общества не могли распорядиться имуществом в существенных для общества масштабах ненадлежащим образом, в том числе недобросовестным, в законодательстве и некоторых уставах предусмотрены средства дополнительного контроля – экстраординарные сделки. И если крупные сделки и сделки с уставными ограничениями в большей степени являются правовым средством реализации разумности членов органов управления, предотвращая ненадлежащее использование имущества в значительных объемах или существенного значения для общества, хотя в некоторых случаях также направлены на реализацию принципа добросовестности. Например, в ситуациях, когда сделка не подпадает под формальное определение сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, но фактически у члена органа управления имеется неправомерный интерес в ее совершении. Смыслом института сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, является реализация принципа добросовестности путем предотвращения недобросовестных действий не в интересах общества в условиях конфликта интересов.

Соответственно, добросовестной реализации обязанности членами органов управления действовать добросовестно и разумно в интересах корпорации способствует целый ряд правовых средств: негативных, нейтральных и позитивных; законодательных, выработанных судебной практикой, исходящих из рекомендательных актов, основанных на корпоративном правотворчестве, договорных.

Право на вознаграждение

³⁹² Устав ПАО «М.видео» // Сайт «ПАО «М.видео»». URL: <https://www.mvideoeldorado.ru/ru/shareholders-and-investors/objazatelnoe-raskrytie-informacii/vnutrennie-dokumenty> (дата обращения: 27.07.2021).

При исследовании правовых средств реализации принципа добросовестности следует обратиться к вопросу о материальном стимулировании членов органов управления, которое в некоторых случаях может являться стимулом не только к добросовестному поведению, но и к недобросовестным деяниям.

Практике известны различные виды материального стимулирования членов органов управления, например: выплата фиксированного вознаграждения, бонусы и премии, опционные программы, пенсионные планы.

С учетом того, что члены совета директоров зачастую не являются работниками общества, что в наибольшей степени способствует контрольной функции этого органа, выплата вознаграждения членам совета директоров является правом, а не обязанностью общества. Как пишет Г.В. Цепов, такой подход имеет исторические корни, так как изначально совет директоров, как правило, состоял из участников общества, имеющих непосредственный интерес в развитии общества, однако усложнение экономических отношений привело к формированию класса профессиональных управленцев, способных осуществлять стратегическое руководство³⁹³. И действительно, вряд ли можно требовать полной отдачи, направления действий на реализацию интереса корпорации под угрозой ответственности от лиц, действующих исключительно безвозмездно. Такое поведение будет отражать высшую степень добросовестности – альтруизм, который, как указывалось в первой главе исследования, конечно общественно полезен и одобряем, но не может являться стандартом поведения, требуемым от любого участника гражданских правоотношений.

Согласно п. 4.2.1. ККУ предпочтительной формой денежного вознаграждения членов совета директоров является фиксированное годовое вознаграждение, которое должно отражать ожидаемые временные затраты и необходимые усилия директора, связанные с подготовкой и участием в заседаниях совета директоров.

³⁹³ Цепов Г.В. Вознаграждение члена совета директоров: контрактный подход // Закон. 2018. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

Решение о выплате вознаграждения членам совета директоров относится к компетенции общего собрания (п. 2 ст. 64 Закона об АО; п. 2 ст. 32 Закона об ООО). Это же касается и опционных программ для членов совета директоров³⁹⁴. Вопрос вознаграждения исполнительных органов общества может относиться как к компетенции общего собрания, так и к компетенции совета директоров общества. Такой порядок предотвращает возможность принимать решение о выплате вознаграждения в отношении себя, что очевидно могло бы приводить к недобросовестным действиям³⁹⁵. В п. 4.1.2. ККУ рекомендуется, чтобы политика общества по вознаграждениям разрабатывалась комитетом совета директоров по вознаграждениям, возглавляемым независимым директором, не являющимся председателем совета директоров (п. 2.8.2. ККУ). Смысл данной рекомендации состоит в том, чтобы миноритарные акционеры могли принять решение на общем собрании акционеров с учетом мнения и рекомендаций независимых директоров.

Не менее важным стимулом добросовестного поведения членов коллегиальных органов становится установление дифференцированного подхода к вознаграждениям в зависимости от степени участия, затраченного времени и качества принимаемых решений. Уравнительный же подход снижает мотивацию активных и добросовестных членов органов управления, а качество управления падает.

К числу важнейших позитивных правовых средств реализации принципа добросовестности членами исполнительных органов общества следует отнести опционные программы. Опционная программа представляет собой «стимулирующее средство повышения эффективности деятельности членов исполнительных органов, представляющее собой совокупность юридических фактов (сложный юридический состав) по наделению членов исполнительных

³⁹⁴ Постановление ФАС Поволжского округа от 12.08.2010 по делу N А06-7624/2009; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 29.01.2013 по делу N А56-52257/2011 // СПС КонсультантПлюс.

³⁹⁵ Возможность принятия решения о выплате вознаграждения в отношении себя сохраняется в обществах, в которых функцию единоличного исполнительного органа или члена коллегиального исполнительного органа или совета директоров выполняет мажоритарный акционер.

органов акциями (долями) компании с использованием юридической конструкции опционного договора»³⁹⁶.

Основной целью опционных программ является сближение долгосрочных интересов участников корпорации и членов органов управления, то есть минимизация проявлений агентской проблемы в связи с тем, что управленец становится в некоторой части и собственником. Иными словами, и участники, и члены исполнительных органов оказываются в одной лодке, когда ненадлежащее и недобросовестное управление влечет к риску собственных потерь в виде, например, уменьшения стоимости акций или невыплате дивидендов.

Существуют несколько вариантов опционных программ: классический опцион, когда член исполнительного органа получает акции компании после окончания срока опционной программы; фантомный опцион, когда член исполнительного органа фактически не получает акции компании, но получает денежную сумму в виде разницы между ценой акций в момент начала действия опционной программы и по истечении определенного в программе срока. Фантомный опцион был широко распространен в США в конце прошлого столетия, однако, как показала практика, стал причиной ряда злоупотреблений, когда члены органов управления недобросовестно влияли на отчетность компаний для получения больших денежных сумм³⁹⁷.

Опираясь на позиции, высказанные в правовой литературе,³⁹⁸ можно сделать вывод о том, что направленность системы материального стимулирования членов органов управления на реализацию принципа добросовестности обеспечивается, помимо прочего, следующими условиями: прозрачностью системы материального стимулирования членов органов управления и доступностью акционерам информации обо всех фактических выплатах;

³⁹⁶ Текутьев Д.И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации // СПС КонсультантПлюс.

³⁹⁷ Текутьев Д.И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации // СПС КонсультантПлюс.

³⁹⁸ Там же; Текутьев Д.И. Опционная программа как средство повышения эффективности деятельности членов органов управления хозяйственных обществ // Право и экономика. 2014. № 12. С. 25 - 31; 2015. № 3 // СПС КонсультантПлюс; Текутьев Д. Правовые аспекты выплаты вознаграждений членам совета директоров хозяйственных обществ // Актуальные проблемы предпринимательского права / под ред. А.Е. Молотникова. М.: Стартап, 2015. Вып. IV. // СПС КонсультантПлюс.

установлением системы материального стимулирования во внутренних документах для понимания членами органов управления, как и в каких случаях они смогут получить вознаграждение.

Таким образом, различные способы материального стимулирования членов органов управления могут являться как позитивным правовым средством реализации принципа добросовестности, так и в некоторых случаях приводить к недобросовестным действиям.

В завершение настоящего раздела исследования необходимо обобщить сделанные выводы. Обязанность членов органов управления действовать в интересах юридического лица добросовестно по сравнению с общегражданской обязанностью действовать добросовестно предполагает активный характер – целевую деятельность, направленную на удовлетворение интересов юридического лица. К негативным правовым средствам реализации принципа добросовестности относятся возможность привлечения членов органов управления к ответственности за убытки или к субсидиарной ответственности при банкротстве корпорации, административная и уголовная ответственность, признание недействительным решения общего собрания или сделки общества. К нейтральным правовым средствам реализации принципа добросовестности можно отнести различные законодательные положения, положения уставов и внутренних документов, устанавливающие требования к корпоративным действиям и к лицам, занимающим должности в органах юридического лица; рекомендательные акты. В качестве позитивных правовых средств, стимулирующих добросовестное поведение, следует рассматривать опционные программы и премии.

§ 4. Реализация принципа добросовестности иными лицами, вовлеченными в корпоративные правоотношения

*Контролирующие лица*³⁹⁹

Ведение бизнеса с использованием корпоративной формы, несмотря на принцип ограниченной ответственности, сопряжен с различными рисками, в частности с риском ответственности как ответ на злоупотребление правом ведения бизнеса в корпоративной форме. С целью недопущения ответственности недобросовестные лица пытаются скрыть правовую связь с юридическим лицом, которым они фактически управляют.

Как пишет С.И. Абрамов, «...с учетом особенностей фактического контроля над субъектом экономической деятельности, который в случае подчинения формального руководителя или акционера воле бенефициара выступает лишь его инструментом или маской, конституирующим признаком выступает не возможность преодоления сопротивления, а реально существующая возможность реализации своей воли даже при отсутствии к этому правовых оснований. В рамках указанной парадигмы фактический контроль выступает более широкой категорией, чем формальный, поскольку может как получить правовое закрепление, так и оставаться латентным. Логическим завершением указанного рассуждения является признание именно фактического контроля в качестве единственного конституирующего признака соответствующих отношений и признания лица субъектом ответственности»⁴⁰⁰.

На лиц, осуществляющих контроль над корпорацией, в силу п. 3 ст. 53.1 ГК РФ возлагается обязанность действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно. Соответственно, на контролирующих лицах лежит обязанность действовать добросовестно активного характера, предполагающая целевую деятельность, направленную на реализацию интересов корпорации.

³⁹⁹ Так как понятие «контролирующее лицо» включает в себя как лиц, осуществляющих фактический контроль, так и лиц, осуществляющих контроль на основании владения акциями или долей в уставном капитале хозяйственных обществ, договоров, данный раздел исследования посвящен средствам реализации принципа добросовестности всеми указанными лицами.

⁴⁰⁰ Абрамов С.И. Указ. соч. // СПС КонсультантПлюс.

Одним из средств недопущения недобросовестного поведения контролирующих лиц являются установленные законодателем положения о том, что хозяйственное общество не может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица (п. 2 ст. 10 Закона об АО, п. 2 ст. 7 Закона об ООО). Так из российской экономики устранили так называемые «матрёшки», под которыми понималось юридическое лицо, созданное другим юридическим лицом, учредителем которого является еще одно юридическое лицо, и до бесконечности. Установить конечное лицо, в особенности когда в структуре оказывались иностранные компании, не всегда было просто и быстро.

Другой возможностью скрывать правовую связь с управляемыми лицами является формальная передача управления иным лицам – номинальным директорам, номинальным акционерам и участникам, которые лишь формально числятся в информационных системах и ставят подписи на документах, согласовывая любые действия с фактически контролирующим лицом. Существует целый рынок номинальных директоров, на сайтах по поиску работы можно найти множество вакансий. Номинальными участниками также часто становятся родственники, друзья и иные доверенные лица. У таких лиц юридически обычно нет имущества, которое могло бы восстановить законные интересы кредиторов в случае привлечения их к ответственности. Для защиты интересов общества, иных участников и самой корпорации законодателем был введен институт привлечения к ответственности контролирующих лиц.

Понятие «контролирующее лицо» представляет собой сложное полиотраслевое явление, охватывающее широкий круг общественных отношений.

В настоящем разделе исследования целесообразно привести определение, содержащееся в ст. 61.10 Закона о банкротстве. Под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения

должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Возможность определять действия должника может достигаться в силу нахождения с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения; в силу наличия полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии; в силу должностного положения (в частности, замещения должности руководителя должника или управляющей организации должника, члена исполнительного органа должника, главного бухгалтера, финансового директора, а также иной должности, предоставляющей возможность определять действия должника); иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом. Согласно п. 5 указанной статьи арбитражный суд может признать за лицом статус контролирующего должника лица по иным основаниям.

ФНС России в Письме от 16.08.2017 г. приводит примеры таких оснований, которыми могут быть любые неформальные личные отношения, в частности установленные оперативно-розыскными мероприятиями, например совместное проживание (в том числе состояние в т.н. гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (одноклассники, однокурсники)⁴⁰¹.

В соответствии с пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве предполагается, что лицо, которое извлекло выгоду из незаконного, в том числе недобросовестного, поведения руководителя должника является контролирующим.

Однако, как указано в п. 7 Постановления № 53, контролирующим может быть признано только лицо, которое извлекло существенную (относительно

⁴⁰¹ <Письмо> ФНС России от 16.08.2017 N СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ» // СПС КонсультантПлюс.

масштабов деятельности должника) выгоду в виде увеличения (сбережения) активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности.

Так, предполагается, что контролирующим должника является третье лицо, которое получило существенный актив должника, выбывший из владения последнего по сделке, совершенной руководителем должника в ущерб интересам возглавляемой организации и ее кредиторов (например на заведомо невыгодных для должника условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т.п.) либо с использованием документооборота, не отражающего реальные хозяйственные операции, и т.д.). Опровергая названную презумпцию, привлекаемое к ответственности лицо вправе доказать свою добросовестность, подтвердив, в частности, возмездное приобретение актива должника на условиях, на которых в сравнимых обстоятельствах обычно совершаются аналогичные сделки⁴⁰².

Надо признать, что указанная презумпция контроля дала карт-бланш недобросовестным кредиторам, которые стали обращаться с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности чуть ли ни ко всем крупным контрагентам должника. Многие такие кредиторы покупают требования к должнику за бесценок, а затем пытаются привлечь к ответственности его наиболее платежеспособных контрагентов. Единственная возможность преодолевать указанную презумпцию – доказывать добросовестность, подтверждая рыночный характер условий сделок и фактическое совершение хозяйственных операций между должником и контрагентом⁴⁰³. Согласно позиции СКЭС ВС РФ удовлетворение заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности свидетельствует о том, что суд в качестве причины банкротства признал недобросовестные действия ответчиков. И напротив, отказ в удовлетворении требований указывает на то, что в основе несостоятельности

⁴⁰² п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС КонсультантПлюс.

⁴⁰³ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.09.2020 N Ф09-5520/20 по делу N A07-8555/2016// СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.05.2016 N Ф03-1173/2016 по делу N A73-8118/2014 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.09.2020 N Ф05-6016/2015 по делу N A40-85776/2014 // СПС КонсультантПлюс.

лежат иные обстоятельства, связанные с объективными рыночными факторами, либо что принятая предприятием стратегия ведения бизнеса хотя и не являлась недобросовестной, но ввиду сопутствующего ведению предпринимательской деятельности риску не принесла желаемых результатов⁴⁰⁴.

Представляется, что презумпции контроля и факты наличия убытков у подконтрольного лица не должны освобождать суд от исследования вопросов вины контролирующего лица в причинении убытков. Факт контроля, наличие убытков и даже недобросовестное поведение – это внешние проявления – объективная сторона, но для установления состава правонарушения необходимо выяснить виновность лица как субъективную сторону. Однако, как показывает практика, суды далеко не всегда исследуют виновность. Так, в одном из дел суд указал: «для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по данному основанию достаточно установить факт существенной убыточности совершенной им сделки»⁴⁰⁵.

Последние годы увеличивается количество законопроектов и судебной практики в части усиления контроля над контролирующими лицами, в частности реализации ими принципа добросовестности.

Так, с 1 июля 2021 года вступил в силу закон, наделяющий Банк России полномочиями по: ведению перечней лиц, контролирующих банки, страховые организации и негосударственные пенсионные фонды; подаче заявления в суд о привлечении таких лиц к субсидиарной ответственности; аресту через суд их имущества, если у финансовых организаций образовался отрицательный капитал⁴⁰⁶.

Финансовая организация обязана проинформировать лицо, признанное Банком России контролирующим, о факте такого признания в течение одного рабочего дня (ст. 1, 2, 3 указанного закона). Можно предположить, что такое

⁴⁰⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2020 N 310-ЭС20-6760 по делу N A14-7544/2014 // СПС КонсультантПлюс.

⁴⁰⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.05.2021 N Ф07-6083/2021 по делу N A56-78123/2014 // СПС КонсультантПлюс.

⁴⁰⁶ Федеральный закон от 24.02.2021 N 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения ответственности лиц, контролирующих финансовую организацию» // СПС КонсультантПлюс.

положение поспособствует реализации принципа добросовестности контролирующими финансовыми организациями лицами. Так, после факта признания за лицом контроля такое лицо во избежание ответственности должно будет проявлять большее внимание к управлению подконтрольной организацией и реализации ее интереса, не говоря о том, чтобы действовать во вред финансовой организации.

В пояснительной записке к законопроекту в обоснование необходимости заранее обладать информацией о контролирующем лице указано следующее: «Сложность оперативного ограничения возможности распоряжения имуществом контролирующими финансовую организацию лицами позволяет им, действуя недобросовестно и предполагая будущее возложение на них субсидиарной ответственности и ответственности в форме взыскания убытков, предпринимать меры по сокрытию своего имущества, на которое может быть обращено взыскание в целях удовлетворения имущественных интересов кредиторов при банкротстве финансовой организации»⁴⁰⁷.

Согласно п. 5 указанного закона в случае отрицательного значения величины собственных средств (капитала) финансовой организации арбитражный суд по заявлению Банка России вправе наложить арест на имущество контролирующих лиц до подачи заявления о привлечении указанных лиц к субсидиарной ответственности.

Осознавая масштаб финансовых организаций, вовлеченность широкого круга лиц, огромное влияние на экономику страны⁴⁰⁸, нельзя сказать, что такое

⁴⁰⁷ Паспорт проекта Федерального закона N 909987-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения ответственности лиц, контролирующих финансовую организацию» (внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ И.А. Яровой, А.Г. Аксаковым, Н.П. Николаевым, В.И. Пискаревым, А.В. Андрейченко, Н.В. Коломейцевым, В.И. Лысаковым) // СПС КонсультантПлюс.

⁴⁰⁸ Особенно это касается крупных, так называемых системообразующих банков - «слишком больших, чтобы банкротиться» (too big to fail), банкротство которых имеет настолько масштабные последствия для макроэкономики, что государство с использованием бюджетных средств оказывает им поддержку: «...поскольку «системообразующие» банки являются источниками рисков для всей банковской системы, то к ним необходимо применять более жесткие, а не более лояльные пруденциальные требования и уделять больше надзорного внимания, чем всем остальным. Исходя из такого понимания, необходимо совершенствовать нормативные акты в области банковского регулирования и надзора. Сегодня можно констатировать общую международную тенденцию по закреплению на нормативном уровне отдельной категории «системообразующих» или «системно значимых банков», которые подлежат, с одной стороны, особому банковскому надзору, а с другой стороны, являясь, как правило, too big to fail, налагают на государства и регуляторов обязанность по предотвращению их банкротств». (Е.Б. Лаутс. Системно значимые кредитные организации (СЗКО) и предупреждение несостоятельности

положение способствует реализации принципа добросовестности контролирующими лицами. Такие меры скорее приведут к отказу добросовестных лиц к созданию финансовых организаций и ведению бизнеса в этой сфере, так как до выяснения обстоятельств дела и их добросовестности они будут ограничены права распоряжаться своим имуществом. Поэтому законодательной и правоприменительной практике необходимо вырабатывать четкие критерии целесообразности ареста, направленные к балансу предотвращения недобросовестного поведения и свободы предпринимательской деятельности, чтобы добросовестные лица точно понимали, что негативные последствия наступают только в случае недобросовестности.

И хотя сам по себе факт контроля не может считаться противоправным и не должен приводить к ответственности⁴⁰⁹, установление контроля существенно увеличивает шансы привлечения к ответственности при возникновении убытков у общества и кредиторов и повышает стандарт доказывания добросовестности действий.

К мерам, усиливающим ответственность контролирующих лиц и стимулирующим их добросовестность, можно отнести позицию Верховного Суда РФ, согласно которой контролирующее лицо можно привлечь к субсидиарной ответственности и вне рамок дела о банкротстве, если оно было прекращено из-за отсутствия имущества для осуществления банкротных процедур. Суд указал следующее:

«Субсидиарная ответственность контролирующего лица по своей сути является ответственностью данного лица по собственному обязательству – обязательству из причинения вреда имущественным правам кредиторов, возникшего в результате неправомерных действий (бездействия) контролирующего лица, выходящих за пределы обычного делового риска, которые явились необходимой причиной банкротства должника и привели к невозможности удовлетворения требований кредиторов (обесцениванию их

(банкротства) кредитных организаций (Предпринимательское право: современный взгляд: монография / отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019 // СПС КонсультантПлюс).

⁴⁰⁹ Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7 // СПС КонсультантПлюс.

обязательственных прав). Правовым основанием иска о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности выступают, помимо прочего, правила о деликте, в том числе закрепленные в ст. 1064 ГК РФ.

Обязательство, в частности деликтное, прекращается полностью или частично по основаниям, предусмотренным ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором (п. 1 ст. 407 ГК РФ).

Действующее законодательство, в том числе Закон о банкротстве, не содержит положений о том, что материальное право кредитора на возмещение вреда, причиненного контролирующим лицом, перестает существовать (прекращается), если этот кредитор, располагающий информацией о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, не предъявил соответствующий иск к причинителю вреда до прекращения производства по делу о банкротстве»⁴¹⁰.

Некоторые правоведы отмечают, что такой подход, во-первых, способствует еще большей нестабильности имущественного положения контролирующих лиц, которые в любой момент могут быть привлечены к ответственности; во-вторых, «для недобросовестных кредиторов позиция Верховного Суда РФ создает соблазн вовсе не заниматься банкротными процедурами (выявлять активы, пополнять конкурсную массу, оспаривать сделки), а способствовать быстрому прекращению производства по делу о банкротстве и подавать самостоятельные иски о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности»⁴¹¹.

Согласно п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве контролирующее должника лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности, если оно действовало согласно обычным условиям гражданского оборота, добросовестно и разумно в интересах должника, его участников, не нарушая при этом имущественные права кредиторов, и если докажет, что его действия совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов.

⁴¹⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2021 N 307-ЭС21-29 по делу N А56-69618/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁴¹¹ ВС одобрил «субсидиарку» без банкротства // Сайт «Право.ру». URL: https://pravo.ru/story/232489/?desc_chrono_4_1= (дата обращения: 01.07.2021).

Интересной с точки зрения принципа добросовестности представляется следующая позиция Президиума Верховного Суда РФ. Контролирующее лицо, которое пытается вернуть подконтрольное общество, пребывающее в состоянии имущественного кризиса, к нормальной предпринимательской деятельности посредством предоставления данному обществу финансирования (далее – «компенсационное финансирование»), в частности с использованием конструкции договора займа, то есть избравшее модель поведения, отличную от предписанной Законом о банкротстве, принимает на себя все связанные с этим риски, в том числе риск утраты компенсационного финансирования на случай объективного банкротства. Данные риски не могут перекладываться на других кредиторов. Таким образом, при банкротстве требование о возврате компенсационного финансирования не может быть противопоставлено их требованиям – оно подлежит удовлетворению после погашения требований независимых кредиторов, но приоритетно по отношению к требованиям иных участников юридического лица⁴¹².

Понижение очередности требований аффилированных с должником кредиторов именуется субординацией. Субординация стала ответом на многочисленные злоупотребления контролирующих лиц, которые путем выдачи займов на крупные суммы в предшествующие банкротству периоды, получали контроль над банкротными процедурами, в том числе выбор конкурсного управляющего, оспаривание сделок должника, подача заявления о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности⁴¹³.

Р.Т. Мифтахутдинов и А.И. Шайдуллин приводят следующий аргумент в пользу субординации: «правопорядок не должен допускать, чтобы какое-либо лицо одновременно могло совмещать в своих руках контроль над корпорацией (в

⁴¹² П. 3.1 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // СПС КонсультантПлюс.

⁴¹³ Мифтахутдинов Р.Т., Шайдуллин А.И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2020. № 9 // СПС КонсультантПлюс.

том числе над ее денежными потоками и т.п.) и возможность получения неограниченной прибыли в случае удачи бизнес-проекта, не неся при этом рисков провала всеми вложенными средствами вне зависимости от выбора способа финансирования. Чувству правовой справедливости противно равное отношение к тому, кто имеет на порядок больше возможностей по последующему принятию бизнес-решения об использовании соответствующих средств, контролю рисков несостоятельности должника и получению бонусов в случае выигрыша, и к тому, кто не имеет подобных прав»⁴¹⁴.

Аргументом против субординации может стать отсутствие у контролирующего лица стимулов по спасению бизнеса. Это в свою очередь имеет негативные последствия для работников компании и экономики в целом.

М.В. Телюкина называет субординацию «миной замедленного действия», которая влечет к крайне негативным последствиям для экономики, в связи с чем ее необходимо отменить или существенно скорректировать⁴¹⁵.

На наш взгляд, компенсационное финансирование не должно вести к понижению очередности, однако контролирующие и аффилированные с ними лица должны быть лишены права голоса на общем собрании кредиторов вследствие осуществления компенсационного финансирования. Такой подход не лишит стимулов добросовестных контролирующих лиц, но и исключит случаи злоупотребления правом, когда компенсационное финансирование используется исключительно для получения контроля над банкротными процедурами.

Согласно п. 3 ст. 53.1 ГК РФ лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания членам органов управления или лицам, действующим по доверенности, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу. Такая ответственность, по мнению Е.А. Суханова, является виновной деликтной

⁴¹⁴ Там же // СПС КонсультантПлюс.

⁴¹⁵ Телюкина М.В. Конкурсная трансформация механизмов осуществления гражданских прав // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / Отв. ред. Е.А. Суханов., А.Е. Шерстобитов. М.: Статут, 2021. С. 225-234.

ответственностью⁴¹⁶. Обязанность контролирующих лиц действовать добросовестно и разумно является проявлением требования активной добросовестности.

Важный вопрос ставит И.С. Шиткина, можно ли складывающуюся в банкротных делах практику о критериях контроля применять при установлении контроля в делах о взыскании убытков по п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Отвечая на вопрос, автор делает вывод, что такого быть не должно. Недобросовестность контролирующих лиц в делах о банкротстве влечет негативные последствия, как правило, для более широкого круга лиц, затрагивает публично-правовые интересы (занятость населения, уплата налогов, хозяйственный оборот, основанный на доверии кредиторов)⁴¹⁷. На наш взгляд, также значение имеет тот факт, что иные участники имеют более тесную и долгосрочную связь с контролирующим лицом, самостоятельно принимают решение об инвестировании денежных средств в общество и должны изучать информацию о его контролирующем лице. В случае смены контролирующего лица публичного акционерного общества в качестве средства защиты интересов акционеров предусмотрен институт обязательного предложения (ст. 84.2 Закона об АО), также участники хозяйственных обществ могут продать свои доли или акции, либо же выйти из общества с ограниченной ответственностью, если такой выход предусмотрен уставом (ст. 26 Закона об ООО).

Таким образом, контролирующее корпорацию лицо является одним из ключевых субъектов, добросовестность которого оказывает существенное влияние на состояние корпорации, соблюдение прав кредиторов и иных участников. В связи с этим, на контролирующих лиц возлагается обязанность действовать добросовестно активного характера, а в законодательстве и судебной практике за последние годы значительно увеличилось количество средств, направленных на реализацию принципа добросовестности контролирующими лицами. Негативными правовыми средствами реализации принципа

⁴¹⁶ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право // СПС КонсультантПлюс.

⁴¹⁷ Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7 // СПС КонсультантПлюс.

добросовестности контролирующих лиц является институт привлечения к ответственности за убытки или к субсидиарной ответственности при банкротстве корпорации, административная и уголовная ответственность, признание недействительным решения общего собрания или сделок общества. К нейтральным правовым средствам реализации принципа добросовестности следует отнести включение лица в перечень лиц, контролирующих банки, страховые организации и негосударственные пенсионные фонды.

Стороны квазикорпоративных договоров

В законодательстве предусмотрена возможность заключения соглашений об управлении обществом с лицами, не являющимися участниками. Так, в п. 9 ст. 67.2 ГК РФ установлено, что кредиторы общества и иные третьи лица могут заключить договор с участниками хозяйственного общества, по которому последние в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких третьих лиц обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств. К этому договору соответственно применяются правила о корпоративном договоре.

В науке такой договор получил наименование квазикорпоративного договора⁴¹⁸ в связи с тем, что к нему применяются положения о корпоративном договоре. Квалифицирующим признаком квазикорпоративного договора является присутствие в субъектном составе, как минимум, двух сторон, одна из которых является участником хозяйственного общества, а другая, напротив, не является.

⁴¹⁸ См. напр.: Бирюков Д. Квазикорпоративные договоры: новелла российского законодательства // Хозяйство и право. 2015. № 5; Осипенко О.В. Институт корпоративного договора в РФ. Новые модели // Вестник арбитражной практики. 2019. № 5; Шиткина И.С. Особенности развития современного корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9.

Е.А. Суханов выступал с критикой квазикорпоративного договора, считая неправильным распространение его действия на общество и третьих лиц⁴¹⁹.

Последствием нарушения квазикорпоративного договора может являться признание недействительным решения органа хозяйственного общества при условии, что на момент принятия органом хозяйственного общества соответствующего решения сторонами корпоративного договора являлись все участники хозяйственного общества (абз. 1 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ). На основании принципа добросовестности такой подход представляется справедливым, так как голосование на общем собрании сторонами квазикорпоративного договора в нарушение его положений, то есть вопреки взятым на себя обязательствам и ожиданиям стороны, является недобросовестным поведением.

Недействительной может быть признана и сделка, заключенная стороной квазикорпоративного договора в нарушение этого договора, в случае, если другая сторона сделки знала или должна была знать об ограничениях, предусмотренных корпоративным договором (абз. 3 п. 6 ст. 67. 2 ГК РФ).

Помимо предусмотренных законом последствий нарушения корпоративного договора, в самом квазикорпоративном договоре может быть предусмотрена неустойка как санкция за нарушение обязательств стороной договора.

Целью заключения квазикорпоративного договора во многих случаях является защита интересов кредиторов общества. Заключение квазикорпоративных договоров широко распространено в практике финансирования крупных проектов, чтобы инвестор мог защитить свои вложения, в том числе от недобросовестных действий, направленных на вывод активов из общества-должника. В этом смысле квазикорпоративный договор можно рассматривать как средство реализации принципа добросовестности заемщиком.

Однако квазикорпоративный договор может служить и инструментом для недобросовестного поведения. Например, все участники общества с ограниченной ответственностью подписали соглашение с кредитором, по условиям которого заключение любых договоров займа и кредита должно осуществляться с согласия

⁴¹⁹ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право // СПС КонсультантПлюс.

кредитора. Предположим, что компании требуются денежные средства для выплаты заработной платы в несезонный период, для чего она собирается взять кредит, однако кредитор, с которым заключен квазикорпоративный договор, отказывает в даче согласия, так как начал вести конкурирующую с обществом деятельность и заинтересован в прекращении деятельности обществом. Отказ кредитора является недобросовестным и противоречит интересам общества, но становится для общества обязательным.

В качестве возможного средства защиты от подобного недобросовестного поведения можно рассматривать следующее предложение Д.О. Бирюкова: «...участники корпорации могут предусмотреть в корпоративном (квазикорпоративном) договоре обязанность других сторон договора (участников корпорации, кредиторов, третьих лиц) возместить им потери, которые могут возникнуть в случае привлечения их к субсидиарной ответственности по долгам общества при его несостоятельности (банкротстве), если несостоятельность вызвана действиями участника общества, совершаемыми ими во исполнение обязательств перед другими сторонами корпоративного (квазикорпоративного) договора»⁴²⁰. Однако такая мера защищает интерес участников, но не само общество. В связи с этим, нельзя не согласиться с критикой распространения обязательной силы корпоративного и квазикорпоративного договора на общество, высказанной Е.А. Сухановым: «Компания – самостоятельное юридическое лицо. Поэтому любой европейский специалист по корпоративному праву вам скажет, что для нее соглашение не обязательно. У нас все не так просто. Если договор заключили все участники, то можно оспорить решение компании, нарушающее этот договор. Что это значит? Мы договорились все голосовать за одобрение этой сделки, а ты взял и проголосовал против. И мы не приняли решение. Значит, компания за это отвечает»⁴²¹.

⁴²⁰ Бирюков Д. Квазикорпоративные договоры: новелла российского законодательства // Хозяйство и право. 2015. № 5. Сайт «Шиткина и партнеры». URL: <http://shitkina-law.ru/upload/iblock/c3f/c3fa5d115518b722b8f3e697f329d8ad.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).

⁴²¹ Пискунов Я. Корпоративное соглашение - это бомба под весь наш оборот [Интервью с Е.А. Сухановым] // Закон. 2014. № 7 // СПС КонсультантПлюс.

В качестве недобросовестного поведения участников квазикорпоративного договора Д.О. Бирюков предлагает рассматривать включение в договор, сторонами которого являются не все участники общества, положений, явно противоречащих уставу общества, если это влечет или может повлечь ущемление прав и законных интересов других участников общества. В таком случае права из квазикорпоративного договора не подлежат защите как следствие злоупотребления правом⁴²².

Таким образом, квазикорпоративный договор может выступать как правовое средство реализации принципа добросовестности, как инструмент для осуществления недобросовестного поведения, как юридический акт, права из которого могут защищаться на основании принципа добросовестности. К негативным правовым средствам реализации принципа добросовестности стороны квазикорпоративного договора относятся убытки, неустойка, риск признания недействительным решения общего собрания или сделки общества, отказ в защите права.

Залогодержатели прав участников корпорации

Российское законодательство предусматривает возможность залога корпоративных прав. Так, в ст. 358.15 ГК РФ установлено, что залог прав акционера осуществляется посредством залога принадлежащих акционеру акций этого общества, залог прав участника общества с ограниченной ответственностью – посредством залога принадлежащей ему доли в уставном капитале общества.

Если иное не предусмотрено договором залога акций, удостоверяемые акциями права осуществляет залогодатель (акционер). Однако при залоге доли предусмотрено противоположное регулирование. Права участника общества осуществляются залогодержателем, если иное не предусмотрено договором залога доли (ст. 358.15 ГК РФ). Л.Ю. Василевская считает, что такой подход законодателя не вполне объясним⁴²³. По словам Р.С. Бевзенко: «Логика такого решения законодателя заключается, по всей видимости, в том, что в обществах с

⁴²² Бирюков Д.О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности // СПС КонсультантПлюс.

⁴²³ Василевская Л.Ю. Залог прав участников юридических лиц: проблемы и противоречия // Гражданское право. 2018. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

ограниченной ответственностью личная вовлеченность участников общества в управление делами общества значительно выше, чем в акционерных обществах, поэтому соответствующие корпоративные права целесообразно в целях контроля над активом (имуществом общества) изначально передать залогодержателю»⁴²⁴. С нашей точки зрения, осуществление корпоративных прав из доли по умолчанию залогодержателем может быть связано также с тем, что в обществах с ограниченной ответственностью и так установлена строгая процедура передачи доли в залог, учитывающая интересы других участников.

В отношении залога акций осуществляется достаточно гибкое регулирование. В п. 1 ст. 358.17 ГК РФ установлено, что договором залога ценной бумаги может быть предусмотрено осуществление залогодержателем всех или некоторых прав, принадлежащих залогодателю и удостоверенных заложеной ценной бумагой. Например, за залогодержателем может быть закреплено право на участие в общем собрании с повесткой дня о согласовании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, а за залогодателем (акционером) остается реализация иных прав акционера.

Учитывая определение общества с ограниченной ответственностью как объединения лиц, характеризующегося узким кругом участников, законодатель установил процедуру для передачи доли в залог третьим лицам, а залог прав участника невозможен без залога самой доли. Так, передача в залог доли возможна, если это не запрещено уставом общества и получено согласие общего собрания участников. Решение принимается простым большинством голосов, если необходимость большего числа голосов для принятия такого решения не предусмотрена уставом общества. Голос участника общества, который намерен передать в залог свою долю, при определении результатов голосования не учитывается (п. 1 ст. 22 Закона об ООО).

Так охраняется интерес участников, так как в противном случае участники оказывались бы в объединении с лицом – залогодержателем, согласие на

⁴²⁴ Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017 // СПС КонсультантПлюс.

объединение с которым они не давали, что противоречит такому свойству общества с ограниченной ответственностью как личный характер связей участников.

Возможность осуществления всех или части корпоративных прав из акций и долей залогодержателем делают его де-факто участником корпорации⁴²⁵. Однако законный интерес залогодержателя не всегда совпадает с интересом участника. Юридический же участник (акционер или участник) фактически лишается своих корпоративных прав, при этом закон не снимает с него обязанностей участника, предусмотренных ст. 65.2 ГК РФ. В связи с этим, особо остро стоит вопрос о добросовестности залогодержателя, который своим недобросовестным поведением может способствовать наступлению негативных последствий для участника.

Так, в частности, за нарушение обязанностей участником непубличного общества может последовать исключение в судебном порядке такого участника из общества, если он своими действиями (бездействием) причинил существенный вред товариществу или обществу либо иным образом существенно затрудняет его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось, в том числе грубо нарушая свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами общества (п. 1 ст. 67 ГК РФ).

Соответственно, неисполнение обязанностей залогодержателем может привести к исключению из состава участников залогодателя. К числу таких нарушений обязанностей можно отнести, например, неучастие в общих собраниях, в результате которого затрудняется деятельность общества или обществу причиняются убытки, если оно не может заключить выгодную сделку в отсутствие корпоративного согласования. Однако не все авторы согласны с возможностью исключения участника из общества в случае совершения таких действий (бездействия) залогодержателем. Так, Д.Г. Копылов считает, что

⁴²⁵ Однако, что касается залога прав на акции и доли, а не прав из акций и доли, то суды указывают, что залогодержатель не является участником корпорации, поэтому не обладает правом оспаривания решения общих собраний общества (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.04.2016 N Ф07-728/2016 по делу N А56-29184/2015 // СПС КонсультантПлюс).

участник не может быть исключен из общества, так как действия (бездействия) были совершены не им, а залогодержателем⁴²⁶.

По нашему же мнению, причинение существенного вреда обществу именно участником заключается в передаче прав участника в непубличном обществе лицу, которое причиняет вред обществу или затрудняет его деятельность.

Однако на практике возникают сложности, связанные с тем, что доля или акции исключенного участника переходят к обществу (пп. 4 п. 7 ст. 23 Закона об ООО⁴²⁷), но остаются в залоге у залогодержателя. Для решения данной проблемы представляется целесообразным внести изменения в законодательство, а именно в ч. 1 ст. 352 ГК РФ, и предусмотреть такое основание для прекращения залога как исключение участника из непубличного общества в результате недобросовестного поведения залогодержателя прав участника юридического лица.

Практике известны случаи недобросовестного осуществления прав залогодержателем. В одном из дел залогодержатель, осуществляя права участника с долей 100 % от уставного капитала, произвел смену генерального директора общества⁴²⁸. Целью такого поведения может стать узурпация контроля над обществом путем подписания дополнительных соглашений новым директором о переносе сроков исполнения основного обязательства – возврат денежных средств банку-залогодержателю. В другом деле суд встал на сторону залогодателя и признал договор залога доли недействительным на основании ст. 10 и ст. 168 ГК РФ в связи с тем, что залогодержатель использовал право в противоречие с его назначением (злоупотребил правом) и тем самым ввел в заблуждение залогодателя, используя конструкцию залога в целях установления контроля над обществом⁴²⁹.

⁴²⁶ Научно-практический комментарий к ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / Под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. Том 1. С. 412. (Автор комментария - Д.Г. Копылов).

⁴²⁷ В отношении акционерных обществ отсутствует законодательное регулирование последствий исключения акционера из общества, однако представляется допустимым применение по аналогии Закона об ООО в этой части (Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 02.02.2017 по делу N A56-50914/2016 // СПС КонсультантПлюс).

⁴²⁸ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.01.2017 N Ф09-12225/16 по делу N A07-21705/2015 // СПС КонсультантПлюс.

⁴²⁹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.08.2016 по делу N A40-216102/15-48-1784 // СПС КонсультантПлюс.

Какие же существуют правовые средства реализации принципа добросовестности залогодержателем? Отвечая на этот вопрос, необходимо процитировать Р.С. Бевзенко, который утверждает следующее: «Если залогодержатель осуществляет корпоративные права, связанные с управлением обществом (например право голоса на общем собрании по тем или иным вопросам), то следует также сделать вывод о том, что он связан теми же обязанностями, которые имеются у участника, в частности не причинять вред корпорации, не совершать действия, которые делают невозможным достижение цели, ради которых была создана корпорация, и проч. Этот вывод вытекает из следующего: залогодержатель должен рассматриваться как конститутивный правопреемник залогодателя; раз последний несет обязанность действовать добросовестно по отношению к обществу, то и тот, кто был на время наделен корпоративным контролем, также обязан действовать в отношении общества в соответствии с принципом доброй совести»⁴³⁰.

Из данного тезиса Р.С. Бевзенко также следует, что если участник, передающий права из акций или доли, обладает таким объемом прав, который позволяет ему контролировать общество, то и залогодержатель становится контролирующим. Соответственно, на него распространяются и обязанности контролирующего лица действовать добросовестно и разумно в интересах общества (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). На спорность такой точки зрения обращает внимание Д.Г. Копылов, который пишет, что п. 3 ст. 53.1 ГК РФ распространяет свое действие на лиц, имеющих фактический контроль, в то время как залогодержатель осуществляет права на основании договора залога и контроль в данном случае является договорным⁴³¹. С нашей точки зрения, нецелесообразно искусственно сужать действие п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, так как наличие договорных оснований контроля не исключает фактический контроль, а скорее в ряде случаев выступают причиной последнего. Понятие фактический контроль является по своему содержанию более широким, чем контроль на основании договоров, и

⁴³⁰ Бевзенко Р.С. Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника // Вестник гражданского права. 2018. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

⁴³¹ Научно-практический комментарий к ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Том 1. С. 412. (Автор комментария - Д.Г. Копылов).

направлен на борьбу с попытками скрыть существование контроля путем использования неправовых средств.

В связи с этим возникает вопрос, действительно ли залогодержатель должен действовать в интересах общества, а не в интересах залогодателя? И как должен поступить добросовестный залогодержатель в ситуации, когда интересы общества и участника расходятся. Например, обществу для финансирования проекта выгодно принять нового участника, однако действующий участник не желает разделять управление.

Анализ судебной практики показывает, что суды акцентируют внимание на том, что у залогодержателя корпоративных прав все-таки имеется свой законный интерес – сохранение предмета залога, который вытекает из существа залога как способа обеспечения обязательства, а не средства получения корпоративного контроля⁴³².

Получается, что у залогодержателя возникает своеобразный конфликт интересов: интерес залогодержателя в сохранении предмета залога, интерес залогодателя, интерес общества. Представляется, что эта проблема должна решаться следующим образом. В первую очередь должен реализовываться интерес в сохранении предмета залога, так как он является сутью взаимоотношений залогодержателя и с залогодателем, и с самим обществом. В отсутствие этого интереса правоотношения по смыслу закона не могли бы возникнуть. Таким образом, именно сохранение предмета залога является охраняемым законом интересом залогодержателя. Однако при осуществлении прав из договора залога залогодержатель, как и при осуществлении любого другого права, в силу п. 3 ст. 1 ГК РФ должен действовать добросовестно, то есть с учетом прав и интересов иных участников гражданских правоотношений. Залогодержатель должен намеренно не вредить залогодателю, содействовать последнему в осуществлении его корпоративных прав. То есть принимать участие в общих собраниях, если неучастие может стать причиной исключения участника

⁴³² См., напр.: п. 11 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // СПС КонсультантПлюс; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.08.2016 по делу N А40-216102/15-48-1784 // СПС КонсультантПлюс.

из общества. Залогодержатель должен учитывать интересы корпорации, то есть злонамеренно не блокировать принятие решений. Однако, как правило, на залогодержателя нельзя возлагать ту же степень добросовестности, которая должна возлагаться на участников (в особенности контролирующих) и членов органов управления, которые должны действовать именно в интересах корпорации (повышенный стандарт добросовестности – активная добросовестность). Хотя судам необходимо учитывать все обстоятельства дела, так как возможны ситуации, когда договор залога используется не как средство обеспечения исполнения обязательства, а как средство контроля, например в случаях, когда лицо не может быть участником или акционером хозяйственного общества (не имеет законного интереса участия в корпорации). В этих случаях залогодержатель может быть напрямую привлечен к субсидиарной ответственности (ст. 61.11 Закона о банкротстве) или к ответственности за убытки (ст. 53.1 ГК РФ) как лицо, осуществляющее контроль над корпорацией. И на такого залогодержателя, соответственно, возлагается обязанность добросовестности активного характера.

Также правовым средством добросовестного осуществления прав из договора залога корпоративных прав может являться квазикорпоративный договор между залогодателем (участником) и залогодержателем (третьим лицом), в котором, в частности, можно предусмотреть необходимость согласования принимаемых залогодержателем решений с залогодателем⁴³³ или иной порядок принятия решений залогодержателем под риском ответственности в виде неустойки. Такой договор может находиться как в составе договора залога, так и заключаться отдельно.

Таким образом, к негативным правовым средствам реализации принципа добросовестности залогодержателем относятся ответственность за убытки, неустойка, риск признания недействительным договора залога, отказ в защите права. Процедура передачи в залог доли в обществе с ограниченной

⁴³³ Определение Верховного Суда РФ от 10.03.2020 №301-ЭС20-457 по делу №А11-17057/2018 // СПС КонсультантПлюс.

ответственностью и квазикорпоративный договор, устанавливающий порядок осуществления корпоративных прав залогодержателем, являются нейтральными правовыми средствами реализации принципа добросовестности.

Стороны сделок купли-продажи акций и долей

В соответствии с п. 2 ст. 1 ГК РФ физические лица и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Однако такой интерес не должен носить всеобъемлющий характер, затмевающий интересы всех иных субъектов. Ни один нормальный гражданско-правовой оборот не может строиться на обманных и недобросовестных действиях. Такой подход относительно быстро приведет к войне всех против всех, что в конечном счете не служит интересам и отдельных субъектов. Желание продать акции или долю в хозяйственном обществе по максимально выгодной цене естественно и полностью соответствует интересу продавца, однако реализация этого интереса должна осуществляться добросовестно. Особенно это важно в корпоративном праве, так как такой объект гражданских прав как акции и доли гораздо сложнее проверять на предмет соответствия цене. При покупке, например, шкафа покупатель может осмотреть шкаф со всех сторон, открыть дверцы, чтобы увидеть его реальное состояние. Акции и доли не являются объектами материального мира, а подтверждают лишь право участия в хозяйственном обществе, деятельность и принадлежащее имущество которого и представляют интерес для покупателя. Проверка деятельности и всего имущества общества, а не отдельного шкафа как в приведенном примере, представляет значительные сложности и открывает карт-бланш для недобросовестных лиц (например, сокрытие невыгодных для продавца фактов). В связи с этим в сделках купли-продажи акций правовые средства реализации принципа добросовестности продавцом приобретают особое значение.

Принцип добросовестности лежит в основе ст. 431.2 ГК РФ (заверения об обстоятельствах). Сторона, которая при заключении договора либо до или после его заключения дала другой стороне недостоверные заверения об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения

или прекращения (в том числе относящихся к предмету договора, полномочиям на его заключение, соответствию договора применимому к нему праву, наличию необходимых лицензий и разрешений, своему финансовому состоянию либо относящихся к третьему лицу), обязана возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью таких заверений, или уплатить предусмотренную договором неустойку.

Предусмотренная настоящей статьей ответственность наступает, если сторона, предоставившая недостоверные заверения, исходила из того, что другая сторона будет полагаться на них, или имела разумные основания исходить из такого предположения.

Помимо возможности взыскания убытков и неустойки, негативными последствиями для недобросовестной стороны, давшей недостоверные заверения, является возможность для добросовестной стороны отказаться от договора или требовать признания договора недействительным или незаключенным.

Однако принцип добросовестности при наличии в договоре заверений об обстоятельствах может служить и целям защиты продавца от недобросовестных действий покупателя. Так, в одном из дел суд посчитал, что, во-первых, добросовестный покупатель должен исследовать покупаемый объект хотя бы из публичных источников, во-вторых, намеренное включение покупателем, который являлся разработчиком проекта договора в качестве заверений об обстоятельствах тех заверений, о пороках которых ему известно изначально, еще до заключения договора, является злоупотребление правом (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Отказывая покупателю в иске о взыскании неустойки по договору суд указал следующее: «...институт заверений об обстоятельствах вытекает и основывается на принципе добросовестности. Поэтому право на иск о взыскании неустойки или убытков, вызванных недостоверными заверениями, имеет только добросовестная сторона. Осведомленность стороны, получившей заверения, является основанием для отказа в удовлетворении требования»⁴³⁴.

⁴³⁴ Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2017 N 16АП-3716/2017 по делу N А63-1976/2017 // СПС КонсультантПлюс.

На практике возможны ситуации, когда у третьих лиц остаются широкие полномочия на совершение существенных действий по управлению обществом на основании выданных продавцом доверенностей различным лицам до передачи акций и долей покупателю. Такие полномочия могут использоваться как средство давления на покупателя в период до полного исполнения сделки – до выплаты продавцу полной стоимости по договору, которая обычно удерживается покупателем как обеспечительный платеж на период проведения проверки купленного актива. Обеспечительный платеж является гарантией выплаты убытков и неустойки в случае недостоверности заверений об обстоятельствах. Средством пресечения такого недобросовестного поведения может являться включение в договор купли-продажи акций или долей положения, обязывающего продавца отозвать выданные доверенности до передачи предмета договора покупателю. В случае нарушения этого обязательства необходимо предусмотреть ответственность продавца в виде возмещения убытков или выплаты неустойки⁴³⁵.

Как злоупотребление правом, на наш взгляд, следует рассматривать действия продавца контрольного пакета акций или доли по переманиванию клиентов. Так, не исключены ситуации, когда после продажи 100 % доли в обществе с ограниченной ответственностью, производящем торты на заказ с лояльной клиентской базой, продавец открывает бизнес по изготовлению тортов и отправляет всем клиентам письма на электронную почту с информацией о том, что теперь их любимые торты производит другая компания⁴³⁶.

Средства реализации принципа добросовестности продавцом – бывшим участником – в таких случаях имеют особое значение, так как для покупателя контрольного пакета акций и долей особый интерес, как правило, представляет именно готовый бизнес со своей репутацией, способами получения прибыли, клиентами, сотрудниками, а не отдельно взятое оборудование, помещение. И все эти аспекты закладываются в цену акций и долей. Соответственно, действия

⁴³⁵ Глухов Е.В. Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ. М.: М-Логос, 2019. С. 573.

⁴³⁶ В качестве примера из реальной практики можно привести создание ОАО «РЖД» нового контейнерного оператора АО «РЖД Бизнес Актив» после продажи контрольного пакета акций в контейнерном операторе ПАО «ТрансКонтейнер» (РЖД развивает своего контейнерного оператора // Сайт «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4671733> (дата обращения: 04.08.2021)).

продавца по созданию конкурирующего бизнеса противоречат цели сделки по продаже акций/долей, нарушают интересы покупателя и влекут получение недобросовестным продавцом излишнего дохода в отсутствие к тому оснований.

Для недопущения таких недобросовестных действий в договор купли-продажи акций нередко включают условия о запрете конкуренции, однако с точки зрения антимонопольного законодательства такие условия представляются не бесспорными. Как пишут С.Ю. Филиппова и И.С. Шиткина: «Зачастую при юридическом сопровождении сделок M&A консультанты рекомендуют клиентам воздерживаться от включения в условия договора запрета конкуренции, несмотря на то что такой запрос весьма распространен. Позиция консультантов опирается на неустойчивость российской судебной практики, а поэтому невозможность гарантировать судебную защиту прав из таких договоров»⁴³⁷.

Е.В. Глухов со ссылкой на специальные разъяснения Европейской комиссии пишет: «...обязательства о неконкуренции могут сопровождать сделку купли-продажи бизнеса с целью полной передачи покупателю соответствующего бизнеса (это может способствовать сохранению лояльности клиентов, полноценному использованию покупателем соответствующего ноу-хау и пр.). ...По своему содержанию обязательство о неконкуренции в рамках сделки продажи / приобретения бизнеса должно по объему (сроки, географическая территория и пр.) в разумной степени соответствовать целям сделки»⁴³⁸. Представляется, что подобный подход следовало бы перенять и отечественному правопорядку.

Также средством защиты от таких недобросовестных действий может стать административная или уголовная ответственность за недобросовестную конкуренцию (ст. 14.33 КоАП РФ, ст. 178 УК РФ), выразившуюся в использовании коммерческой тайны, обладателем которой является другой хозяйствующий субъект-конкурент, без согласия лица, имеющего право ею

⁴³⁷ Филиппова С.Ю., Шиткина И.С. Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки: монография. М.: Статут, 2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁴³⁸ Глухов Е.В. Указ. соч. С. 707.

распоряжаться (ст. 14.7 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁴³⁹)⁴⁴⁰.

Еще одним ярким примером недобросовестного действия продавца может служить следующее судебное дело. Незадолго до продажи 100 % акций компании генеральный директор заключает дополнительные соглашения к договорам на выполнение ремонтных работ с компанией, входящей в одну группу лиц с исполнителем и находящейся под контролем одного и того же с исполнителем лица. В дополнительные соглашения были включены дополнительные заведомо неисполнимые обязанности и огромные штрафы за их неисполнение с риском предъявления требований на сумму, которая на 20% выше балансовой стоимости активов и в 8-10 раз превышает чистую прибыль исполнителя. После продажи компании-исполнителя по договору лицу, не входящему в одну группу лиц с заказчиком и исполнителем, заказчик подает иск о взыскании штрафа по дополнительным соглашениям. Новый акционер исполнителя обратился в суд с косвенным иском о признании дополнительных соглашений недействительными как сделок, заключенных в нарушение порядка согласования сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. По мнению истца, генеральный директор, действуя по поручению контролирующего лица (данный факт не отрицался генеральным директором), подписал дополнительные соглашения и не проинформировал об этом совет директоров. Суд признал данные сделки недействительными как сделки, совершенные органом юридического лица в ущерб интересам юридического лица (п. 2 ст. 174 ГК РФ). Согласно данной норме сделка может быть признана судом недействительной по иску, предъявленному в интересах юридического лица, если другая сторона сделки знала или должна была знать о явном ущербе для юридического лица либо имели место обстоятельства, которые свидетельствовали о сговоре либо об иных совместных действиях органа юридического лица и другой стороны сделки в

⁴³⁹ СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

⁴⁴⁰ В одном из дел к ответственности за недобросовестную конкуренцию и незаконное использование коммерческой тайны были привлечены бывшие сотрудники компании, которые основали новую компанию-конкурента с использованием разработок и коммерческой информации бывшего работодателя, а также переманивали клиентов (См.: Постановление ФАС Московского округа от 16.09.2013 по делу N А40-98738/12-21-929 // СПС КонсультантПлюс).

ущерб интересам юридического лица. Суд указал, что оспариваемые сделки совершены в ущерб интересам исполнителя, существенно изменяли баланс прав и обязанностей по ранее заключенным договорам, факт сговора подтверждается подконтрольностью заказчика, исполнителя и самого генерального директора на момент совершения оспариваемых сделок одному лицу. Истец (исполнитель) и ответчик (заказчик) находились под полным контролем одного лица, что само по себе создает презумпцию осведомленности ответчика о причинении оспариваемыми сделками ущерба истцу⁴⁴¹.

Таким образом, к негативным правовым средствам реализации принципа добросовестности стороной договора купли-продажи акций или доли относятся убытки, неустойка, риск признания недействительным договора купли-продажи акций или доли, расторжение или изменение договора, отказ в защите права. Нейтральными правовыми средствами реализации принципа добросовестности являются различные положения договора купли-продажи акций.

Резюмируя работу над настоящим разделом исследования, кратко следует обозначить следующие выводы. На контролирующее лицо, как ключевую фигуру в формировании воли корпорации, возлагается обязанность действовать добросовестно активного характера, предполагающая направленность действий контролирующего лица на реализацию интересов юридического лица. Стороны квазикорпоративного договора и договоров купли-продажи акций и долей, а также залогодержатель корпоративных прав, не будучи контролирующими лицами, должны действовать добросовестно при реализации собственного интереса с учетом интересов иных лиц. Однако, принимая во внимание возможность оказания существенного влияния залогодержателем прав участника на деятельность корпорации, залогодателю необходимо проявлять особую осмотрительность при выборе кредитора и по возможности как можно более широко определять в договоре то, как залогодержатель будет реализовывать права для защиты интересов корпорации.

⁴⁴¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2021 N 09АП-75255/2021 по делу N А40-17239/2020 // СПС КонсультантПлюс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа над настоящим исследованием позволила обосновать положения, выносимые на защиту. В заключении необходимо кратко обозначить основные выводы по результатам проведенной работы.

Принцип добросовестности является одним из ключевых принципов осуществления корпоративных прав и исполнения корпоративных обязанностей, направленным на учет прав и интересов широкого круга вовлеченных в корпоративные правоотношения субъектов.

Особенности реализации принципа добросовестности в корпоративном праве обусловлены спецификой корпоративного права, которая заключается в вовлечении широкого круга лиц и пересечении интересов различных субъектов; возможности злоупотреблений, вызванных принципом ограниченной ответственности; длящимся характере отношений и невозможности прогнозирования конечных результатов; подчинении воле большинства, в связи с чем добросовестность мажоритарных участников оказывает существенное влияние на права и законные интересы миноритарных участников.

Принцип добросовестности в корпоративном праве выступает как принцип осуществления прав и исполнения обязанностей; как ориентир для законодателя; как критерий для оценки поведения субъектов корпоративных правоотношений и иных вовлеченных в корпоративные правоотношения лиц. Принцип добросовестности как ориентир для законодателя находил свое отражение и до закрепления принципа добросовестности в ст. 1 ГК РФ. Многие нормы корпоративного законодательства берут свои истоки из принципа добросовестности, например возможность образования дробных акций, ответственность контролирующих лиц за причиненные обществу убытки.

Принцип добросовестности в корпоративном праве характеризуется объективностью, из чего следует, что: оценка поведения лица на соответствие принципу добросовестности производится на основании стандарта поведения, а идеал поведения не признается в качестве норматива; анализируются не мотивы поведения лица, а отражение его поведения в фактах действительности.

Категория «злоупотребление правом» является разновидностью более широкого понятия – недобросовестность. Отличие заключается в том, что злоупотребление правом имеет место только тогда, когда лицо осуществляет принадлежащее ему субъективное право в нарушение принципа добросовестности. Более широкая категория «недобросовестность» включает в себя также недобросовестное исполнение обязанностей.

Недобросовестность в отличие от неразумности всегда характеризуется умышленной формой вины, а принцип добросовестности отражает этические начала в праве, направленные на установление границ допустимого в частном праве эгоизма.

На основании анализа доктринальных разработок, судебной практики, законодательства и рекомендательных актов выделены следующие функции принципа добросовестности в корпоративном праве: конкретизирующая, направленная на уточнение существующих прав и обязанностей в целях их добросовестной реализации; дополняющая, суть которой состоит в возложении на субъектов правоотношения дополнительных обязанностей для добросовестного осуществления основных прав и обязанностей; ограничительная, направленная на недопущение злоупотребления правом; корректирующая, заключающаяся в возможности изменения содержания прав и обязанностей в связи с изменившимися обстоятельствами для защиты добросовестной стороны.

На реализацию принципа добросовестности в корпоративном праве направлен ряд правовых средств, наиболее специфическим из которых является отказ в защите права, целью которого является защита прав субъектов корпоративных правоотношений.

Предложены различные классификации правовых средств, направленных на реализацию принципа добросовестности в корпоративном праве. По источнику правовые средства реализации принципа добросовестности в корпоративном праве делятся на законодательные; выработанные судебной практикой; исходящие из рекомендательных актов («мягкого права»); основанные на корпоративном правотворчестве (уставах, внутренних документах); договорные.

По характеру воздействия правовые средства реализации принципа добросовестности в корпоративном праве подразделяются на: негативные, нейтральные и позитивные. По статусу субъекта воздействия следует выделять правовые средства реализации принципа добросовестности корпорацией; участниками; членами органов управления; иными лицами, вовлеченными в корпоративные правоотношения.

Реализация принципа добросовестности в корпоративном праве различна в зависимости от статуса субъекта. На членах органов управления и контролирующих лицах лежит обязанность активной добросовестности, на остальных субъектах корпоративных правоотношений и вовлеченных в корпоративные правоотношения лиц – обязанность пассивной добросовестности.

Правовые нормы должны способствовать реализации принципа добросовестности в корпоративном праве, а не препятствовать ей, для чего при законотворческом процессе требуется учитывать правомерные интересы субъектов корпоративных правоотношений.

Проведенное исследование показало особое значение принципа добросовестности в корпоративном праве: направленность на формирование баланса интересов, влияние на действующее законодательство, правоприменительную практику, а также необходимость доктринальных разработок для направления законодательства и формулирования критериев применения судами оценочной правовой категории – добросовестность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. №31. Ст. 4398.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. №1. Ст. 1.
6. Федеральный закон от 22.04.1996 N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. №17. Ст. 1918.
7. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. №7. Ст. 785.
8. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. №43. Ст. 4190.
9. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
10. Приказ Росимущества от 21.11.2013 № 357 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы Совета директоров в акционерном обществе».
11. Письмо Банка России от 10.04.2014 N 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления».
12. Письмо ФНС России от 16.08.2017 N СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ».

Проекты нормативных правовых актов

1. Проект Федерального закона «О внесении изменений в федеральные законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части законодательного закрепления возможности хозяйственных обществ страховать за свой счет имущественную ответственность членов органов управления, а также иных лиц» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 02/04/02-21/00113425) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27.05.2021).

2. Проект Федерального закона «О внесении изменения в главу VIII Федерального закона «Об акционерных обществах» в части создания правового механизма, предотвращающего вхождение в состав органов управления публичных обществ недобросовестных лиц» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 02/04/05-21/00116450) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 31.05.2021).

Судебная практика

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 N 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2010 N 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобами открытых акционерных обществ «Газпром», «Газпром нефть», «Оренбургнефть» и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)».

3. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2011 N 8-О-П «По жалобе открытого акционерного общества «Нефтяная компания «Роснефть» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца первого пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах».

4. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2017 N 1-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Управляющая компания «Арсагера» на нарушение конституционных прав и свобод статьями 32 и 42 Федерального закона «Об акционерных обществах».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 90, Пленума ВАС РФ N 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

6. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

9. «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019).

10. «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020).

11. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 N 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации».

12. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 N 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ».

13. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 N 151 <Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью>.

14. Постановление Президиума ВАС РФ от 04.12.2012 N 8989/12 по делу N A28-5775/2011-223/12.

15. Постановление Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 N 12913/12 по делу N A27-15517/2011.

16. Определение Верховного Суда РФ от 10.03.2020 №301-ЭС20-457 по делу №A11-17057/2018.

17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.10.2014 по делу N 306-ЭС14-14, A06-2044/2013.

18. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.04.2017 N 306-АД16-17822 по делу N A57-30087/2015.

19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.05.2018 N 301-ЭС17-22652(2) по делу N A43-10686/2016.

20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 N 307-ЭС17-11745(2) по делу N A56-83793/2014.

21. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2020 N 310-ЭС20-6760 по делу N A14-7544/2014.

22. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2021 N 307-ЭС21-29 по делу N A56-69618/2019.

23. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2021 N 305-ЭС18-13210(2) по делу N A40-252160/2015.

24. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 12.02.2004 N Ф04/702-5/A70-2004.

25. Постановление ФАС Московского округа от 22.12.2004 N КГ-A40/11231-04. Постановление ФАС Московского округа от 28.07.2005 N КА-A41/6792-05.

26. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 05.06.2007, 29.05.2007 N Ф03-A73/07-1/1709 по делу N A73-10689/06-9.

27. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 30.07.2008 по делу N A56-37742/2007.

28. Постановление ФАС Поволжского округа от 12.08.2010 по делу N A06-7624/2009.

29. Постановление ФАС Московского округа от 14.11.2011 по делу N A40-8908/11-100-68.

30. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 13.01.2012 по делу N A32-3418/2011.

31. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.05.2012 по делу N A32-22145/2011.

32. Постановление ФАС Центрального округа от 16 июля 2012 г. по делу N A09-643/2010.

33. Постановление ФАС Московского округа от 19.09.2012 по делу N A41-1348/12.

34. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 29.01.2013 по делу N A56-52257/2011.

35. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 05.04.2013 по делу N A45-12984/2012.

36. Постановление ФАС Московского округа от 16.09.2013 по делу N A40-98738/12-21-929.

37. Постановление ФАС Московского округа от 20.11.2013 N Ф05-5767/2009 по делу N А40-25128/2008.
38. Постановление ФАС Московского округа от 03.04.2014 N Ф05-2375/2014 по делу N А40-61087/2013.
39. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.04.2015 N Ф08-2281/2015 по делу N А53-19292/2014.
40. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 мая 2015 г. N Ф05-2712/15 по делу N А40-33399/2013.
41. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.06.2015 N Ф05-6901/2014 по делу N А40-159838/2012.
42. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.06.2015 N Ф10-1836/2015 по делу N А62-6896/2014.
43. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.07.2015 N Ф05-7362/2015 по делу N А40-97352/2012.
44. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.04.2016 N Ф07-728/2016 по делу N А56-29184/2015.
45. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.05.2016 N Ф03-1173/2016 по делу N А73-8118/2014.
46. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.09.2016 N Ф04-3595/2016 по делу N А27-3476/2015.
47. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.10.2016 N Ф05-14395/2016 по делу N А40-1413/16.
48. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.11.2016 N Ф02-5092/2016 по делу N А33-17413/2014.
49. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.12.2016 N Ф05-18885/2016 по делу N А40-242180/2015.
50. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.01.2017 N Ф09-12225/16 по делу N А07-21705/2015.
51. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.05.2017 N Ф09-750/17 по делу N А60-15318/2016.

52. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.05.2017 N Ф04-209/2017 по делу N А45-9954/2016.
53. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.02.2018 N Ф06-29567/2018 по делу N А55-10152/2013.
54. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2018 N Ф05-21923/2017 по делу N А40-13997/17.
55. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.07.2018 N Ф09-3864/18 по делу N А60-42177/2017.
56. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.08.2018 N Ф06-35990/2018 по делу N А72-9729/2017.
57. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.09.2018 N Ф05-14470/2018 по делу N А40-158090/17.
58. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.01.2019 N Ф06-41458/2018 по делу N А12-17390/2018.
59. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.03.2019 N Ф04-681/2019 по делу N А46-1775/2018.
60. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.09.2019 N Ф05-14847/2019 по делу N А40-262698/2018.
61. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.10.2019 N Ф05-16091/2019 по делу N А40-4931/2019.
62. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.10.2019 N Ф08-8789/2019 по делу N А32-13657/2018.
63. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.06.2020 N Ф01-10833/2020 по делу N А82-8283/2019.
64. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.07.2020 N Ф08-5129/2020 по делу N А32-35774/2019.
65. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.07.2020 N Ф07-2540/2020 по делу N А56-41594/2017.
66. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.09.2020 N Ф05-6016/2015 по делу N А40-85776/2014.

67. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.09.2020 N Ф09-5520/20 по делу N А07-8555/2016.
68. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.02.2021 N Ф05-1362/2021 по делу N А41-100790/2019.
69. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.03.2021 N Ф05-2081/2021 по делу N А40-256182/2019.
70. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.05.2021 N Ф01-1824/2021 по делу N А82-13705/2018.
71. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.05.2021 N Ф07-6083/2021 по делу N А56-78123/2014.
72. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.06.2021 N Ф09-1577/21 по делу N А76-20500/2020.
73. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.06.2021 N Ф05-16163/2019 по делу N А40-67976/2016.
74. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.07.2021 N Ф05-22659/2018 по делу N А40-5992/2018.
75. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2017 N 16АП-3716/2017 по делу N А63-1976/2017.
76. Постановление Седьмого ААС от 02.11.2017 по делу N А45-12405/2017.
77. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.04.2018 N 09АП-5173/2018-АК по делу N А40-255075/2016.
78. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2018 N 09АП-51519/2018 по делу N А40-99921/18.
79. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.10.2020 N 17АП-9715/2020-ГК по делу N А50-37785/2019.
80. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2021 N 09АП-75255/2021 по делу N А40-17239/2020.
81. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.04.2021 по делу № А40-5992/2018.

82. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 23 мая 2013 года по делу N A53-3054/2013.

83. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.08.2016 по делу N A40-216102/15-48-1784.

84. Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 02.02.2017 по делу N A56-50914/2016.

85. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.07.2018 по делу N A40-99921/18-57-471.

Книги

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юриздат, 1940. 192 с.

2. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. I. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.

3. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. II. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.

4. Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. М.: Издательская группа НОРМА - ИНФРА, 1999. 712 с.

5. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Учебное пособие. Горький: Изд-во ГВШ МВД, 1974. 124 с.

6. Баранов С.Ю. Гражданско-правовые средства охраны прав потребителей. М.: Статут, 2014. 159 с.

7. Баринов Н.А. Имущественные потребности и гражданское право. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 191 с.

8. Бентам И. Принципы законодательства // Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. Т. I. М.: Мысль, 1997. 753 с.

9. Бербешкина З.А. Совесть как этическая категория. М.: Высш. шк., 1986. 103 с.

10. Бирюков Д.О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности / Вступ. сл. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2020. 300 с.
11. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях: монография. М.: Юстицинформ, 2014. 344 с.
12. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. М.: Статут, 2019. 255 с.
13. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.
14. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 167 с.
15. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. 216 с.
16. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве: понятие, виды, государственные юридические лица. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. 364 с.
17. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 507 с.
18. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут. 2016. 431 с.
19. Вольфсон В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. Монография. М.: Проспект, 2019. 144 с.
20. Габов А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М.: Статут, 2010. 253 с.
21. Глухов Е.В. Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ. М.: М-Логос, 2019. 1208 с.

22. Гольбах П.А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. М.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1940. 455 с.
23. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 411 с.
24. Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М.: ВЮЗИ, 1950. 199 с.
25. Гуссаковский П.Н. Вопросы акционерного права. Петроград: Сенатская типография, 1915. 115 с.
26. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с.
27. Дедов Д.И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2004. 273 с.
28. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. 1120 с.
29. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2006. 736 с.
30. Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М.: Наука, 1977. 336 с.
31. Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: Дис.на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук.. М., 2005. 187 с.
32. Ильин И.А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл.; Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.
33. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. 360 с.
34. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. 144 с.
35. Каминка А.И. Акционерные компании: юридическое исследование. Т. I. СПб.: Типо-лит. А.Е. Ландау, 1902. 512 с.

36. Кант И. Критика практического разума. Электронное издание «Библиотека Гумер».
37. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
38. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 449 с.
39. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 430 с.
40. Корпоративное право: учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019. 735 с.
41. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 1. 976 с.
42. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. 990 с.
43. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. 494 с.
44. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017. 160 с.
45. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с.
46. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М.: Госюриздат, 1962. 238 с.
47. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут, 2020. 146 с.
48. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 423 с.
49. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
50. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве / Под ред. проф. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во СГУ. 1994. 184 с.
51. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 6. 761 с.

52. Мозолин В.П. Корпорации, монополии и право США. М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1966. 393 с.
53. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов: Сарат. ВШ МВД РФ, 1996. 286 с.
54. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. Москва: Статут, 2019. 278 с.
55. Научно-практический комментарий к ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / Под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. Том 1. 630 с.
56. Нерсисянц В.С. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов. М.: Норма, 2004. 832 с.
57. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Под ред. В.С. Степина М.: Мысль, 2010. 2816 с.
58. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1 - 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2020. 1104 с.
59. Петражицкий Л.И. Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве. СПб.: Изд-во Типографии Министерства финансов, 1898. 220 с.
60. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1908. 271 с.
61. Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. М.: Статут, 2002. 426 с.
62. Покровский И.А. Естественные-правовые течения в истории гражданского права. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1909. 53 с.
63. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 351 с.
64. Предпринимательское право: современный взгляд: монография / отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019. 600 с.

65. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ. 2019. 664 с.
66. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА. ИНФРА-М, 2011. 992 с.
67. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юрид. лит., 1984. 224 с.
68. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М.: Волтерс Клувер, 2010. 224 с.
69. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2013. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 958 с.
70. Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 200 с.
71. Скловский К.И. Проблемы собственности и владения в гражданском праве России. М.: Дело, 1999. 453 с.
72. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2008. 922 с.
73. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Электронное издание «Библиотека «Вехи».
74. Сорокин В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1976. 142 с.
75. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
76. Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. 207 с.
77. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. 666 с.

78. Текутьев Д.И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. М.: Статут, 2017. 176 с.
79. Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права. М.: Госюриздат, 1960. 340 с.
80. Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе / Под ред. Е.П. Губина. М.: Юрист, 1999. 248 с.
81. Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: Статут, 2011. 320 с.
82. Филиппова С.Ю., Шиткина И.С. Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки: монография. М.: Статут, 2019. 191 с.
83. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Издательство политической литературы, 1981. 445 с.
84. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Издательство политической литературы, 1963. 544 с.
85. Халфина Р.О. Правовое регулирование поставки продукции в народном хозяйстве. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 267 с.
86. Цепов Г.В. Акционерные общества: теория и практика. М.: Проспект, 2006. 200 с.
87. Цитович П.П. Труды по торговому и вексельному праву: в 2 т. / П.П. Цитович. Т. 1: Учебник торгового права. К вопросу о слиянии торгового права с гражданским. М.: Статут, 2005. 346 с.
88. Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. 478 с.
89. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1. Введение. Торговые деятели. М.: Статут, 2003. 480 с.
90. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / вступ. ст. Е.А. Суханова. М.: СПАРК, 1995. 556 с.
91. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / А.В. Габов, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. А.В. Габов, О.В.

Гутников, С.А. Синицын. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. Т. 1: Общие положения о юридических лицах. 384 с.

92. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / А.В. Габов, К.Д. Гасников, В.П. Емельянцев и др.; отв. ред. А.В. Габов. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц. 280 с.

93. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: Учеб. пособие. Свердловск: Полиграфист, 1972. 212 с.

Статьи

1. Абрамов С.И. Правовое значение отношений контроля в контексте института несостоятельности (банкротства) // Право и экономика. 2020. № 1. С. 37-42.

2. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. 1946. № 6. С. 424-436.

3. Амирян И.Л. Разумно ли требование разумного поведения директора? Или «поведенческая юриспруденция» // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2020. № 4. Электронное издание.

4. Амфитеатров Г. Н. Вопросы виндикации в советском праве // Советское государство и право. 1941. № 2. С. 38-47.

5. Андреев В.К. Корпорация как самостоятельный субъект права // Гражданское право. 2015. № 1. С. 7-13.

6. Багаев В. Единственный доктор для закона – это судья [Интервью с С.В. Сарбашем] // Закон. 2017. № 4. С. 6-19.

7. Бевзенко Р.С. Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 10-22.

8. Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 49-52.

9. Белов В.А. Самое сокровенное знание (заметки о содержании и пределах права участников хозяйственных обществ на получение информации об их деятельности и на ознакомление с их документацией) // Закон. 2012. № 8. С. 71-77.
10. Бирюков Д. Квазикорпоративные договоры: новелла российского законодательства // Хозяйство и право. 2015. № 5. С. 28-44.
11. Будылин С.Л. Что такое добросовестность, или Дело о тесной камере. На базе Определения Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 14.11.2017 N 84-КГ17-6 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 159-172.
12. Василевская Л.Ю. Залог прав участников юридических лиц: проблемы и противоречия // Гражданское право. 2018. № 1. С. 3-6.
13. Габов А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 36-79.
14. Габов А.В., Молотников А.Е. Корпоративный шантаж как правовое явление // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 48-63.
15. Габов А.В., Молотников А.Е. Проблемы правового регулирования страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ // Закон. 2012. № 9. С. 162-178.
16. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2002. № 7. С. 54-62.
17. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Rasing problem и возрождение судебного нормотворчества // Закон. 2021. № 6. С. 122-138.
18. Гребнев Р.Д. Роль и место судебных актов в правотворческом процессе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 2. С. 23-35.
19. Гутников О.В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // Гражданское право. 2019. № 6. С. 25-29.

20. Дедов Д.И. О формировании приоритетных интересов корпорации // Вестник МГУ. Серия Право. 2009. № 1. С. 36-43.
21. Дождев Д.В. Понятие справедливости в римской правовой традиции // Журнал Московской Патриархии. 2011. № 11. С. 60-66.
22. Егоров А.В. Злоупотребления корпоративными правами: виды и способы защиты // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / Отв. ред. Е.А. Суханов., А.Е. Шерстобитов. М.: Статут, 2021. С. 235-286.
23. Ем В.С., Суханов Е.А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 7-21.
24. Емельянов В.И. Понятие «разумность» в гражданском праве России // Вестник ВАС РФ. 2002. № 10. С. 102-105.
25. Емельянов В. Пределы осуществления гражданских прав // Российская юстиция. 1999. № 6. С. 11-19.
26. Иванова С.А. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в обязательственном праве // Законодательство и экономика. 2005. № 4. С. 29-34.
27. Иоффе О.С. Грибанов В.П. Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 76-85.
28. Карелина С.А. К вопросу о пределах вмешательства государства в процесс несостоятельности (банкротства) (на примере банковского сектора) // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2. С. 3-9.
29. Карелина С.А. Принципы правового регулирования отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника // Предпринимательское право. 2008. № 2. С. 3-15.
30. Карцхия А.А. Цифровые корпорации в новом качестве управления // Гражданское право. 2020. N 4. С. 22 - 26.
31. Колосовская Т.В., Жаркая О.А. Актуальные вопросы злоупотребления миноритарными акционерами своими правами // Безопасность бизнеса. 2015. № 4. С. 16-20.

32. Коновалов А.В. Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 11-21.
33. Кузнецов А.А. Новые тенденции судебной практики по корпоративным спорам: комментарий некоторых положений Обзора ВС РФ от 25.12.2019 // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2020. № 4. Электронное издание.
34. Кузнецов А.А. Содержание особых прав кредиторов на случай реорганизации // Гражданское право. 2021. № 1. С. 27-31.
35. Кузнецова О.А. Принципы гражданского права: современное состояние вопроса // Власть Закона. 2011. № 4. С. 87-94.
36. Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 185 - 192.
37. Кулаков В.В. Разумный баланс интересов как цель гражданско-правового регулирования // Российское правосудие. 2016. Специальный выпуск. С. 174 - 185.
38. Левушкин А.Н. Совершенствование правового регулирования государственной регистрации юридических лиц: проблемы обеспечения баланса публичного и частного интереса // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 3. С. 39-42.
39. Лескова Ю.Г., Жукова Ю.Д., Павлова К.П. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: тенденции развития российского законодательства и опыт зарубежных стран // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2. С. 264 - 289.
40. Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 8. С. 6-26.
41. Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 6-33.

42. Ломакин Д.В. Право акционера на информацию: изменение подхода законодателя // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. С. 31-40.
43. Ломакин Д.В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. 2019. № 4. С. 3 - 8.
44. Мазаев Д.В. Соотношение категорий «правовая охрана» и «правовая защита» в контексте отраслей российского права и законодательства // Общество и право. 2013. № 4. С. 25-29.
45. Макарова О.А. Право акционера на информацию: новое в порядке реализации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 11. С. 52-55.
46. Махалин И.Н. Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия под маской английской шпионки // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 152-200.
47. Микрюков В.А. Принцип добросовестности – новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 4-13.
48. Мифтахутдинов Р.Т., Шайдуллин А.И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2020. № 9. С. 3-136.
49. Молотников А.Е. Участие трудовых коллективов в корпоративном управлении: российский и иностранный опыт // Предпринимательское право. 2010. № 2. С. 3-8.
50. Нам К.В. Принцип добросовестности как норма-правило // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 56-67.

51. Нам К.В. Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 88-103.
52. Нам К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 74-89.
53. Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 28-74.
54. Новак Д.В. Действия, направленные на неосновательное обогащение как форма злоупотребления правом // Основные проблемы частного права: Сб. науч. ст. / Под ред. В.В. Витрянского, Е.А. Суханова. М.: Статут, 2010. С. 171-184.
55. Новак Д.В. Добросовестность в корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 13-23.
56. Новак Д.В. Социальная функция ограничений кондикционного иска. Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. Москва: Статут, 2020. С. 116-135.
57. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124-181.
58. Осипенко О.В. Институт корпоративного договора в РФ. Новые модели // Вестник арбитражной практики. 2019. № 5. С. 16-33.
59. Пискунов Я. Корпоративное соглашение – это бомба под весь наш оборот [Интервью с Е.А. Сухановым] // Закон. 2014. № 7. С. 6-13.
60. Рожкова М.А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС РФ. 2005. № 9. С. 139-149.
61. Рясенцев В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция. 1962. № 9. С. 7-10.
62. Самойлов Е.Ю. Добросовестность как предпосылка защиты приобретателя в гражданском обороте // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 66-101.

63. Синицын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 91-131.
64. Скловский К.И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 94-118.
65. Степанов Д.И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 9. С. 60-113; № 10. С. 62-115.
66. Степанов Д.И. Для чего необходим минимальный уставный капитал и как определять его уровень? // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4. С. 43-65.
67. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29-83.
68. Степанов Д.И. Судебная практика по обязательному предложению и вытеснению миноритарных акционеров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 2. С. 80-129.
69. Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 142-206.
70. Суханов Е.А. Комментарий к ст. 65.1 - 65.3 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2014. № 3. С. 107-130.
71. Суханов Е.А. О юридических лицах в Гражданском кодексе РФ 1994 г. // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 22-34.
72. Суханов Е.А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 2. С. 4-35.
73. Тарасов Н.Н. Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 90 - 115.
74. Текутьев Д.И. Опционная программа как средство повышения эффективности деятельности членов органов управления хозяйственных обществ // Право и экономика. 2014. № 12. С. 25-31; 2015. № 3. С. 29-35.

75. Текутьев Д. Правовые аспекты выплаты вознаграждений членам совета директоров хозяйственных обществ // Актуальные проблемы предпринимательского права / под ред. А.Е. Молотникова. М.: Стартап, 2015. Вып. IV. С. 112-126.

76. Текутьев Д.И. Правовые проблемы страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ // Предпринимательское право. 2014. № 3. С. 47 - 56.

77. Текутьев Д.И. Правовые средства повышения эффективности деятельности членов органов управления хозяйственных обществ (лекция в рамках программы «Корпоративное право») // Предпринимательское право. Приложение Право и Бизнес. 2014. № 4. С. 38-48.

78. Телюкина М.В. Конкурсная трансформация механизмов осуществления гражданских прав // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / Отв. ред. Е.А. Суханов., А.Е. Шерстобитов. М.: Статут, 2021. С. 218-234.

79. Третьяков С.В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (к публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») // Вестник гражданского права». 2007. № 2. С. 253-270.

80. Ушницкий Р.Р. Является ли корпорация участницей основного корпоративного правоотношения? // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 3. С. 43-46.

81. Филиппова С.Ю. К вопросу о понятии, составе и структуре уставного капитала хозяйственного общества // Хозяйство и право. 2018. № 11. С. 35 - 52.

82. Филиппова С.Ю. Право на информацию о деятельности акционерного общества // Хозяйство и право. 2017. № 5. С. 22-39.

83. Фогельсон Ю.Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 9. С. 103-116.

84. Фогельсон Ю.Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции (верховенство ГК, добросовестность) // Закон. 2019. № 6. С. 160-173.

85. Фогельсон Ю.Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции // Закон. 2019. № 4. С. 159-170.

86. Харитонов Ю.С. Добросовестность как принцип управления в частном праве // Гражданское право. 2010. № 3. С. 7-10.

87. Целовальникова И.Ю. Гражданско-правовая ответственность участников корпоративных отношений // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 60-67.

88. Цепов Г.В. Вознаграждение члена совета директоров: контрактный подход // Закон. 2018. № 4. С. 162-173.

89. Цепов Г.В. Общие принципы акционерного законодательства и защита прав акционеров. Комментарий Постановления Президиума ВАС РФ от 14.03.2006 N 12591/05 // Закон. 2006. № 7. С. 49-55.

90. Чукреев А.А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 100-104.

91. Чупрунов И.С. Влияние одобрения акционеров на ответственность директора перед корпорацией. Развернутый комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.09.2019 N 305-ЭС19-8975 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 7. С. 112-167.

92. Чупрунов И.С. К вопросу о конструкции преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 94-219.

93. Чупрунов И.С. Начало "новой жизни" в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 N 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 25-68.

94. Шапкина Г.С. К вопросу о защите прав акционеров // Хозяйство и право. 2004. № 12. С. 3-8.

95. Шерстобитов А.Е. Злоупотребление правом (доктрина и практика) // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею В.С. Ема / Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. С. 456-367.
96. Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / отв. ред. А.М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014. С. 203-242.
97. Шиткина И.С., Буткова О.В. Риск привлечения к ответственности директора и предпринимательская инициатива: поиск баланса // Закон. 2019. № 1. С. 38-49.
98. Шиткина И.С. Выявление и учет общих экономических интересов группы компаний (участников холдинга) при совершении крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность // Закон. 2019. № 6. С. 172-181.
99. Шиткина И.С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2015. № 2. С. 2-26.
100. Шиткина И.С. Особенности развития современного корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 45-65.
101. Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 114-133.
102. Яковлев В.Ф. О кодификации гражданского законодательства современной России // Основные проблемы частного права: Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского / Отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 380-395.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблема защиты субъективных гражданских прав. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. М., 2010. 421 с.
2. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2017. 209 с.
3. Вайпан В.А.. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра юр. наук. М., 2019. 628 с.
4. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. М., 2010. 423 с.
5. Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2021. 263 с.
6. Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. М., 2019. 1161 с.
7. Копылов Д.Г. Правовое регулирование приобретения обществом размещенных акций. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2019. 240 с.
8. Кравченко А.А. Реализация принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства): правовые вопросы. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2020. 270 с.
9. Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 430 с.
10. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика применения. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. М., 2010. 54 с.

11. Мазур О.В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук. СПб., 2012. 23 с.
12. Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект. Дис. на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук. М., 2010. 144 с.
13. Сазонова И.В. Квалификация поведения субъектов как злоупотребление гражданским правом. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук. СПб., 2010. 24 с.
14. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 324 с.
15. Смирнова Я.А. Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук. М., 2019. 21 с.
16. Татарников А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к-та юрид. наук. М., 2010. 30 с.

Литература на иностранных языках

1. Al-Shamari N. Die Verkehrssitte im § 242: Konzeption und Anwendung seit 1900. Tübingen, 2006. 273 s.
2. Barclift Z.J. Fuzzy logic and corporate governance theories // Pierce Law Review. 2007. Vol. 6, N. 2. P. 177-207.
3. Burton S.J. Breach of contract and the common law duty to perform in good faith // Harvard Law Review. 1980-1981. P. 369-373.
4. Miller A.D., Perry R. Good faith in performance // Iowa Law Review. 2012. Volume 98. P. 689-745.
5. Nörr K.F. Der Richter zwischen Gesetz und Wirklichkeit. Heidelberg: C.F. Müller, 1996. 33 p.
6. Pound R. Mechanical Jurisprudence // Columbia Law Review (1908) 8. P. 605-623.

7. Summers R.S. «Good Faith» in General Contract Law and Sales Provisions of the Uniform Commercial Code // Virginia Law Review. Volume 54. N 2. 1968. P. 195-267.

8. Towards a European Civil Code. Fourth Revised and Expanded Edition / Arthur S. Hartkamp, Martijn W. Hesselink, Ewoud H. Hondius, Chantal Mak & C. Edgar du Perron, eds., Alphen aan de Rijn: Kluwer Law International, 2010. P. 619-649.

9. Wieacker F. Zur rechtstheoretischen Präzisierung des § 242 BGB. Tübingen: Mohr, 1956. 54 p.